

ПРОБЛЕМЫ

ЭКОНОМИКИ

**ОРГАН ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ**

С

№ 10

0

3

9

1

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ГОД
ИЗДАНИЯ
ВТОРОЙ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Ж У Р Н А Л
Е Ж Е М Е С Я Ч Н Ы Й

О Р Г А Н
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

№ 10

1 9 3 0
М О С К В А

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ИКА

*

СТАТЬИ

С. ГУБЕРМАН

■ ВЫПОЛНЕНИЕ ПЯТИЛЕТКИ И ПЛАН УДАРНОГО КВАРТАЛА

I

Истекший 1929/30 хозяйственный год прошел под знаком дальнейшего нарастания темпа социалистической индустриализации страны и усиленного развертывания социальной и технической перестройки сельского хозяйства.

Год выявил огромные достижения во всех решающих отраслях народного хозяйства. Несмотря на имевшие место затруднения с сельскохозяйственным сырьем, что обусловлено было отсталостью сельского хозяйства, общий темп роста продукции крупной промышленности составил 250%, превысив темп роста прошлого года, а задание пятилетки на 1929/30 г. оказалось превзойденным на 50%. Особенно велик темп роста истекшего года в области тяжелой индустрии, что характеризует реализацию генеральной линии партии в направлении решительной социалистической индустриализации страны. Тяжелая индустрия выявила рост на 42,7% против 29,1% в прошлом году. Пятилетка в этой области оказалась превзойденной на 160%.

Эти цифры показывают, что лозунг партии «пятилетка в 4 года» не фантазия, а реальный и решительным образом проводится в жизнь. Перевыполнение пятилетки и следовательно соответственная реализация лозунга партии «пятилетка в 4 года» имели место в истекшем году на важнейших участках народного хозяйства.

Задание пятилетки на 1929/30 г. оказалось перевыполненным в тяжелой индустрии по следующим отраслям: топливу (каменному углю—20% и нефти 17%), металлургии (стали 6,7% и прокату 12%), металлообработке и машиностроению (26,3%), сельскохозяйственному машиностроению (28,7%), электротехнике (39%).

Перевыполнение пятилетнего задания по металлообработке и машиностроению является лучшим ответом на усилившуюся именно в этом году экономическую блокаду нашей страны со стороны капиталистического мира. Освобождение нашей страны от иностранной зависимости в области оборудования является одной из важнейших задач. Еще с большей решительностью перевыполнение пятилетки должно проводиться в дальнейшем.

Перевыполнение пятилетнего задания в области производства сельскохозяйственных машин (28,7%), в области достигнутого уровня тракторизации сельского хозяйства (1022 тыс. л. с. против 560 тыс. л. с., что составляет 82,5% превышения пятилетнего задания для 1929/30 г.) свидетельствует о том, насколько социальная перестройка сельского хозяйства опирается на мощную перестройку технической базы сельскохозяйственного производства. За этот год было

введено в обобществленный сектор сельского хозяйства 33 067 тракторов (вместо 25 тыс. по пятилетке), что составляет около полумиллиона тракторных лошадиных сил.

Коллективизация сельского хозяйства была перевыполнена настолько, что уже в этом году оказался превзойденным уровень коллективизации, намечавшийся на последний год пятилетки: в истекшем году было коллективизировано 22% крестьянских хозяйств вместо 21%, предполагавшегося на последний год пятилетки. Весь пятилетний план выполнен в отношении коллективизации в два года. В результате урожая 1930 г., благодаря такому мощному росту коллективизации, на долю колхозов падает 30,7% всей продукции зерновых, а вместе с совхозами обобществленный сектор поднял свой удельный вес зерновой продукции до 34,1%, а в товарной до 60%. Именно этими успехами в области коллективизации на основе правильной генеральной линии партия добилась разрешения в основном зерновой проблемы. В результате урожая истекшего года, именно благодаря огромному росту удельного веса обобщественного сектора, товарная продукция зерновых превысила задание пятилетки на 32,6%. Пятилетнее задание перевыполнено также в отношении посевной площади важнейших технических культур (сахарной свеклы—11,1% и хлопка—23%). Огромные достижения в 1929/30 г. в области расширения посевной площади и роста продукции главнейших культур, именно благодаря усилившейся социалистической и технической перестройки сельского хозяйства, резким образом улучшают для особого квартала и 1931 г. материально-сырьевую базу легкой индустрии. Именно эти достижения решительным образом благоприятствуют преодолению имеющихся трудностей в области товарного голода на предметы широкого потребления и денежного обращения.

Лозунг партии «пятилетка в 4 года» выполняется и в области капитального строительства. В физическом объеме капитальное строительство промышленности перевыполнено по сравнению с заданием пятилетки на этот год на 14%, а в ценностном выражении на 27%. Огромное значение перевыполнения пятилетки именно на этом решающем участке обеспечивает дальнейшее повышение темпов роста всего народного хозяйства на социалистической базе и следовательно осуществление лозунга «пятилетка в 4 года».

Следует сопоставить факт перевыполнения заданий пятилетки с той характеристикой, которую иностранная буржуазия давала нашей пятилетке, а также с тем неверием в возможность осуществить пятилетку, которое проявляли правые в нашей партии.

Английский консервативный журнал «Statist» заявил в статье, посвященной пятилетке, что авторы этого документа невменяемы. Американский отзыв еще в январе 1930 г. сводился к следующему: «Изложение пятилетки достаточно показывает, что она носит характер скорее фантазии, чем практической экономического предложения. Даже если бы она оказалась частично осуществимой, то это было бы в исключительной степени бременем для умственных и материальных ресурсов страны» (Dominick and Dominick).

В этом же духе была встречена пятилетка со стороны буржуазии других стран. Особенный вой подняла белогвардейщина всяких мастей за границей.

Меньшевики в лице Югова и др. заявили, что пятилетний план является демагогией и обманом крестьянства и что нет иного выхода, кроме денационализации предприятий и следовательно возвращения обратно к капитализму.

Однако постепенно силою вещей буржуазия приходит к совсем иным представлениям и выводам о нашей пятилетке.

Именно факт осуществления и перевыполнения пятилетки привел к обострению классовой борьбы внутри и к усилению враждебности со стороны мировой буржуазии к Советскому Союзу. Кампания против выдуманного советского демпинга, усиление сопротивления нашим мероприятиям в области внешнеторговых отношений, усиление затруднений в области кредитных отношений— все это вызвано боязнью нашего гигантского роста.

Исключительным контрастом является перевыполнение темпов роста пятилетки, считавшейся для наших врагов фантазией, и исключительной силы кризис капиталистического хозяйства на протяжении всего 1929/1930 г. Мы в этом году ликвидировали безработицу; капиталистический же мир, наоборот, вызвал рост ее, напоминающий положение безработицы во время тягчайшего послевоенного кризиса 1921/22 г. В одних только США число безработных достигало к концу этого года 9 млн. человек. В Германии безработица составляет 5 млн. человек, а в Англии 4 млн. Нашему гигантскому росту промышленности противостоит гигантское падение промышленного производства в США и других странах Америки и Европы. Сравнение низкого уровня производства в США в августе этого года с высоким уровнем в 1929 г. до кризиса дает следующее снижение: выплавка чугуна—33⁰/₀, стали—41⁰/₀, производство автомашин—60⁰/₀, потребление хлопка—40⁰/₀. Нашему росту сельскохозяйственного производства и его технической и социалистической перестройке противостоит исключительно тяжелый аграрный кризис как в Америке, так и в Европе. Именно этот разразившийся в сильнейшей капиталистической стране—США—промышленный и аграрный кризис, перенесшийся на весь капиталистический мир, решительным образом сокрушил правооппортунистическую теорию Бухарина об организованном капитализме и преодолении кризиса как категории внутренних производственных отношений капитализма.

Неверие в возможность осуществить пятилетку не было только достоянием окружающего Советский Союз капиталистического мира и белогвардейщины. Оно было также достоянием обанкротившихся правых внутри нашей партии. Правооппортунистическое неверие в реальность пятилетки покоилось на давлении, оказываемом на неустойчивые элементы внутри нашей партии со стороны отживающих и выкорчевываемых ныне капиталистических элементов в нашей стране. Противопоставление правыми нашей пятилетке двухлетку, рассчитанной на ослабление темпа социалистической индустриализации страны, означает не только неверие в возможность осуществить темпы пятилетки, не только отступление шатающихся элементов перед трудностями, но и объективное выражение защиты кулацких интересов. Давление это, вполне понятно, должно быть особенно сильным в обстановке обострившейся классовой борьбы в связи с усиленным наступлением на капиталистические элементы в нашей стране и выкор-

чевыванием их путем осуществления лозунга ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Успехи, характеризующиеся не только выполнением, но и перевыполнением пятилетки в истекшем году, достигнуты в условиях трудностей на отдельных участках народного хозяйства. Как трудности роста они обусловлены прежде всего обострением классовой борьбы: сопротивлением кулачества и вредительством. Вредители пытались всеми методами сдержать наши темпы роста, создать новые и усилить имеющиеся диспропорции в нашем хозяйстве. Огромный подъем в рабочем классе, развившийся в ударничестве и соцсоревновании, рост новых кадров, целиком и полностью преданных делу строительства социализма, бдительность партии и органов советской власти—все это оказалось величайшими факторами противодействия и крушения вредительского дела. Гигантские успехи в области перевыполнения пятилетки и осуществления лозунга «пятилетка в 4 года» являются лучшим доказательством правильности генеральной линии партии, проведение которой осуществляется в решительной борьбе с правым и «левым» уклонами, а также с примиренчеством по отношению к ним.

II

Переход от хозяйственного года на календарный выдвинут на положение особого квартала период октябрь—декабрь 1930 г. Самостоятельность и особый характер этого квартала не в том, что он имеет свой собственный план по важнейшим элементам народного хозяйства. Правильный и более совершенный метод планирования предполагает как необходимое условие, чтобы годовой план (контрольные цифры) строился в квартальном разрезе. Этим самым должно осуществиться сближение оперативного плана и плана, выраженного в контрольных цифрах.

Особенный характер названного квартала как ударного заключается в том, чтобы преодолеть образовавшиеся главным образом в IV квартале 1929/30 г. прорывы и осуществить такой размах, который подготовил бы более высокие темпы роста народного хозяйства в решающем третьем году пятилетки.

В области производства планируемой крупной промышленности темп роста в особом квартале составляет 38,5% по отношению к среднеквартальному 1929/30 г., превысив значительно темп роста второго года пятилетки.

Этот квартал отличается не только дальнейшим нарастанием темпа роста тяжелой промышленности (43,3%), но также высоким темпом роста легкой индустрии (33,4%) против сравнительно пониженного темпа в 1929/30 г. (9,6%) и отставания от плана вследствие огромного недостатка сырья и имевших место просчетов в этой области при составлении плана. Возможность такого мощного темпа роста легкой индустрии в особом квартале обусловлена огромными успехами, достигнутыми в этом году в области подъема сельскохозяйственной сырьевой базы благодаря развернувшемуся широко в 1929/30 г. процессу коллективизации. Удельный вес обобщественного сектора в прошлом году в зерновых культурах составил 5,1%, в маслосеменах—4,7%, в прочих технических—56,8%, а в 1930/31 г. соответственно 34,1%; 39,8%;

38,4%. В результате продукция зерновых дала рост в 25,5% при росте товарной в 41,8%, маслосемян в 21,1% и 48,9%—соответственно; продукция прочих технических культур дала рост в 39,6%, а товарная—63,3%.

Большой темп роста легкой индустрии целиком отвечает решению XVI съезда партии о том, чтобы наряду с дальнейшим развертыванием тяжелой усилить внимание к легкой индустрии. Это усиленное развертывание легкой индустрии стало возможным именно благодаря предшествовавшему мощному росту тяжелой индустрии и развертыванию коллективизации, чем была подготовлена более высокая, но еще недостаточная сырьевая база.

В области качественной работы промышленности план на квартал предусматривает 7% снижения себестоимости в отношении промышленности ВСНХ и 10% в отношении промышленности НКТорга.

Выполнение качественных показателей имеет огромное значение как материально-производственное, так и финансовое. Снижение себестоимости в решающих частях опирается на выполнение задания по производительности труда и зарплате («трудо-вой» фактор), на снижение норм потребления топлива и материалов и на количественный фактор развертывания производства (более интенсивное использование оборудования и снижение норм амортизации). При напряженности баланса топлива и сырьевых балансов выполнение задания снижения норм расходов топлива и материалов является одним из решающих факторов выполнения объема производственной программы. Это снижение норм в свою очередь зависит в значительной степени от улучшения качества производственных элементов: угля, кокса, руды, металла, пряжи и т. п. В области качества продукции не только предметов индивидуального потребления, но и производственного мы имеем в последние годы ухудшение. Это не вызвано объективными условиями, а объясняется ослабленным вниманием со стороны хозяйственников и рабочих к этой области производства, причем до сих пор наблюдаются факты выполнения количественной программы за счет качества продукции.

Задание в области качественных показателей на ударный квартал имеет своей целью внести улучшения и в эту область. Что касается финансового значения этого задания, то оно определяется тем, что каждый процент снижения себестоимости дает 50 млн. руб. накопления в пределах квартала.

Производственный план на квартал—напряженный, но реальный. Он может быть выполнен при условии мобилизации как субъективных, так и материальных ресурсов. Уже в середине сентября снова стал нарастать мощный подъем социализации и ударничества на основе проработки и реализации обращения ЦК партии. Этим был осуществлен положительный перелом уже в сентябре в направлении преодоления производственных прорывов IV квартала. Октябрь и ноябрь, т. е. первые два месяца особого квартала показывают, что непрерывно из декады в декаду происходит нарастание темпа в каменноугольной, металлургической и других отраслях. Однако абсолютные итоги не являются еще достаточно удовлетворительными. Только путем дальнейшего преодоления технических неполадок на производстве, путем мобилизации имеющихся материальных ресурсов, еще большего раз-

вертывания соцсоревнования и ударничества реальный план ударного квартала будет выполнен.

По капитальному строительству план квартала рассчитан в 3 080 млн. руб., причем по промышленности, планируемой ВСНХ, объем капитальных работ определен в 970 млн. руб. Объем капитальных вложений в другие области составляет на квартал: 730 млн. руб. по сельскому хозяйству (по государственному сектору 400 млн. и по колхозному 330 млн.), 650 млн. руб. по транспорту и 175 млн. руб. по электростроительству. Особенность плана по капитальному строительству на квартал в том, что он исходит из необходимости преодолеть ряд недочетов оперативного планирования и выполнения капитального строительства, имевших место в 1929/30 г. В последнем году не было достаточной концентрации строительства и соответствующего снабжения стройматериалами и рабочей силой. Перераспределение этих элементов происходило недостаточно организованно и притом довольно поздно, так что не было необходимой эффективности этих мероприятий.

Плаг на квартал предполагает добиться необходимой концентрации строительства на важнейших участках и на объектах, которые могут быть закончены и введены в действие в ближайшее время. План предусматривает также снижение стоимости строительства в размере 10⁰/. В истекшем году качественные показатели в области строительства были так же слабо выполнены, как и в промышленности. Здесь особенно сказалась необычайная текучесть рабочей силы и слабая механизация процессов строительства. Плохой учет строительства не дает возможности даже судить о степени выполнения качественных показателей. Косвенные данные свидетельствуют о значительном отставании. Огромное значение в области капитального строительства квартала заключается в том, что он должен завершить строительство, перешедшее с истекшего года; своевременное введение в эксплуатацию новых и реконструированных предприятий должно обеспечить намечающиеся для 1931 г. более высокие темпы роста всего народного хозяйства.

План особого квартала с его темпами, превышающими темпы первых двух лет пятилетки, еще раз наносит удар кулацкой агентуре в нашей партии—правому оппортунизму.

Смыкаясь с контрреволюционными элементами в нашей стране, правые элементы внутри нашей партии вели борьбу против высоких темпов, против линии на решительную индустриализацию страны и освобождения от капиталистической зависимости в области тяжелой индустрии. Правые внутри нашей партии были объективно легальным проводником идей контрреволюционных элементов (кондратьевщины, вредительского инженерного центра и т. п.).

Ориентируясь на торговую смычку с индивидуальным крестьянством и ведя борьбу против чрезвычайных мер и методов общественного воздействия на кулачество, правые боролись против социалистической перестройки деревни и против решения на этой основе зерновой, сырьевой и других производственных проблем сельского хозяйства.

Правые считали, что колхозы не являются тем путем («столовой дорожкой»), которым индивидуальное сельское хозяйство при-

дет к социализму. Отсюда борьба за неограничение товарных отношений буржуазных и мелкобуржуазных элементов деревни и свободное развитие производительных сил на капиталистической основе (лозунг Бухарина—«обогащайтесь»), борьба за сохранение кулацкого слоя в деревне как основы товарной сельскохозяйственной продукции в современных условиях.

Отражая настроения обреченного кулацкого слоя в деревне, правые оппортунисты впадают в панику при всяком обострении классовой борьбы и проявлении вызванных этим затруднений. Переоценка трудностей в нашей стране, затушевывание крупнейших успехов, пессимизм—все это присуще правому оппортунизму.

Неверие в высокие темпы, неверие в возможность скорой и решительной индустриализации страны, неверие в колхозное движение как в форму решительной перестройки в современных условиях сельского хозяйства на социалистический лад, переоценка наших трудностей и затушевывание огромных успехов, связанных с выполнением и перевыполнением пятилетки,—все это сближает правооппортунистические элементы с остатками троцкизма внутри нашей партии, характерной особенностью которого является неверие в построение социализма в нашей стране.

Отсюда понятно то обстоятельство, что право-«левацкий» блок внутри нашей партии покоится на явно-оппортунистической платформе.

Идеологи право-«левацкого» блока пытаются завуалировать правооппортунистический характер своей платформы левыми фразами. Основное в этой платформе—это борьба против взятых партией высоких темпов. Эта борьба завуалируется утверждением о том, что процессы народного хозяйства осуществляются беспланным образом. Это не только клевета, но и определенное правооппортунистическое представление о характере нашего современного этапа развития, игнорирование того, что мы уже вступили в период социализма и что этому соответствует более высокий уровень плановости.

Правооппортунистический характер платформы право-«левацкого» блока сводится также к утверждению о сужении фронта строительства и к отрицанию наличия нового подъема в колхозном движении. Идеологи блока сомневаются также в прочности существующих колхозов. Они считают, что как новое массовое движение крестьянства (средняков и бедняков) в колхозы, так и достигнутый уже уровень коллективизации являются не результатом нормального развития и соответствия новой формы имеющимся в настоящее время в деревне производительным силам, а вызваны перегибами как в прошлом, так и в настоящем.

Ничего в этих вещах нового для партии нет. Это простое повторение общего неверия правых в возможность перестройки на данной стадии развития сельского хозяйства на социалистический лад и отрицание гигантских достижений в этой области, являющихся сами по себе фактором дальнейших успехов в деле строительства социализма в сельском хозяйстве.

Ослепленность идеологов право-«левацкого» блока настолько велика, что в период невиданного до этого развертывания социального соревнования и ударничества, широкого размаха самокритики, подъема творчества широчайших масс во всех областях нашей

социалистической действительности,—они заявляют о том, что «наблюдается какой-то упадок энергии, почти что апатия, отсутствует творческая инициатива». Только ослепленные идеологией чуждых пролетариату классов, могут дойти до такого клеветнического заявления о нашей действительности.

Неслучайно также то, что идеологи право-«левацкого» блока утверждают, что «многие хозяйственные задачи переросли уровень наличных кадров. Мы все на одну—две головы ниже задач, выдвигаемых жизнью». Это не только клевета на наши кадры. Это характеризует правую практику определенных элементов в организационных вопросах. Правые элементы внутри нашей партии не только проводили идеи контрреволюционных, вредных элементов в легальной обстановке, но организационно на них опирались. Отсюда недоверие к нашим пролетарским кадрам, что было одним из важнейших факторов облегчения вредительской работы контрреволюционных элементов.

Так же как и правые оппортунисты, идеологи право-«левацкого» блока в борьбе против генеральной линии партии возлагали надежды на кризис в народном хозяйстве. Отрицание величайших успехов партии в деле стротительства социализма, переоценка трудностей, отрицание за ними характера трудностей роста, непонимание зависимости между нашими трудностями и обострением классовой борьбы в стране в связи с ростом социализма и ликвидацией кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, паническое настроение,—все это является неотъемлемым достоянием право-«левацкого» блока.

Решительная борьба против правого уклона как главной опасности, против «левого», а также против примиренчества с ним. Устранение из рядов партии двурушников и предателей всяких оттенков, обеспечение абсолютного единства внутри партии,—является залогом полного осуществления лозунка партии «пятилетка в 1 года» и, следовательно, новых успехов построения социализма.

Г. КОЗЛОВ

ЗАМЕТКИ О КУЛАЦКОЙ ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКЕ

Идеологи кулачества, находившиеся на советской службе, старались охватить своим влиянием все отрасли народнохозяйственной политики. Особый интерес представляла для них финансовая политика. Они сознавали большое значение финансов, как планового рычага. Финансовая политика в начале нэпа была главным орудием планирования. Но и с развитием социалистического строительства, когда материальное планирование сделало огромные успехи, финансовая политика не являлась только пассивным отражением материального планирования, а сохраняла известную самостоятельность, была известной самостоятельной сферой политики, направление которой неизбежно отражалось на состоянии процесса воспроизводства в целом.

Идеологи кулачества старались оказать влияние на различные стороны финансовой политики—и на бюджет, и на кредит, и на политику денежного обращения. В отношении бюджета развивались теории, которые должны были обосновать уменьшение обложения кулачества и зажиточных элементов и в то же время уменьшение расходов на индустриализацию страны. В то же время в области кредита антисоветская работа была направлена преимущественно в сторону максимального снижения кредитования, в сторону защиты идей кредитной рестрикции. Для достижения этого велась отчаянная борьба против кредитного планирования. Достаточно перелистать старые номера „Вестника финансов“ или материалы Института экономических исследований Наркомфина, чтобы увидеть, какую бешеную борьбу против роста плановости в кредите вела эта публика. Они выставили тезис, что кредит не может быть спланирован. Здесь, по их мнению, была очевидно та сфера струвианского иррационального, которую не мог одолеть никакой рост социализма. Отсюда предложение предоставить кредит исключительно воле стихийных регуляторов. Отсюда предложение сделать процент основным регулятором нашего кредита. Смысл этого заключался в том, что при свободном регулировании нашего кредита высокий спрос на кредит, при недостаточности кредитных ресурсов, должен был бы вызвать чрезвычайно высокий уровень процента. Он сделал бы совершенно недоступным кредит для ряда отраслей промышленности, которые в это время являлись еще недостаточно рыночно выгодными: должен был бы сделать чрезвычайно дорогим строительство, сделал бы невозможным кредитование деревенской бедноты и предоставил бы ее в полное распоряжение ростовщической эксплуатации. Таким образом, с одной стороны, предлагалось

сократить бюджет, предоставить все дело финансирования индустриализации кредиту, а с другой стороны, предлагалось предоставить кредит стихии, сделать его недоступным для индустриализации. Предлагалось дело индустриализации поставить в зависимость от движения кулацких накоплений, от интенсивности эксплуатации кулаком деревни. Смысл борьбы против кредитного планирования был в стремлении сократить кредит, что должно было бы вести к свертыванию индустриализации нашей страны. Следует однако подчеркнуть, что позиция задержки финансирования сменилась его раздуванием, как только начало выявляться известное напряжение в нашей финансовой системе. Эти господа оказались достаточно гибкими в своей тактике.

Эта идеология подкреплялась практикой работы нашего финансового аппарата, сросшегося в ряде своих низовых звеньев с частником. Ряд судебных процессов наглядно проиллюстрировал, насколько переродились некоторые звенья нашего финансового аппарата. А довольно солидная цифра задолженности частника нашему бюджету, равняющаяся в 1929/30 г. примерно 100 млн. рублей, показывает, каковы были результаты этой финансовой практики.

Огромная антисоветская работа, которая проводилась на различных участках финансового фронта, начиная с попытки влиять на центральные органы нашей финансовой политики и кончая практикой потакания частнику и кулаку, еще требует своего детального исследователя. Мы предполагаем здесь остановиться на одной из областей финансовой политики, именно—на денежной политике. Этот участок своей работы кондратьевцы пытались особенно тщательно „научно“ обосновать. Наиболее видным их теоретиком в этой области был Юровский. Его книжка „Денежная политика советской власти“ представляла собой одно из наиболее разработанных произведений кондратьевской группы, представляла собой, по существу, „научно“ замаскированную политическую платформу.

Несомненно, этот участок нашей политики был одним из наиболее сложных и наиболее удобных в смысле маскировки для наших врагов. В самом деле, можно было наблюдать даже несколько течений среди враждебных нам групп специалистов по вопросам денежной политики. Одни выступали с более либеральной политикой в отношении денежного обращения,—такова была громановская группа, которая вначале стояла на позиции необходимости довольно широкого развертывания эмиссии. С другой стороны, группа Юровский—Кондратьев все время вела линию на денежную рестрикцию. Но это не были разногласия двух враждебных лагерей. Это были лишь тактические разногласия в отношении путей достижения одних и тех же целей. Одни считали, что на путях денежной рестрикции гораздо легче ослабить индустриализацию и восстановить капиталистические отношения, другие (громановцы) считали, что вопрос о восстановлении капитализма встанет сразу, как только удастся достигнуть довоенных соотношений между различными элементами хозяйства. Они поддерживали более свободную политику в области денежного обращения, ибо считали, что оно „восстанавливается“ в непропорционально малых темпах и размерах. Они считали, что денежное обращение должно подтянуться под то общее движение

всего хозяйства, которое идет по пути к довоенным соотношениям в смысле материальном и очевидно капиталистическим отношениям—в смысле социальном.

Юровский в своей работе основную цель денежной политики формулирует следующим образом. „Задачи нашей денежной политики заключаются, таким образом, в установлении того равновесия в области цен, которое является условием ликвидации бестоварья и развития экспорта, а также в накоплении золотых запасов для укрепления денежной системы, для упрочения хозяйственного положения страны на мировом рынке и для создания общих материальных резервов государства в наиболее ликвидной их форме“¹.

Таким образом Юровский требовал дефляционной политики, которая сократила бы кредит промышленности, уменьшила бы спрос рабочего населения, вела бы к задержке индустриализации страны, следовательно, к форсированному разворачиванию кулацкого хозяйства и к накоплению на этой основе золотых резервов. Таким образом накопление золотых резервов мыслилось как обратная сторона задержки индустриализации страны, а эта задержка индустриализации—как верный путь к возвращению советского хозяйства в лоно капитализма.

Что это так, об этом ясно говорит сам Юровский: „Если бы с цен на промышленные товары снят был инфляционный налет, тогда еще отчетливее, чем сейчас, обнаружилось бы, что они высоки вследствие большой себестоимости промышленных изделий и что в деле установления соответствия между ценами на продукты промышленности и сельского хозяйства—в одном из важнейших дел всей экономической политики—достигнута грань, дальше которой можно пойти только при помощи методов политики производственной и торговой,... тогда основные вопросы в области производства и распределения не затушевываются несовершенством денежной системы и могут быть проанализированы и поставлены во всей чистоте“².

Таким образом смысл этого требования денежной рестрикции тут выявляется с полной ясностью: проведите сжатие кредитов, а там мы поговорим, как лечить ваше производство. Цель ясна: использовать денежную рестрикцию, чтобы привести страну к хозяйственному кризису и тогда предложить свой рецепт его лечения. В этом была цель. Посмотрим, как она была теоретически обоснована.

С точки зрения Юровского существуют всего два вида хозяйств, которые сколько-нибудь поддаются точному описанию,—это товарно-денежное хозяйство вообще и хозяйство коммунистическое. Советское хозяйство по своим классовым признакам резко отличается от классического товарно-денежного хозяйства, но при этом, и это главное,—вся система все же остается товарно-денежной. Она остается товарно-денежной, ибо равновесие в ней может быть достигнуто только на путях рынка. Система советского хозяйства характеризуется тем, что товарно-денежные категории в ней не преодолеваются. Они, может быть, умирают „в аспекте векового развития“, но это будет когда-нибудь. Пока

¹ Юровский, Денежная политика советской власти, с. 400.

² Там же.

же это хозяйство представляет собой не что иное, как своеобразное товарно-денежное хозяйство.

То обстоятельство, что мы здесь имеем дело с рядом государственных монополий и с плановым началом,—это лишь и придает известное своеобразие товарно-денежным отношениям, но несколько не говорит о том, что мы имеем другой тип хозяйства или такой тип хозяйства, где эти отношения преодолеваются. „Это означает только, что товарно-денежные системы хозяйства могут существовать в разных формах и что им соответствуют различные сочетания плановых и стихийных начал. Однако остаются существенные элементы, обязательные для всех видов товарно-денежного хозяйства, и их-то необходимо определить, для того чтобы выяснить роль различных типов регулирования и найти критерий для оценки мероприятий экономической политики“³.

Какое же место отводит Юровский планированию? Он считает, что задачи планирования должны быть тесно связаны с „естественными устремлениями“ хозяйственной системы. Естественные устремления хозяйственной системы—это устремления к равновесию. „Вся жизнь рынка может быть рассматриваема с точки зрения поисков равновесия. И рынок является тем более организованным и в этом смысле совершенным, чем полнее обеспечено скорейшее нахождение его. Стремление к равновесию присуще всякой хозяйственной системе. Если даже понятие равновесия есть лишь познавательный принцип, то в самих явлениях должно заключаться нечто адекватное этому принципу, ибо только в этом случае возможно плодотворное его применение. Товарно-денежное хозяйство находит свое равновесие через посредство цены“⁴.

Таким образом рыночное равновесие является законом движения всякой хозяйственной системы. Насколько тут много общего между позицией Юровского и позицией правых—совершенно очевидно для каждого читателя.

Советская система с точки зрения „устремления к равновесию“, по мнению Юровского, ничем не отличается от любой другой хозяйственной организации. Она сохраняет все закономерности ценообразования стихийного в качестве основного регулирующего фактора в хозяйстве.

Основной смысл планирования может быть лишь сведен к тому, что оно будет активно содействовать восстановлению равновесия в хозяйстве: „Но во всяком случае регламентирование это совершается в условиях товарно-денежного хозяйства и состоит из мероприятий по регулированию товарно-денежного хозяйства, а не из действий, направленных к его преодолению“⁵.

Но Юровский не может не видеть, что существует ряд планов, которые не только не содействуют восстановлению рыночного равновесия, но явно его нарушают. И отсюда появляется следующая „теория“. Существует-де чистое планирование и планирование по нужде. Чистое планирование—это планирование, которое ведет к рыночному равновесию; планирование по нужде—это планирование, которое вызвано нарушением равнове-

³ Юровский, Денежная политика советской власти, с. 382.

⁴ Там же, с. 92.

⁵ Там же, с. 383.

весия и продолжает его. Своеобразие советского хозяйства заключается, по мнению Юровского, в том, что ряд государственных монополий позволяет сохранить известное состояние неравновесия. Таким образом различия социальных отношений создают в конечном счете известное различие в самом характере товарно-денежного хозяйства лишь в том, что вызывают тенденции к неравновесию. (хитрая теория!). Но так как это противоречит естественным устремлениям каждого хозяйства к равновесию, то очевидно в нашем хозяйстве должны существовать довольно сильные противодействующие естественные тенденции, которые стремятся во что бы то ни стало уничтожить неравновесие, следовательно, уничтожить своеобразие хозяйства и восстановить хозяйство товарно-денежное в его классической „нормальной“ капиталистической форме.

Таким образом для Юровского план был орудием борьбы с своеобразием советской системы. И лишь постольку он и признавал необходимость планирования, как „естественной категории“ советского хозяйства.

Следует обратить внимание на то, что и у Юровского и у правых мы имеем одни и те же по существу исходные пункты. То, что Юровский считает сохранением товарно-денежной системы, правые называют сохранением „закона трудовых затрат“. То, что Юровский называет планированием, которое должно привести к равновесию, правые называют планированием, которое помогает „раздеться“ закону трудовых затрат, скинуть его ценностные одежды. Юровский исходит из равновесия как закона движения хозяйства, правые также исходят из равновесия, как закона движения хозяйства. Юровский отвлекается в анализе регуляторных начал хозяйства от классовых моментов, правые также отвлекаются от этих классовых моментов.

Те возражения, которые в свое время высказывались против взглядов Юровского и которые сводились к тому, что рыночное равновесие не противоречит преодолению товарно-денежных категорий, были, конечно, неверны, и были отражением механистических взглядов. Юровский прекрасно понимал, что стремление к рыночному равновесию, как основному стержню всей народнохозяйственной политики, не может не привести к восстановлению капитализма. Наши механисты этого не понимали. Верно, конечно, то, что был период, когда задачами плана было регулировать и преодолевать рыночные законы путем следования им в известных пределах. Но по мере роста силы плана, он не просто следует рыночным законам, а подвергает их коренной ломке. То, что Юровский называет ростом „плана по нужде“, являлось по существу отражением роста силы плана, который может идти на преодоление рыночных закономерностей, на ломку рыночных законов.

Правые так же расценивали рост плановости в нашем хозяйстве, как и Юровский. В росте наших регулирующих мероприятий они видели только одну отрицательную сторону, рост хозяйственных трудностей, и совершенно не понимали того, что сила регулирующих мероприятий получена от возросшей силы обобщественного сектора, от возросшей силы нашего прямого, материального планирования. Те, кто был уверен, что можно на стоимости, на законе стоимости „въехать верхом“ в социализм.

те, конечно, стояли на позиции, которая только тем отличалась от позиции Юровского, что тот прекрасно понимал, что на законе рыночного равновесия в социализм „въехать“ нельзя, и потому именно и требовал рыночного равновесия.

Из этих общехозяйственных взглядов Юровского, из этого теоретического фундамента вытекает и понимание Юровским категории денег.

Он полагает, что поскольку у нас в основном остается товарно-денежное хозяйство, деньги у нас суть самые настоящие деньги, природа которых не отличается от природы при капитализме. Своеобразие же хозяйства сказывается не в категории денег, а лишь в денежной системе. „Своеобразие нашей денежной системы заключается в том, что она делает возможным как различие между покупательной силой и курсом нашей валюты, так и одновременно существование двух различных курсов,—одного в сделках по монополизированной части внешней торговли и в других операциях, разрешенных соответствующими органами власти, и другого, устанавливающегося на внутреннем рынке иностранных банкнот, где спрос порождается желанием накоплять в иностранной валюте“⁶.

В соответствии с этим он рассматривает нашу систему, „как своеобразную разновидность gold exchange standard—бумажно-денежного обращения с золотым паритетом. Своеобразие заключается в методах поддержания этого паритета, в возможном или действительном разрыве между курсом и покупательной силой, который вытекает из наличия этих методов, в возможной свойственности курсов и цен. Своеобразие заключается далее в отсутствии регулирования кредита и денежного обращения при помощи варьирования учетной ставки“⁷.

Таким образом своеобразие денежного обращения он рассматривает в таком-же разрезе, как своеобразие нашего хозяйства. Если своеобразие нашего хозяйства заключается в том, что благодаря государственному монополиям имеются возможности несколько более длительного, чем обычно, сохранения рыночного неравновесия, то и в денежной системе ее своеобразие заключается в том, что в ней может сохраниться известное время неравновесие. Природа денег та же, что при капитализме, но есть возможность более длительных разрывов между внутренним и внешним курсом, между внутренней и внешней покупательной силой. Но это неравновесие не является естественным, и поэтому „длительные разрывы, возможность которых дана вследствие особенностей нашей хозяйственной системы, нежелательны и вредны“⁸.

Отсюда собственно и теоретическое обоснование курса на золотую валюту. Какое значение имело бы накопление больших золотых резервов, с какой хозяйственной политикой это должно было бы быть связано, мы уже говорили выше.

Концепция Юровского ярко вскрывает нам исходные методологические позиции и ряда авторов-марксистов. Ведь многие в нашей литературе выступали с такой точкой зрения, что при-

⁶ Юровский, Денежная политика советской власти, с. 315.

⁷ Там же, с. 325.

⁸ Там же, с. 317.

рода наших денег ничем не отличается от природы денег при капитализме, что все дело в своеобразии денежной системы. Некоторые наивные авторы и не предполагали очевидно, что такая позиция вытекает из оценки нашего хозяйства, как прежде всего обычного товарно-денежного хозяйства, лишь немножко своеобразного. Ряд авторов поддался на удочку Юровского. Исходя из этой же позиции „настоящих денег“ и „своеобразия денежной системы“, они предлагали держать курс на свободный золотой размен. „Твердость червонца,—писал например т. Бронский,—основана не только на его необходимости в товарообороте, но и на его свободном размене на иностранную валюту, являющуюся заместителем золота... В целях удержания нашего червонца в качестве полноценных денег необходимо не ограничивать размен только в пределах национализированной внешней торговли...“⁹.

Таким образом этот автор вместе с Юровским полагал, что надо держать курс на золотой размен. Совершенно ясно, что это предложение вытекало из тех же методологических источников, из которых вытекали воззрения Юровского.

Рост обобществления, рост планирования вообще и рост планирования цен и рынка существенно меняет природу наших денег. Юровский этот рост плана относит к „плану по нужде“. Между тем ломка рыночных закономерностей ограничения свободной покупательской силы денег, плановое определение содержания рубля являются основными факторами изменения природы наших денег. В то же время деньги с изменившимся содержанием, с изменившейся природой в свою очередь являются одним из важнейших рычагов в деле преодоления стихийных закономерностей.

С точки зрения Юровского единственный допустимый вид плановой денежной политики—это такая денежная рестрикция, такое планирование денег, которое превратило бы в конечном счете наш рубль из орудия борьбы плана в орудие борьбы стихии с планом.

Чтобы обосновать дефляцию, надо было, исходя из того, что деньги являются настоящими деньгами, по природе своей не отличаются от природы денег при капитализме, доказывать, что мы имеем инфляцию. И действительно Юровский полагает, что мы с 1925 г. имеем почти непрерывное состояние инфляции. „...Если поднимается общий уровень цен и затрудняется вывоз товара, т. е. начинает происходить отрыв народного хозяйства от мирового хозяйства, то корни явления лежат уже несомненно в условиях денежного обращения, ибо это явление показывает, что эмиссией денег создан внутренний спрос на товары, который исчерпывает предложение, не оставляя излишков для вывоза“. И дальше: „Другие случаи нарушения равновесия, к которым мы сейчас перейдем, также стоят в теснейшей связи с состоянием денежного обращения. Необходимо отметить расхождение между оптовыми и розничными ценами, а также расхождение между ценой государственной, кооперативной торговли и ценой в частной торговле, или, другими словами, существование в стране двойного уровня цен...“¹⁰.

⁹ Бронский, Социалистическое хозяйство, кн. III, 1926, с. 31.

¹⁰ Юровский, Денежная политика советской власти, с. 393—394.

Таким образом подъем вольных цен, разрыв цен, товарный голод Юровский считает основными признаками инфляции. Как присяжный экономист буржуазии, Юровский расценивает всякий подъем уровня цен как следствие „расстройства“ денежного обращения, не желая видеть ни причин на стороне производства, ни факторов, связанных с вытеснением частного капитала.

Неверно было бы также расценивать товарный голод как признак инфляции. Ведь причины, вызывающие товарный голод, лежат прежде всего не в сфере обращения: здесь мы имеем дело лишь с их последствиями. Товарный голод является результатом неравномерного развития обобществленного хозяйства и отстающего от него хозяйства единоличного, мелкотоварного. Способ преодоления товарного голода—на пути изменения социальной формы производства. Несомненно, что излишества в области эмиссии могут вести к обострению товарного голода, но отсюда еще вовсе не следует, что сам товарный голод всегда является признаком инфляции.

Неправильно также рассматривать инфляцию как простое расстройство денежного обращения. (Так делают даже и некоторые марксисты). В таком определении инфляции нет классового момента. Инфляция ведь есть не что иное, как использование буржуазией денежного механизма с целью перераспределения народного дохода в свою пользу или с целью покрытия неизбежных непроизводительных расходов за счет других классов. Само отсутствие буржуазии как господствующего класса у нас еще конечно не дает гарантии от инфляции. Неправильная политика могла бы привести к инфляции, но это означало бы такое изменение соотношений классов в стране, такие резкие сдвиги в этих соотношениях, что это было бы равносильно изменению природы нашего хозяйства. Поэтому совершенно неправильным является „либеральничание“ ряда авторов-марксистов в отношении эмиссии и замаскированные утверждения о том, что мы ведем индустриализацию за счет инфляции. Инфляция не может содействовать росту планового начала, она бы, наоборот, стимулировала развитие стихийных отношений, она бы означала обратное движение денег от их плановой в основном природы в сторону стихии.

Таким образом вся сумма воззрений Юровского в области денег сводится к тому, что деньги остаются обычными деньгами, что своеобразна лишь денежная система, что задача политики заключается в том, чтобы это своеобразие уничтожить, что нужно держать курс на обычное, добропорядочное буржуазное денежное обращение, курс на золотую валюту. Метод, который при этом предлагался,—метод денежной рестрикции. Основная цель, которая при этом преследовалась,—это ослабление позиции промышленности, приведение страны к хозяйственному кризису.

Сейчас мы встречаем ряд трудностей на пути выполнения финансового плана. невыполнение планов по качественным показателям, недостаточно четкая работа самой финансовой системы, привели к ряду прорывов и известных трудностей в области финансов. Задача заключается в том, чтобы безусловно провести финансовый план, основанный на принципах максимальной мобилизации денежных ресурсов и полного обслуживания высоких темпов развития нашего хозяйства. Означает ли

эта наша политика безъэмиссионных планов (и даже изъятий), что правые оказались правы и что мы выполняем рецепты Юровского? Нисколько. Правые делали из денежного обращения „узкое место“, на которое требовали равнения всего хозяйства. Мы делием ставку на преодоление этого „узкого места“, на максимальную мобилизацию денежных средств для поддержки растущих темпов нашей индустриализации и обобществления. Изъятие денежных ресурсов, которое проводится сейчас, не только не вызовет уменьшения темпов индустриализации, но, укрепив финансовый рычаг плана, оно этим темпам индустриализации окажет максимальное содействие. Наша задача сейчас заключается в том, чтобы полностью привести в действие все наши финансовые рычаги обеспечив сохранение основной линии нашей политики.

Задача повышения покупательной способности рубля является одной из важнейших задач нашей денежной политики.

Вот почему, борясь с Юровскими и их правыми припевалями, как с главной опасностью, не следует также забывать и на этом фронте ударять по „левацкой“ развязности. Беззаботное оппортунистическое отношение к эмиссии, к задачам повышения покупательской способности рубля представляло бы колоссальный вред для социалистического строительства.

Поэтому, борясь против стремления навязать партии кулацкую денежную политику и против кулацких теорий, надо вести одновременно борьбу со всеми теориями, игнорирующими и недооценивающими задачи укрепления нашей денежной системы.

Троцкистские и полутроцкистские теории „прошупывания плана эмиссией“ (Преображенский), основанные на теориях двояких и трояких рублей (Преображенский, Маймин¹¹) и выводящие отсюда политику повышения цен (право-„левацкий“ блок) тащат нашу практику на путь расстройств денежного обращения. С этим надо вести решительную борьбу. Эти теории надо энергично разоблачать¹².

Денежная политика не есть основной стержень нашей народнохозяйственной политики, но это не есть также область, которую мы можем игнорировать, состояние которой совершенно безразлично для всего дела нашего социалистического строительства, ибо:

„Переходя в наступление по всему фронту, мы еще не отменяем нэпа, ибо частная торговля и капиталистические элементы еще остаются, но мы наверняка отменяем начальную стадию нэпа, развертывая последующую его стадию, нынешнюю стадию нэпа, которая есть последняя стадия нэпа“. (Сталин).

•

¹¹ „Понятие единой устойчивой денежной единицы постепенно теряет свое значение как метод плана“, Маймин, „Экономич. журнал“ от 9 мая, к майминизации троцкистский теории необходимо еще вернуться.

¹² Я считаю нужным здесь указать собственную ошибку, выразившуюся в том, что в своей работе о природе советских денег он назвал наши деньги расчетными знаками и не вскрыл с достаточной полнотой всех противоречий наших плановых, в основном, денег.

П. ОЛЕШИНСКИЙ

ТЕОРИЯ ОБНИЩАНИЯ В ОБРАБОТКЕ ПРОФЕССОРА ФАЛЬКНЕРА

Согласно учению Маркса, развитие капитализма ведет к относительному и абсолютному обнищанию рабочего класса. Уже в рукописи о заработной плате, относящейся к 1847 г., Маркс констатировал, что „в ходе развития заработная плата понижается двояким образом: в о-п е р в ы х, относительно, по отношению к развитию общего богатства; в о-в т о р ы х, абсолютно, так как количество товаров, которые рабочий получает в обмен, все уменьшается“¹. Впоследствии в „Коммунистическом манифесте“ и в „Капитале“ положения об обнищании рабочего класса при капитализме были Марксом вновь подтверждены и неопровержимо доказаны.

Более чем когда-либо раньше марксова теория обнищания получила подтверждение в капиталистической действительности последних двух десятилетий. Десятки миллионов убитых и искалеченных империалистической войной, повсеместное снижение реальной заработной платы в годы войны и в послевоенный период, выросшая до невиданных размеров безработица, нищенское существование и нечеловеческая эксплуатация новых кадров рабочего класса колониальных стран, тяготы капиталистической рационализации, репарационных платежей, кризисов, рост нищеты и пауперизма, растущая эксплуатация и т. д.—все это факты, реальные факты понижающегося жизненного уровня рабочего класса. „Противоречия капиталистического строя,—говорилось в Манифесте I конгресса Коммунистического Интернационала (1919 г.),—предстали в результате войны перед человечеством в виде животных мук голода, холода, эпидемических болезней, нравственного одичания. Этим безапелляционно разрешается академический спор в самом социализме по поводу теорий обнищания и постепенного перехода от капитализма к социализму. Статистики и педанты, сторонники теории примирения противоречий, в течение десятилетий собирали во всех уголках мира действительные и мнимые факты, свидетельствующие о повышении благополучия отдельных групп и категорий рабочего класса. Теория обнищания масс считалась погребенной под презрительный свист евнухов буржуазной кафедры и мандаринов социалистического оппортунизма. Ныне это обнищание, уже не социальное

¹ Рукопись М а р к с а о заработной плате, Соч., т. V, с. 545.

только, а физиологическое, биологическое, стоит перед нами во всей своей потрясающей действительности" ².

Но то, что очевидно даже для всякого добросовестного буржуазного исследователя, — не убедительно для „статистиков и педантов, сторонников теории примирения противоречий“. То, что обнаруживает потрясающая действительность, — не трогает и не потрясает „евнухов буржуазной кафедры“. Образцом этого является профессор Фалькнер.

Освещение, которое дано теории обнищания в „Происхождении железного закона заработной платы“ — профессора С. А. Фалькнера, безусловно заслуживает внимания. Затронутые им вопросы отнюдь не ограничиваются рамками одной только проблемы заработной платы. Прикрываясь именем Маркса, маскируясь марксистской видимостью, Фалькнер пытается подорвать устои марксизма, подменить их отъявленной апологетикой капитализма.

В этом своеобразном изложении происхождения „железного закона“ и истории теории заработной платы автор касается теории обнищания как бы „слегка“, мимоходом. Никакой собственной теории он „не выдвигает“, ни одного положения Маркса открыто не опровергает, в анализ фактов не входит, с самим Марксом поддерживает очень свободные, приятельские отношения и т. д. Но попутно, с высоты „объективной“, „научной“ истории он вносит от себя те или другие лаконические замечания, высказывает некоторые сомнения, отмечает противоречия.

Только и всего.

Один из героев щедринского Пошехонья всегда держался мнения, что все великие предприятия, как и великие мысли, в тишине зреют. Открытые пререкания, рассуждал он, а тем более развернутая полемика, пронизанная ясностью и твердостью принципов, только погубляют их. А поэтому — „вперед без страха и сомненья!“ Но осторожно. Ни пытливости, ни принципов. И главное, чтобы без шума. Чтобы как яичко в Христов день: на, кушай!

Если бы такому замечательному герою, волею судьбы, пришлось бы теперь заняться историей „железного закона“, мы не сомневаемся, что, касаясь теории Маркса, он не нашел бы для себя лучшего образца, чем творения Фалькнера.

Однако, как ни лаконичны критические замечания Фалькнера, как ни кратки его заявления, как ни бесшумно они подводятся, материала для характеристики и точки зрения автора, и его приемов они дают вполне достаточно.

Первые свои критические соображения по поводу теории Маркса профессор Фалькнер посвящает вопросам народонаселения. Ни принципиальных возражений, ни даже своего несогласия с Марксом наш профессор не выдвигает. Он просто считает, что Маркс „не закончил“ свою теорию народонаселения, не развернул ее до конца.

„Если мы обратимся, — говорит Фалькнер, — к рассмотрению собственных взглядов Маркса на проблему народонаселения, то мы убедимся, что законченной теории народонаселения Маркс нам (! — И. О.) не оставил“ ³.

•

² „Первый конгресс Коммунистического Интернационала“, 1921, с. 164.

³ Проф. С. А. Ф а л ь к н е р, Происхождение железного закона заработной платы, изд-во „Вопросы труда“, 1925, с. 225.

Мы еще увидим ниже, почему это им так хочется видеть марксову теорию незаконченной. Пока же нас в первую очередь должен интересовать вопрос о том, в чем же, по мнению критика, заключается незаконченность, на какие вопросы он не находит себе ответа и что недостает марксовой теории, чтобы они могли считать ее законченной.

Предоставим слово профессору.

„В основе воззрений Маркса на вопросы народонаселения,—говорит он,—лежат два принципиальных тезиса большой важности. Это, во-первых, утверждение, что по отношению к людям, в противоположность растительному и животному миру, не существует никакого единого и универсального закона размножения и, во-вторых, что каждая историческая эпоха в развитии человечества имеет свой собственный, т. е. специфический и своеобразный закон народонаселения. Но в чем заключается закон народонаселения различных эпох и прежде всего эпохи капитализма? На этот вопрос мы не находим у Маркса полного и ясного ответа. Правда, Маркс развивает определенную теоретическую концепцию, о которой он говорит, что „это и есть присущий капиталистическому способу производства закон народонаселения“. Речь идет о „законе прогрессивного падения относительной величины переменного капитала“ или, говоря конкретнее, о вытеснении рабочего машиной, являющемся базой марксовой теории обнищания.. Но теория вытеснения рабочего машиной, создающего „резервную армию промышленности“, или избыточное рабочее население, еще не решает собою старой проблемы народонаселения и не может быть механически поставлена на ее место. Ибо эта теория дает лишь схему внутреннего перераспределения занятого по найму и безработного населения в пределах данной общей массы его или, если угодно, в пределах массы его, возрастающей пропорционально процессу накопления. Но как в действительности возрастает в эпоху капитализма эта общая масса населения? И далее: как влияет процесс образования резервной армии на дальнейший прирост народонаселения. замедляет ли он его, или, наоборот, еще ускоряет, или же, наконец, не оказывает никакого существенного влияния на численность и соотношение рождений и смертей? Все эти вопросы остались у Маркса без разрешения, ибо основное внимание его было направлено именно на внутренние социальные процессы, анализ коих представлялся наиболее существенным и наименее выявленным для социалистического мышления“⁴.

Итак, „незаконченность“ теории Маркса состоит, согласно „объективной истории“ Фалькнера, в том, что 1) она не отвечает даже на вопрос, в чем заключается закон народонаселения различных эпох; 2) она не отвечает даже на вопрос, в чем заключается закон народонаселения эпохи капитализма; 3) марксова теория народонаселения не способна заместить собою старую проблему народонаселения; 4) не может потому, что касается только „внутреннего“ перераспределения внутри данной массы, тогда как, по Фалькнеру, главным является вопрос не „внутренний“, а „внешний“, т. е. вопрос о том, как возрастает „эта общая масса“.

Одним словом, профессор Фалькнер вновь и вновь измеряет законченность теории Маркса масштабами старого, блаженной памяти, „естественного закона населения“. Как возник этот „закон“? В чем заключалась его основа, смысл?

Происхождение „естественного закона населения“ связано с развитием капитализма. В конце XVIII и в начале XIX века быстрое развитие машинной техники сопровождалось образованием значительных кадров излишнего населения. Растущая производительность человеческого труда—наряду с ростом избыточной рабочей силы, растущее богатство—наряду с массовыми бедствиями, еще большее обострение классовых противоречий, все это не могло не привлечь к себе внимания политической эконо-

⁴ С. А. Фалькнер, Происхождение железного закона заработной платы, 1925, с. 225—227.

мии. Эти явления она должна была так или иначе объяснить. Как известно, буржуазная политическая экономия пошла по пути объяснения существующего перенаселения и его последствий не из существа капиталистического способа производства, а из внешней природы. Такое решение проблемы было дано уже Адамом Смитом. Наивысшее же свое завершение оно получило у Мальтуса. Основная идея мальтузианства, возникшего в эпоху реакции против Французской революции, состояла в том, что люди-де размножаются быстрее, нежели необходимые им средства существования. С точки зрения Мальтуса бедствия рабочего класса являются только следствием перенаселения от чрезмерного размножения. Все общественные улучшения излишни, ибо они ведут еще к большему размножению и в конечном счете вновь вызывают нищету. Единственный способ предотвращения роста перенаселения и нищеты он видел поэтому в добровольном ограничении рабочим классом своего размножения путем „разумного самоограничения“ и „нравственного воздержания“. Находились даже социалисты, которые в этой от начала до конца враждебной рабочему классу теории видели высшее откровение. Альберт Ланге например говорил, что „закон народонаселения это альфа и омега социального вопроса... С познанием закона народонаселения только и начинается понимание социального неустройства и его источника, и только с изменением закона народонаселения и могут исчезнуть последние следы социального неустройства“⁵.

В действительности—дело с альфой и омегой обстояло куда прозаичнее. Сводя движение заработной платы и массовую безработицу к явлениям естественного порядка, рекомендуя рабочим изменить предложение труда путем уменьшения рождения детей, буржуазная политическая экономия пыталась лишь выдать, как говорит Маркс, „результаты, вытекающие из общественного строя, за результаты, вытекающие из природы, и наконец, дает ему (буржуа—П. О.) возможность спокойно смотреть на гибель пролетариата, умирающего от голода, как на другие естественные явления, не волнуясь, с другой стороны, возлагать ответственность за нищету пролетариата на него самого и наказывать его за нее. Ведь пролетариат может разумом сдерживать естественный инстинкт и нравственным контролем препятствовать вредному проявлению закона природы“⁶.

И вот этот „естественный“ для буржуа „закон населения“ ученый историк делает теперь аршином, которым должна измеряться „законченность“ теории народонаселения, которую дал Маркс. Закон Мальтуса, рассуждает историк, был законом народонаселения самых различных эпох и эпохи капитализма в том числе. Это теория вполне „законченная“. Теория же Маркса в отношении людей „утверждает“ отсутствие единого и универсального закона размножения и вместо него развивает какую-то теоретическую концепцию об относительном капиталистическом перенаселении. Значит теория Маркса „не закончена“. Теория Мальтуса, рассуждает историк, сосредоточивалась на вопросе о возрастании общей массы населения, она решала проблему народонаселения. Значит это „законченная“ теория. Что же касается

⁵ Каутский—Размножение и развитие в природе и обществе, с. 10.

⁶ Рукопись Маркса о заработной плате, Соч., т. V, с. 554.

Маркса, то он „дает лишь схему внутреннего перераспределения“, вытекающего из законов накопления капитала. Значит эта теория „не закончена“. Заменить собой „старую проблему народонаселения“ она не может.

Историку и неведомек, что в этом-то как раз и заключено принципиальное отличие теории Маркса от теории Мальтуса. Ему и неведомек, что то, что он считает в теории Маркса „незаконченным“,—является научно-законченным опровержением „старой проблемы народонаселения“. Именно в том, что Маркс разоблачил попытку отождествить пределы буржуазного общества с естественными пределами общества (имевшую цель утвердить законы населения одной капиталистической эпохи в качестве законов всех эпох), и заключается законченность и превосходство теории Маркса. Именно в том, что Маркс до конца опроверг попытку превратить общественный закон накопления капитала („схему внутреннего перераспределения“) в закон природы („старую проблему народонаселения“—„возрастания общей массы населения“), и состоит законченность и научное превосходство теории Маркса.

Так называемая „старая проблема народонаселения“ Мальтуса исходила из того, что количественный прирост населения обусловлен самой природой и составляет величину постоянную, раз навсегда данную. Количественный прирост человечества она для всех эпох рассматривала как какое-то апокалипсическое явление, неизбежное и навеки уготованное. Маркс разрушил это вульгарное представление. Он показал, что в действительности „абстрактный закон народонаселения существует лишь для растений и животных, поскольку в это исторически не вмешивается человек“. В человеческом же обществе „каждый особый способ производства имеет свои особые законы народонаселения“⁷.

Для ученого историка этот единственно научный исторический метод непонятен. В принципе, на словах, он конечно за исторический подход к общественным явлениям⁸. Но одно дело принимать точку развития на словах, другое дело—уметь применить ее в каждом конкретном случае. В случае с народонаселением это сказалось более чем наглядно. Вернемся однако к „абстрактному закону народонаселения“. Верно ли будет сказать, что количественный прирост населения обусловлен только естественным фактором и для всех общественных формаций остается величиной неизменной? Конечно не верно. Не верно даже тогда, если его принимать только как закон природы. Ибо даже в природе никаких вечных законов нет. Такие законы природы, которые неизменно и неотвратно действовали бы при всех условиях—не существуют. Даже законы природы, и те видоизменяют свое действие или вообще его теряют в зависимости от изменения условий. Казалось бы, что может быть более устойчивым и неизменным, чем существование дня и ночи на планете солнечной системы. А между тем, в зависимости от различия условий (для каждой данной планеты—от различия скорости вращения вокруг оси и вокруг солнца) существуют планеты (Меркурий, Венера), для которых этот „естественный закон“ оказывается не

⁷ К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIII, § 3.

⁸ См. напр. „Плановое хозяйство“ № 1, 1926, с. 241.

существующим, ибо на одной стороне планеты господствует вечный день, на другой—вечная ночь. То же можно сказать и о других „естественных законах“.

Но разве размножение человека зависит только от естественного фактора? Это будет неверно даже и тогда, когда мы ограничим вопрос народонаселения, как рекомендует Фалькнер, только естественным „приростом общей массы населения“. Неверно потому, что помимо влияния естественных условий на размеры прироста населения влияют также различные условия социального характера и прежде всего—экономические условия. И так как последние (в принципе—это не отрицает и автор „многочисленных работ“) в ходе исторического развития общества изменяются, то эти изменения оказывают и различное действие на прирост населения. Перемены в социальной среде не могут отменить только самого характера оплодотворения, рождения и т. д. Что же касается нормы смертности, нормы рождений и нормы увеличения необходимых средств существования, то все эти основные факторы, влияющие на прирост народонаселения, связаны с общественными отношениями самым непосредственным образом. Вместе с изменением социальной структуры общества меняется и ее влияние на прирост, на смертность, на размеры добываемых средств существования, меняется прирост населения для различных эпох, для различных классов. В одних случаях это ведет к более быстрому приросту „общей массы населения“, в других—к менее быстрому. Мы не можем поэтому рассматривать количественный прирост человечества как величину для всех времен, при всех условиях неизменную. Такого абстрактного закона народонаселения в применении к человеку—не дано. Каждому способу производства присущ и особый, ему свойственный, закон народонаселения. Это и есть то, что говорит Маркс. Он научно доказал несостоятельность мальтусовской „старой проблемы народонаселения“. А в применении к капиталистическому обществу не только выдвинул „утверждение“ (как выражается историк), но и научно аргументировал специфический для капитализма и дающий ключ к научному пониманию всей проблемы закон капиталистического перенаселения.

Требовательный историк требует от Маркса, чтобы он дал законы народонаселения для всех эпох. Иначе он грозит вписать его теорию в свою историю, как теорию „незаконченную“; Мальтус вот оставил закон для всех эпох, рассуждает Фалькнер, а Маркс „не оставил“. Мы должны будем на это ответить, что задачи открывать особые законы народонаселения для всех эпох истории человечества Маркс как будто и не собирался себе ставить. Изучая капиталистическую систему, Маркс показал ненаучность „естественного закона населения“, вообще отверг возможность существования „абстрактного закона народонаселения“ и для капитализма оставил свой закон накопления капитала. И что можно сказать после этого о такой исторической науке, которая бы считала любую ненаучную систему „законченной“ только на том основании, что в своих беспредельных заблуждениях она „отвечала“ на все вопросы, и записывала бы по разряду „незаконченных“ такую теорию, которая оставила бы научные ответы не обо всех, а об одной эпохе? У нашего историка это называется наукой.

В своем законе перенаселения, свойственном капиталистическому способу производства, Маркс перенес центр тяжести проблемы с вопросов абсолютного прироста населения („возрастания общей массы населения“) на вопросы взаимоотношения между рабочей силой и капиталом. В своем учении о накоплении капитала Маркс показал, что то, что при поверхностном взгляде кажется избытком рабочего населения от чрезмерного его абсолютного прироста, является в действительности результатом свойственного капитализму уменьшения потребности в добавочной рабочей силе. Дело не в том, что слишком быстро идет размножение населения. И не в том, что производительная сила общества уменьшается. Вопрос в том, что самый рост производительных сил в условиях капитализма, обуславливая более быстрый рост доли постоянного капитала по сравнению с долей капитала переменного, с каждым шагом вперед все более медленно увеличивает спрос на рабочие руки. Спрос на добавочную рабочую силу, в силу продолжающегося роста переменного капитала, продолжает еще увеличиваться, но он все более отстает от роста совокупного капитала.

Образование избытка рабочей силы в условиях капитализма происходит, следовательно, не от уменьшения производительной силы общества, а как раз от ее увеличения, не от чрезмерного абсолютного прироста населения, а от свойственного капиталу уменьшения спроса на рабочую силу. Именно рабочая сила, которая при всем желании не находит приложения своему труду, а не чрезмерное размножение, составляет основу свойственного капитализму относительного (а не абсолютного) перенаселения. Не всегда в одинаковых размерах это относительное перенаселение постоянно существует в виде резервной промышленной армии. Как показало развитие капитализма, резервная армия в полном соответствии с учением Маркса не уменьшается, а увеличивается.

Таким образом, в развивающемся капиталистическом обществе делается все более трудным не производство средств существования, а добывание средств существования для рабочего. Производство средств существования с ростом производительных сил облегчается. Количество средств существования также растет. Лучшим свидетелем тому являются капиталистические кризисы перепроизводства. В условиях быстро растущей производительной силы общества и уменьшающихся трудностей производства средств существования рабочему при капитализме становится все труднее находить применение своего труда, делается все труднее находить себе заработок. Перенаселение при капитализме зависит, следовательно, не от количества средств существования и не от „возрастания общей массы населения“. Оно целиком вытекает из отношения между трудом и капиталом. Оно представляет собою исключительно продукт капиталистического способа производства.

Различное понимание народонаселения ведет, таким образом, к двум принципиально несовместимым позициям. С точки зрения Маркса перенаселение при капитализме является не абсолютным, а относительным перенаселением, связанным с исторически определенным капиталистическим способом производства. С точки зрения вульгарного буржуазного понимания перенаселе-

ние при капитализме есть абсолютное перенаселение, не зависящее от общественного строя и объясняемое только причинами естественно-исторического характера, Если перевести все это на язык историка „железного закона“, то в первом случае мы имеем дело со „схемой внутреннего перераспределения занятого по найму и безработного населения в пределах данной общей массы его“, во-втором—с „возрастанием в эпоху капитализма этой общей массы населения“.

Нам остается теперь поставить перед профессором Фалькнером (с его точки зрения—быть может и „праздный“) вопрос: куда он относит свою историческую науку? Если он собирается отнести ее к позициям марксизма, то почему тогда он считает марксово объяснение перенаселения из капиталистического производства „незаконченным“? Если он не относит себя по ведомству буржуазной апологии, то почему он тогда с такой настойчивостью переносит центр тяжести проблемы народонаселения на „возрастание общей массы населения“, на абсолютный прирост населения, на нормы размножения и т. д.? Что до нас, то нам начинает казаться, что такое невнимательное отношение к вопросу для капитализма „внутренним“ и столь настойчивый интерес к вопросам „внешним“ происходят неспроста.

Для того, чтобы не оставить относительно своих воззрений на предмет исследования никаких сомнений, историк должен очевидно не только ставить вопросы („почему того нет? почему сего нет? почему оставил незаконченным?“), но иногда, пусть даже без шума, пытаться и самому давать ответы. Одним словом, каким-то способом выяснять для истории свою собственную позицию. Мы находим ее прежде всего в следующем многозначительном заявлении:

„Подводя итоги положительному теоретическому наследию железного закона, завещанному им общей системе познания экономических связей свободно-менового, социально-расчлененного коллектива (обратите только внимание на эту научную терминологию!—П. О.), можно свести его к трем главным пунктам“.

Далее идет: во-первых, во-вторых, и наконец:

„в-третьих, сокровенная идея железного закона в его функциональной конструкции—констатирование зависимости уровня заработной платы преимущественно от условий предложения, а не спроса на труд, в силу общей тенденции приспособления суммы предложения к сумме спроса. Этим, с одной стороны, перекидывался мост к социальному рассмотрению условий зависимости и подчинения труда. С другой стороны, утверждение, что факторы минимализации заработной платы лежат на стороне предложения труда, указывая на необходимость анализа условий этого предложения в связи со всеми статистическими и динамическими процессами капиталистического хозяйства“⁹.

Чтобы не оставалось никаких сомнений относительно направления, в котором историк перекидывает свои мосты, он еще раз повторяет этот тезис заключительными строками своей книги. Здесь он вновь подтверждает, что положительное значение „железного закона“ определяется констатированием

„зависимости уровня заработной платы преимущественно от объективных условий предложения труда, а не спроса на труд, ввиду общей тенденции предложения приспособляться к спросу, как властвующей директиве капиталистического хозяйства“¹⁰.

⁹ Проф. С. А. Фалькнер, Происхождение железного закона заработной платы, с. 316—317 (подчеркнуто нами—П. О.).

¹⁰ Там же, с. 325.

В общем—вопрос ясен. В сокровенных идеях „железного закона“ его ученый историк нашел сокровищный клад экономическую премудрости. Самым законченным достижением науки отныне объявляется перенесение проблемы уровня заработной платы, перенаселения и обнищания с условий капиталистического производства на условия предложения труда. Увеличивается спрос на рабочую силу, значит увеличивается цена рабочей силы („властвующая директива капиталистического хозяйства“), значит увеличивается и предложение труда. Уменьшается спрос на труд, значит должна понизиться цена рабочей силы, значит должно последовать уменьшение предложения труда. Вновь увеличение спроса и вновь увеличение предложения. Такова „директива“.

После этого немудрено, если в сокровенной идее „железного закона“ ученый историк, а отныне и ученый экономист, увидел для себя указание необходимости „анализа условий предложения в связи со всеми статистическими и динамическими процессами капиталистического хозяйства“. В самом деле. Ведь если предложение труда обладает таким гибким свойством немедленно приспособляться к колебаниям спроса, то очевидно помимо „статики“ (естественный прирост населения и т. д.) существует еще и какая-то динамика. Где-то, повидимому, имеется такой резервуар, или холодильник, откуда при увеличении спроса пополняется предложение в любых размерах и куда по мере снижения спроса рабочая сила вновь возвращается. Отсюда вывод: все дело в этом резервуаре. Надо его „анализировать.“ В нем зарыты „факторы минимализации заработной платы“. Покончив с резервом, тем самым будет поставлен крест на всех „факторах минимализации“, тем самым будут отменены и перенаселение, и обнищание. Где же находится этот резервуар, вот вопрос, к которому должно направиться внимание—теперь уже—экономической науки.

Мы должны однако прервать профессора и задержать его внимание на совсем заброшенном им вопросе о спросе на рабочую силу. Чем же, спрашивается, вызываются все те колебания в спросе на рабочую силу, о которых он говорил? Устранятся ли все эти колебания в спросе, если мы, допустим, закроем у резервуаров все краны? Если не устранятся, то куда тогда при уменьшении спроса будет деваться излишек рабочей силы? Перестанут ли действовать в этом случае „факторы минимализации“? Наконец, и это также не менее существенно, что ответит нам на устранение этих факторов тот самый капиталист, который так привык к „условиям зависимости и подчинения труда“?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы должны будем, повидимому, внимательно приглядеться к самому механизму капиталистического производства, к причинам, которые то отталкивают, то притягивают рабочую силу. Весь смысл капиталистического производства, как известно, состоит в увеличении стоимости капитала. Присоединение прибавочной стоимости к авансированному капиталу составляет жизненную цель и единственное стремление капитала. Если капиталист выплачивает рабочему заработную плату, то уже в самом этом акте заранее предполагается, что рабочий должен доставить капиталисту определенное количество неоплаченного труда. Мы говорим — определенное количество, потому что уменьшение размеров неоплаченного

труда никогда не может достигнуть таких границ, которые бы угрожали самому существованию капиталистического характера производства. В том случае, если цена рабочей силы, в силу большого спроса и недостаточного предложения, повышается настолько, что норма прибыли снижается ниже средней, естественным результатом такого процесса должно последовать уменьшение накопления капитала. Последствием повышающейся заработной платы явилось, следовательно, ослабление стимулирующего действия прибыли и замедление накопления капитала. Но что означает это последнее? Оно означает не что другое, как уменьшение спроса на рабочую силу, как уничтожение тех причин, которые затрудняли „нормальное“ движение капитала. Посредством уменьшения спроса на труд капитал достигает благоприятного для него соотношения между спросом и предложением. Заработная плата понижается, и капиталу вновь обеспечиваются приемлемые для него нормы обогащения.

Мы обнаруживаем, таким образом, абсолютную зависимость рабочего класса от капиталистов. Мы видим, как сам механизм капиталистического производства выступает в роли полновластного регулятора спроса предложения рабочей силы. Отталкивая рабочую силу, когда это грозит ослаблением его возрастания, капитал увеличивает предложение труда и тем создает для себя выгодные отношения между спросом и предложением. Поверхностному наблюдателю все эти процессы могут показаться самостоятельным движением („приспособлением“) рабочей силы. Но именно про таких поверхностных продолжателей „сокровенных идей“ Маркс и говорил, что их „ограниченный мозг не в состоянии отличить форму проявления от того, что в ней проявляется“. За видимостью самостоятельного движения предложения рабочей силы буржуазные наблюдатели не умеют (или не хотят) понять сущность процесса, заключающуюся в абсолютном движении накопления капитала.

„Механизм капиталистического производства, говорит Маркс, заботится о том, чтобы абсолютное увеличение капитала не сопровождалось соответствующим увеличением спроса на труд... Спрос на труд не тождественен с возрастанием капитала, предложение труда не тождественно с возрастанием рабочего класса; так что здесь нет взаимного воздействия двух сил, независимых друг от друга. Капитал одновременно действует на обе стороны. Если его накопление, с одной стороны, увеличивает спрос на труд, то, с другой стороны, оно увеличивает предложение рабочих посредством их „освобождения“, а давление незанятых рабочих принуждает в то же время занятых давать большее количество труда и таким образом делает предложение последнего до известной степени независимым от предложения рабочих. Своим движением на этот базис закон спроса и предложения труда совершает деспотизм капитала“¹¹. „Великая прелесть капиталистического производства,—говорит Маркс в другой раз,—состоит в том, что оно не только постоянно воспроизводит наемных рабочих как наемных рабочих, но и производит всегда, параллельно накоплению капитала, относительное перенаселение наемных рабочих. Благодаря этому закон спроса и предложения труда удерж-

¹¹ К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XXIII, § 3.

живается в надлежащей колее, колебания заработной платы становятся в пределы, желательные для капиталистической эксплуатации, и наконец гарантируется столь необходимая социальная зависимость рабочего от капиталиста“¹³.

Ученый историк и экономист поэтому глубоко заблуждается, когда находит свою „сокровищную идею“ в той „функциональной конструкции“, которая „констатирует зависимость уровня заработной платы преимущественно от условий предложения, а не спроса на труд“. На поверку оказывается, что названная „функциональная конструкция“ представляет собою не более как фотографию с видимости. В сущности же, механизм капиталистического производства „сконструирован“ совершенно на иной функциональной зависимости, чем предполагала „сокровищная идея“ „железного закона“ и ее пленники. В действительности, основные пружины, господствующие факторы, заключены не в условиях предложения труда, а в условиях капиталистического производства, не на стороне движения рабочей силы, а на стороне движения капитала. Зависимость и подчинение труда капиталу обусловлены не тем, что рабочая сила самостоятельно то прибывает, то убывает, когда это ей выгодно по „властвующей директиве“ спроса и предложения, а в деспотическом выталкивании и притяжении рабочей силы тогда, когда это выгодно капиталу по „властвующей директиве“ законов капиталистического накопления. Капитализм осуществляет эту „функциональную зависимость“ без всякого „перекидывания мостов“. Эта зависимость вытекает не из „приспособления предложения к спросу“, а из самой природы капиталистического производства. Движение производительного капитала само создает для себя несоответствие между предложением и спросом труда. Выражением этого несоответствия является постоянное присутствие на рынке резервной промышленной армии. И чем далее развивается капитализм, тем больше растет это несоответствие. Тем более изменяются условия спроса и предложения к невыгоде продавцов рабочей силы.

Разговоры о возможности (стоит только продолжить анализ „сокровенной идеи“!) изменить условия предложения и таким способом устранить „факторы минимализации“ с достаточной убедительностью оценены Марксом в его, быть может, неизвестной историку, рукописи о заработной плате. „Если производительный капитал,—говорит здесь Маркс,—возрастает, благоприятнейший случай, который предполагают экономисты, если следовательно спрос на труд соответственно возрастает, то из характера современной промышленности и капитала вытекает, что средства, идущие на то, чтобы доставлять занятие рабочим, не возрастают в такой же степени; что те же обстоятельства, которые вызывают рост производительного капитала, еще быстрее заставляют расти несоответствие между предложением и спросом,—словом, что рост производительных сил в то же время вызывает возрастание несоразмерности между рабочими и средствами, идущими на то, чтобы доставлять им занятия... Но если производительный капитал возрастает лишь медленно, если он остается неизменным или даже уменьшается, то количество рабочих всегда оказывается слишком большим по отношению к спросу“

¹³ К. Маркс, Капитал, т. I, гл. XXV.

на труд. В обоих случаях, в самом благоприятном и в самом неблагоприятном, из отношения между трудом и капиталом, из самой природы капитала вытекает, что предложение рабочих всегда будет превышать спрос на труд. Не говоря уже о той бессмыслице, что рабочий класс не может принять решение не производить детей; наоборот, его положение делает половое влечение главным его наслаждением и односторонне развивает его. После того, как буржуазия довела существование рабочего до минимума, она еще хочет ограничить минимумом его воспроизведение. Но до какой степени несерьезно относится буржуазия к этим фразам и советам, вытекает из следующего: во-первых, современная промышленность, заменяя взрослых детьми, поощряет деторождение; во-вторых, крупная промышленность всегда нуждается в резервной армии незанятых рабочих для периодов перепроизводства. Ведь главная цель буржуа по отношению к рабочим вообще заключается в том, чтобы как можно дешевле получить товар-труд, что возможно лишь в том случае, если предложение этого товара как можно более превышает спрос на него, т. е. когда оказывается налицо наибольшее перенаселение. Следовательно, перенаселение соответствует интересам буржуазии, и она подает рабочим благой совет, зная, что он невыполним ¹³.

Перенаселение или, другими словами, превышение предложения труда над спросом, является, следовательно, результатом, но в то же время и необходимым условием капиталистического производства. Факторы минимализации заработной платы коренятся не в условиях предложения труда, как полагает профессор Фалькнер, а в природе капиталистического производства. Сами буржуа, как показал Маркс, относятся к своим советам „анализировать предложение“ и всячески его ограничивать—не серьезно, лишь для того, чтобы уберечь себя как капиталистов и отвести глаза от действительного источника бедствий рабочего класса.

„Сокровенные идеи“ профессора Фалькнера оказываются, таким образом, не более как химерами. Научное значение их равно нулю. Их антимарксистский, антинаучный характер обнаруживается со всею нескромностью. Впрочем, никакого научного употребления из этих идей наш уважаемый профессор, повидимому, и не собирался делать. М. Н. Покровский не раз говорил про буржуазных историков, что их историческая наука есть не более, как вогнутая в прошлое политика. Про историка „железного закона“ можно было бы сказать, что он собирается „загибать“ свою политику не только в прошлое, но и в настоящее.

Констатированные им, в порядке исторического экскурса, недостатки марксовой теории народонаселения и „сокровенные идеи“ „железного закона“ имеют для него значение лишь „исторических предпосылок“ к тем выводам, которые он собирается сделать. Из предисловия автора к „Происхождению железного закона“ мы можем узнать, что названная книга, собственно, представляет собою только „первую часть обширного исследования“. Третью же часть своего исследования (которая последует конечно после второй) профессор Фалькнер собирается посвятить

¹³ Рукопись Маркса о заработной плате, Соч., т. V, с. 552—553.

„определению исторических тенденций развития уровня заработной платы под давлением основоположных процессов капиталистической эволюции—индустриализации населения, производственного перерождения труда и относительного сужения рынка¹⁴“.

Мы можем из этого же предисловия узнать также и о том, с кем профессор Фалькнер уже успел „перекинуться мостами“:

„Первая из этих тенденций, говорит он.. была весьма любопытно обрисована уже в середине XVIII века Джемсом Стюартом и в начале XX века была снова использована для построения частично очень ценной теории заработной платы Францем Оппенгеймером и П. П. Масловым. Вторая и третья из указываемых тенденций еще подлежат изучению¹⁵“.

После этого у нас уже не может оставаться о позициях профессора никаких сомнений. Пусть теория Франца Оппенгеймера остается для него не «сокровенной», а только «частично очень ценной». Пусть вторая и третья из указанных тенденций еще «только подлежат изучению». Пусть даже обещаемая третья часть исследования никогда не появится, выразительность идеологического профиля профессора Фалькнера от этого нисколько не страдает.

Итак Франц Оппенгеймер и П. П. Маслов являются той последней пристанью, к которой в начале XX века «причалил» исторический корабль профессора Фалькнера. Что такое Франц Оппенгеймер, мы знаем. Франц Оппенгеймер является принципиальным противником марксовой теории накопления капитала и обнищания рабочего класса. Капиталистическое накопление он представляет себе не иначе, как движение к притуплению и окончательному устранению классовых противоречий. Он убежден в уменьшении пауперизма. Он полагает даже, что с развитием капитализма уровень заработной платы достигнет таких размеров, когда рабочие сами начнут накапливать. Наконец последним и центральным пунктом его теории, пунктом, в котором он сходится и с П. П. Масловым и с уважаемым профессором, является его точка зрения на перенаселение. Как и профессор Фалькнер, Оппенгеймер и Маслов считают, что перенаселение образуется не развитием капиталистического производства, что оно вытекает не из природы накопления капитала, а из условий лежащих вне капиталистического производства. Как и профессор Фалькнер, Оппенгеймер и Маслов переносят проблему «факторов минимализации» с механизма самого капиталистического производства на условия предложения рабочей силы. В этом содружестве с Оппенгеймером и Масловым профессору Фалькнеру удалось достигнуть и последнего заключительного пункта «частично очень ценной теории».

Мы уже говорили выше, что историка «железного закона» чрезвычайно заинтриговала констатированная этим законом «зависимость уровня заработной платы преимущественно от объективных условий предложения труда, а не спроса на труд». В этом констатировании он увидел для себя указание необходимости **настойчиво анализировать условия этого предложения в связи со всеми статическими и динамическими процессами капита-**

¹⁴ Проф. Фалькнер, Происхождение железного закона заработной платы, с 5

¹⁵ Там же (подчеркнуто нами—П. О.).

стического хозяйства». Эта «статика и динамика процессов» движения рабочей силы с неизбежностью должна была привести его к какому-то, лежащему вне производства, источнику всех «факторов минимализации». Теперь профессор Фалькнер нам сообщает, что, найдя этот источник, он, кроме того, встретился там с целой компанией, он нашел там «частично очень ценных» Оппенгеймера и Маслова.

Профессор Фалькнер почему-то со своей третьей частью исследования медлит. Что же касается Франца Оппенгеймера, то он в своей «частично очень ценной теории» рассказал об источнике минимализации самым подробным образом. Успел это сделать и П. П. Маслов. По мнению Франца Оппенгеймера: перенаселение в капиталистическом обществе обусловлено не имманентными законами капиталистического накопления, а движением в города сельского населения. В этом последнем он видит единственный источник резервной армии. Переходя к анализу причин, которые заставляют сельское население покидать деревню, он считает таковой причиной не развитие капитализма в деревне, а частную собственность на землю.

„В сельском хозяйстве, — заявляет он, — никакая экономическая экспроприация невозможна; там происходит только юридическая законодательная экспроприация мелких земледельцев крупными землевладельцами“¹⁶.

П. П. Маслов также считает, что резервная армия образуется только за счет земледельческого населения. С его точки зрения, и в этом он совершенно согласен с Оппенгеймером, капиталистическое производство играет только положительную роль, оно доставляет избыточному сельскому населению работу, поглощает его, ведет к росту индустриального населения. Это и есть тот «основоположный процесс капиталистической эволюции — индустриализация населения» и т. д., о котором говорил профессор Фалькнер.

Такова хотя и «частично», но все же «очень ценная» теория Франца Оппенгеймера и П. П. Маслова. В той ее части, которая касается попыток опровергнуть закон Маркса, по которому совокупный капитал растет быстрее переменного, ничего нового в этих теориях мы не находим. В этих вопросах критики не столько «опровергают», сколько просто отвергают Маркса. Относительным новшеством является только намерение Оппенгеймера объяснить экспроприацию сельского населения не из развития капитализма, а из докапиталистических отношений. Оппенгеймер полагает, что к пролетаризации крестьянства капитализм совершенно не причастен. Он открыто признает бегство пролетаризованного крестьянства из деревни, признает, что этому бегству должно было предшествовать разорение, но не видит капиталистического характера процессов этого разорения. С точки зрения Оппенгеймера в промышленности господствуют законы капиталистической конкуренции, разорение ремесленников, кустарей и мелких капиталистов крупными, а в земледелии — голая «не экономическая» экспроприация.

Между тем, факты противоречат такой теории. Факты как раз показывают, что между разорением ремесла в городе и

¹⁶ Цитировано по Дингельштедту, Накопление капитала и обнищание рабочего класса, с. 41.

разорением крестьянства в деревне существует полная аналогия. И там, и здесь основная тенденция заключается в уничтожении, в вытеснении мелкого производства крупным производством, основанным на наемном труде. Развитие этих процессов в деревне находится в тесной связи с развитием капитализма. Силою, которая двигает и подталкивает эти процессы, является развитие капиталистической промышленности. Оппенгеймер просто отворачивается от того факта, что развивающаяся промышленность отрывает от сельского хозяйства и убивает домашние промыслы, развивает в деревне товарное хозяйство, делает продажу сельскохозяйственных продуктов необходимым условием существования сельского населения. Он закрывает глаза на то, что капиталистическая промышленность доставляет земледелию машины и тем самым стимулирует и обостряет в деревне конкуренцию, точно такую же конкуренцию, как в городе. Он видит только крупных землевладельцев и крестьян и не видит расслоения в самом крестьянстве. Он не хочет согласиться с тем, что проникающее в деревню товарное хозяйство решительно меняет общественный характер земледелия, превращает «докапиталистическую», «патриархальную» эксплуатацию в самоуничтожающую, современную капиталистическую эксплуатацию.

В любой стране, где в земледелие проникает торговый и промышленный капитал, происходит неизбежный процесс разорения мелкого производства и концентрация крупного, процесс углубления классовой размежевки сельского населения. Прежде чем очутиться в городе в качестве пролетария, крестьянин выдерживает в деревне отчаянную борьбу за сохранение своего мелкого товарного хозяйства. Нечеловеческим напряжением сил и недоодеянием он пытается удержать себя рядом с крупным капиталистическим хозяйством. Но эта неравная борьба всюду имеет один и тот же результат: превращение мелкого товаропроизводителя в паупера, в наемного рабочего и обогащение капиталистических хозяйств, основанных на наемном труде.

Сельское хозяйство, таким образом, не стоит где-то в стороне от капиталистического развития. В эпоху промышленного и финансового капитализма оно включено в капиталистическую систему в виде неотъемлемой его части. Франц Оппенгеймер представляет себе тягу сельского населения из деревни, как переход крестьянина, ограбленного докапиталистической эксплуатацией, в обетованную землю капиталистического благоденствия. Для полноты картины недостает только соответствующего ветхозаветного реквизита. Но со всей этой фантастикой капиталистическая действительность не имеет ничего общего. В действительности — разоренный капитализмом в деревне, крестьянин превращается из экономически самостоятельного товаропроизводителя в зависимого от капитала наемного рабочего. Законы выталкивания из деревни свободных от орудий и средств производства рабочих рук, законы пополнения перенаселения за счет сельского населения являются, следовательно, законами того же капиталистического развития, а не чего-то внешнего для него, потустороннего.

Почему освобожденное от земли сельское население в своей основной массе вынуждено перекочевывать из деревни в город и превращаться там в индустриальное население, это давно уже разъяснено Марксом. «По самой природе капиталистического спо-

соба производства,—говорит Маркс,—он уменьшает постоянно земледельческое население сравнительно с неземледельческим, так как в индустрии (в узком значении слова) рост постоянного капитала по отношению к переменному связан с абсолютным возрастанием переменного капитала, несмотря на его относительное уменьшение. Между тем, в земледелии абсолютно уменьшается переменный капитал, потребный для эксплуатации определенного количества земли; следовательно, этот капитал может возрастать лишь при том условии, что подвергается обработке новая земля, а это в свою очередь предполагает еще большее возрастание неземледельческого населения»¹⁷. Выдавать после этого обвинение Маркса в якобы отрицании им передвижки сельского населения в города за самоновейшее достижение экономической науки—не приходится.

Спрашивается теперь, какое же значение имеет для Оппенгеймера и Фалькнера эта очередная бессодержательная и искusstвенная конструкция источников перенаселения. Профессор Фалькнер уже пояснял нам, что ему необходимо это для «определения исторических тенденций развития уровня заработной платы». С тем определением «исторических тенденций уровня заработной платы», которое дано Марксом, профессор Фалькнер решительно не согласен. Да и трудно было бы такого согласия достигнуть.

В самом деле: Маркс объясняет перенаселение при капитализме не как абсолютное, а как относительное перенаселение, вытекающее из природы капиталистического способа производства; профессор Фалькнер считает такое объяснение «незаконченным»,—по его мнению основным является вопрос абсолютного прироста рабочего класса, т. е. фактор, лежащий вне капиталистического производства.

Маркс находит регулятор спроса и предложения труда в движении капитала, в законах развития самого капиталистического производства; профессор Фалькнер считает «сокровенной идеей» зависимость уровня заработной платы преимущественно от условий предложения труда, т. е. опять-таки от условий, лежащих вне капиталистического производства.

Маркс обнаруживает, следовательно, причины всех страданий рабочего класса, причины растущего угнетения и обнищания рабочего класса в самом капиталистическом производстве; профессор Фалькнер ищет «фактора минимализации» заработной платы и объяснения зависимости рабочего класса от капитала в условиях, лежащих за пределами капиталистического производства. Вместе с Оппенгеймером и П. П. Масловым он находит их в сельском хозяйстве; вкупе с «частично очень ценной» теорией Франца Оппенгеймера он находит их в условиях «докапиталистических».

Не надо быть ни ученым историком, ни ученым экономистом, излишне даже ожидать появления «более обширных исследований» профессора Фалькнера, чтобы понять истинный смысл всех «функциональных конструкций» нашего профессора. Истинный смысл исторического похода профессора Фалькнера заключается в том, чтобы отвлечь внимание в сторону от действительных причин растущих страданий рабочего класса и всячески замазать клас-

совые противоречия. Ведь если так называемые «факторы минимализации» лежат вне условий развития самого капитала, если образование резервной армии обязано не самому капиталистическому способу производства, а причинам, вне его лежащим, докапиталистическим формам эксплуатации и т. д., то какие тогда у рабочего класса основания бороться с самим капитализмом?—Очевидно, никаких. Какие основания для обострения классовых противоречий?—Никаких. Напротив, по Оппенгеймеру и Фалькнеру, интересы рабочего класса и капитала общи в том смысле, что им обоим противостоит враждебное докапиталистическое землевладение. Крупное землевладение сойдет со сцены; «основоположный процесс капиталистической эволюции» в конце концов завершится полной индустриализацией населения; тогда наступит полное царство капитализма. Тогда все рабочие получат возможность накапливать. Все станут капиталистами. Ну какой же после этого резон бороться за уничтожение капиталистической эксплуатации?

Нашему адвокату капиталистической эксплуатации, профессору Фалькнеру, остается после этого только воскликнуть вместе со сладчайшим из всех апологетов капитализма—незабвенным Бастиа: «Капиталисты и рабочие! Перестаньте же смотреть друг на друга с недоверием и завистью! Признайте, что ваши интересы сливаются, что они совместно тяготеют к осуществлению общего благополучия».

Попытка развенчать марксову теорию обнищания и изобразить капитализм в виде вечного и восходящего хозяйственного строя, откровенная и рьяная апология системы капиталистической эксплуатации, таков истинный смысл исторического похода профессора Фалькнера. Фалькнер—историк «железного закона заработной платы», Фалькнер—апологет капитализма,—это одно и то же.

Следовало бы остановиться на разборе некоторых других новейших «научных открытий» профессора Фалькнера. Но это заставило бы нас вести с ним чрезвычайно утомительную популярную беседу. Мы поступим поэтому правильно, если ограничимся простым перечнем этих «открытий»!

«Открытие» № 1 сводится к тому, что введенное Марксом понятие стоимости товара—рабочая сила—Фалькнер считает «формальной аналогией» со стоимостью остальных товаров.

„Нетрудно показать,—заявляет профессор,—что эта формальная аналогия не является особенно убедительной, ибо аналогичность определителей ценности товара и труда (?) может быть доказана лишь аналогичностью действия тех экономических аппаратов, которые сводят оплату товаров и труда к указанным нормам“¹⁸.

Чтобы взгляды самого профессора на этот предмет не подлежали сомнению, мы «покажем» и его собственный «аппарат»:

„Заработная плата,—говорит профессор в другой своей работе,—является ценой труда, как одного из объектов капиталистического товарооборота, и определяется соотношением спроса и предложения труда, их относительной подвижностью во времени и пространстве и т. д.“¹⁹. (Это замечательное „и т. д.“ принадлежит самому профессору—П. О.)

¹⁸ Проф. Фалькнер, Происхождение железного закона заработной платы, с. 261.

¹⁹ С. А. Фалькнер, Национальные индексы заработной платы, изд. ВЦСПС, 1923, с. 3.

Открытие № 2 утверждает, что Маркс,

„ставя и анализируя индивидуальную проблему товарообмена, восходил затем (т. е. на основе положений, добытых из анализа ее) к классовой проблеме в целом“. И что поэтому „классовая проблема пропорций теоретически может быть исследуема лишь после анализа уровня заработной платы и на основе его“²⁰.

Открытие № 3 утверждает, что

„классовая проблема совокупной доли труда теоретически имеет чисто функциональный (а не причинный) характер и сводится по существу к конкретно-статистическому исследованию числовых данных“²¹.

Открытие № 4 приписывает Марксу положение о невозможности

„какого бы то ни было развития потребностей рабочего класса“, невозможность „какого бы то ни было повышения заработной платы“ и т. д.²².

Перечень всех этих больших и малых вкладов историка «железного закона» в его историческую науку можно было бы продолжить и дальше.

Гораздо интереснее однако остановиться на отношении профессора Фалькнера к совершенно конкретному вопросу—вопросу движения уровня благосостояния рабочего класса. Как, по его мнению, улучшается или ухудшается положение рабочих с развитием капитализма? Не будем «придирчивыми», допустим, что «классовая проблема совокупной доли труда» является только проблемой «конкретно-статистического исследования числовых данных». Но все-таки о чем же все эти «числовые данные» говорят? Говорят ли они об обнищании рабочего класса?

Историк «железного закона» с железной непоколебимостью и бесстрастием жреца науки отводит эти вопросы. Никаким исследованием «числовых данных» он и не собирается заниматься. Для него это излишне. Он давно уже знает, что никакого обнищания не существует. Он исходит, как из установленного факта, что

„заработная плата в действительности почти не меняется“²³, что „в жизни мы имеем“ неизменность уровня заработной платы“²⁴.

Профессору Фалькнеру нет никакого дела до фактов, которые уничтожают его «науку». Что ему Гекуба и что он Гекубе? Для его теории необходимо, чтобы заработная плата была «стабильной», «нивелированной», и этого вполне достаточно.

Возможно, что профессор Фалькнер действительно такого высокого мнения о своих в некотором роде «прямых» Парето, перенесенных на почву уровня заработной платы. Возможно, что он действительно считает «стабилизацию» уровня заработной платы и неизменность положения рабочего класса в капиталистическом обществе—значительным и ценным вкладом в «объективную» науку. Возможно. Но на деле—это чистойшей выдумка. Выдумка апологета капитализма, который стремится во что бы то ни стало исказить реальное содержание процессов и прикрасить действительность. При помощи фантастических, ничего общего не имеющих с жизнью «стабилизаций» профессор Фалькнер пытается

²⁰ Проф. Фалькнер, Происхождение железного закона заработной платы, с. 18.

²¹ Там же, с. 19.

²² Там же, с. 316.

²³ Там же, с. 324.

²⁴ Там же, с. 315.

завуалировать процесс ухудшения положения рабочего класса и нарастания классовых противоречий.

В своей последовательной тактике «бесшумного» осуществления «великих предприятий» историк «железного закона» не прочь иногда набросить и «тень на плетень». Если не удастся опровергнуть теории обнищания Маркса и Энгельса помощью теоретических выкладок, если не удастся опрокинуть ее фактами, то почему, на крайний случай, не попробовать еще отнести эту теорию на счет «незрелости» и «молодости» ее авторов. Профессор Фалькнер, ученый историк, автор «довольно многочисленных работ»²⁵, не отказывается от этого способа «научного доказательства». Правда, он делает это, по тюркской поговорке, «так мягко, как будто волосы вытягивает из масла».

„Исходная задача социалистической пропаганды,—читаем мы у профессора Фалькнера, заключалась в критике существующей хозяйственной системы—в возможно более рельефном выявлении всех вызываемых ею социальных бедствий и пороков“²⁶.

А посему:

„Фр. Энгельс, который отчетливо сознавал социальное задание своих работ, в блестяще написанном—как для своего возраста (23 г.), так и для всей эпохи—труде „Положение рабочего класса в Англии“, стремился прежде всего к выразительности и убедительности всей своей концепции в целом“²⁷.

Одним словом, отдав должное «блестящим способностям» молодого Фридриха Энгельса, историк и адвокат капитализма пытается отнести одну из важнейших научных работ Энгельса на счет не более, не менее как «выполнения определенного «социального задания». Старо все это, уважаемый профессор. Чрезвычайно старо. И к тому же определенно перенято по меньшей мере у Петра Струве.

„Психологическая необходимость—показать историческую неизбежность коллективистического, экономического порядка,—писал Струве,—принуждала социалиста Маркса в сороковых годах дедуцировать социализм из более, чем недостаточных предпосылок“²⁸.

И еще:

„то обстоятельство, что Маркс был сам социалистом, до чрезвычайности обострило его склонность к исторической относительности капиталистического экономического порядка и, следовательно, было не слишком полезно его теоретической работе“²⁹.

Петр Струве с с-ми решительно убеждены в том, что социалистические убеждения «психологически» вредят теоретическому обоснованию социализма и что поэтому это теоретическое обоснование должно по праву принадлежать только «объективным» апологетам капитализма. Они считают, что созданная Марксом и Энгельсом теория обнищания исключительно «социальному заданию» и «исходной задаче социалистической про-

²⁵ Автором „довольно многочисленных работ“ величает себя сам профессор. См. „Плановое хозяйство“ № 1, 1926, с. 241.

²⁶ Проф. Фалькнер, Происхождение железного закона заработной платы, с. 268

²⁷ Там же, с. 254—255 (разрядка наша).

²⁸ „Марксовская теория социального развития. Критическое исследование Петра Струве“, с. 8.

²⁹ Там же, с. 43.

паганды». Они считают, таким образом, что вся эта теория имела для Маркса и Энгельса чисто агитационное значение.

У проф. Фалькнера вообще довольно своеобразное понимание отношения между Марксом-теоретиком и Марксом-пропагандистом. Он держится того мнения, что Маркс-теоретик целиком находился в подчинении у Маркса-агитатора. Согласно собранным профессором Фалькнером «ценным материалам» и «углубленному их анализу»³⁰ Маркс-теоретик начинал говорить только тогда, когда это соответствовало «социальному заданию» агитации, и напротив, Маркс-теоретик накладывал на свои уста печать молчания во всех тех случаях, когда его теоретические воззрения не соответствовали выгодам агитации. Историк «железного закона» иллюстрирует это на примере отношения Маркса к «железному закону» Лассаля.

Несмотря на явно отрицательное отношение,—пишет историк,—подавляющего большинства социалистов к железному закону заработной платы в его популяционистском содержании, это отрицание почти никем и нигде открыто не выявляется... Такое „молчаливое отрицание“ или „загушеванное молчание“ характерно при этом не только для социалистов первой половины XIX века, но и для основоположных трудов научного социализма второй половины столетия, построивших теоретическую базу всего современного социалистического движения“³¹.

И еще раз:

Парадоксальным поэтому является тот факт, что это отрицательное отношение почти нигде и никем открыто не выявляется“³².

По методу профессора Фалькнера это называется «углубленным анализом». С его точки зрения превосходство научной системы утверждается тем, что ее автор должен публично выступить против всех существующих или когда-либо существовавших теорий, измышлений и легенд. Если рассуждать по Фалькнеру, то теорию Дарвина надо поставить под самое «глубокое» сомнение уже по одному тому, что сам Дарвин («парадоксально!») нигде публично не выступал против мифа о божественном зачатии, сотворении Адама и т. д. Публично же выступление судебных властей штата Тенесси с обезьяньим процессом должно было бы уничтожить систему Дарвина без остатка. Нечего сказать, «глубокий анализ!» Что до нас, то мы держимся такого взгляда, что если бы даже Маркс нигде и ни единым словом, ни публично, ни частным образом, не обмолвился о «законе» Лассаля, это нисколько не могло бы поколебать того бесспорного факта, что марксовы законы накопления капитала не примимы ни с какими «железными законами», что эти последние были Марксом опровергнуты, опровергнуты наперед. И так же, как публичный обезьяний процесс не поколебал теории происхождения видов, так и публичные «намеки» профессора Фалькнера не способны ни на одну иоту поколебать систему Маркса.

Наш ученый однако не ограничивается «констатированием» факта «молчаливого отрицания» или «загушеванного молчания». Его анализ не был бы «глубоким анализом», если бы он не

³⁰ Редколлегия издательства „Вопросы труда“ предпослала фалькнеровскому „Происхождению железного закона“ предисловие, в котором заявляет что названная работа представляет „значительный интерес как по ценности собранных автором материалов, так и по углубленному их анализу“.

³¹ Проф. Ф а л ь к н е р, Происхождение железного закона, с. 263 .

³² Там же, с. 324.

углубился до выяснения причин, которые «заставляли» Маркса и Энгельса «молчать». Высокая эрудиция и обладание определенным углом зрения помогли профессору Фалькнеру разрешить и эту проблему.

Основная причина заключалась, по словам Фалькнера, в том, что формулировка железного закона имела совершенно исключительное значение для пропаганды социалистических идей и оказала ни с чем не сравнимое влияние на общественное сознание масс³³.

Оказывается, таким образом, что свою научную теорию, как и научную критику, Маркс и Энгельс подчиняли целям агитации, основанным на чуждых и враждебных рабочему классу идеях. Оказывается, что не пропагандистская работа Маркса и Энгельса опиралась на научную марксистскую теорию, но что, напротив, теоретические выкладки были лишь служанками агитационной работы. Оказывается, что даже тогда, когда Маркс в своей работе сталкивался с глубоко ошибочными, а следовательно, вредными и опасными для рабочего движения теориями и теориями, он не выступал против них с научной критикой только потому, что они стали достоянием масс, оказали какое-то «ни с чем не сравнимое влияние» и т. д. Иначе, как оскорбительной клеветой на Маркса, такое «научное открытие» именовать нельзя.

Мы допустили бы однако большую ошибку, если бы поверили, хотя бы и «открыто» высказанному «открытию» профессора Фалькнера, что лассалевский «железный закон» владел массами и что ни Маркс, ни Энгельс, ни вообще марксисты никогда поэтому, активно не выступали против названного «закона». Выражаясь корректно, мы имеем здесь дело с очередным проявлением у нашего профессора болезни Фроуда³⁴.

Чтобы нас не упрекнули в неправильно поставленном диагнозе, мы произведем сверку показаний историка «железного закона» с достаточно проверенными документами. Итак, профессор Фалькнер утверждает:

1) что для Маркса и Энгельса по отношению к «железному закону» «характерно» «молчаливое отрицание» или «затушеванное молчание»;

2) что «парадоксальным» является факт, что отрицательное отношение почти нигде и никем открыто не выявляется;

³³ Проф. Ф а л ь к н е р, Происхождение железного закона, с. 268.

³⁴ По словам Ланглюа и Сеньобоса—английский историк Фроуд был хорошо одаренным историком, но страдал слабостью никогда не писать правды... Например, он посетил город Аделаиду в Австралии. «Я видел, говорит он по этому поводу,— у наших ног, в долине, перерезанной рекою, город со 150 тыс. жителей, из которых ни один никогда не испытывает ни малейшего сомнения в том, что он будет питаться регулярно три раза в день»; между тем Аделаида построена на возвышенности; по ней не протекает никакой реки; ее население не превышало 75 тыс. душ, и она страдала от голода в тот момент, когда ее посетил Фроуд, и т. д. Фроуд признавал вполне полезность критики и даже один из первых ввел в Англии изучение истории на основании изданных и неизданных оригинальных документов; но по складу своего ума он был вполне неспособен к исправлению текстов, напротив, он портил их невольно одним своим прикосновением. Подобно тому, заключают Ланглюа и Сеньобос, как дальтонизм — порок органов зрения, мешающий различать красные диски от зеленых, лишает возможности служить на железной дороге, так и болезнь «неточности», или болезнь Фроуда, диагноз которой очень нетрудно произвести, должна считаться несовместимой с профессией ученого (Л а н г л у а и С е н ь о б о с, Введение в изучение истории, 1899, с. 39—100).

3) что «основная причина» заключалась в «исключительном значении» «железного закона» для пропаганды социалистических идей.

Берем факты. Приведем, прежде всего, формулировку «железного закона», которая дана самим Лассалем. Вот она: «...рабочую плату определяет следующий железный закон: средний размер рабочей платы всегда сводится на безусловно необходимое содержание, требуемое привычками народа для поддержания жизни и для размножения. Вот точка, вокруг которой вращается действительная поденная плата, как маятник, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда не опускаясь надолго ниже. Она не может надолго подняться выше этого среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размножение, рабочее население умножилось и таким образом увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру или ниже. Но рабочая плата не может долго продержаться и ниже размера, безусловно необходимого для существования, потому что тогда наступают выселения, безбрачие, воздержание от деторождения и наконец уменьшение числа рабочих посредством нищеты, что ослабляет предложение рабочих рук и потому вводит рабочую плату до прежнего размера. Следовательно, действительный средний размер рабочей платы состоит в беспрестанном колебании вокруг этого центра тяжести ее, причем она то возвышается (период благоденствия во всех или некоторых отраслях труда), то падает (период более или менее общей нужды и кризисов) ³⁵.

Как известно, в 1875 г. перед Готским объединительным съездом (лассальянцев и эйзенаховцев) был разработан проект программы новой «социалистической рабочей партии Германии». В эту программу под давлением лассальянцев был включен, между прочим, и пункт, требовавший уничтожения «железного закона». Против этого проекта Маркс и Энгельс выступили самым решительным образом. В том же 1875 г., еще перед съездом, Маркс отправил Браке свою «Критику Готской программы» для сообщения ее Гейбу, Ауэру, Бебелю и Либкнехту, с тем, как сообщает Энгельс, чтобы она по прочтении была возвращена Марксу. В этой критике Маркс отзывается о программе, как о «крайне уродливой и деморализующей партии», считает, что «программа вообще никуда не годится», что она «освящает лассалевский символ веры» и т. д.

Переходя к интересующему нас вопросу, о «железном законе» Лассалья, Маркс говорит в своей «Критике» следующее: «Как известно, в «железном законе заработной платы» Лассалю не принадлежит ничего кроме слова «железный», заимствованного у Гете («вечные, железные, великие законы»). Слово «железный» есть знак, по которому узнают друг друга правоверные. Но если я принимаю закон с лассалевским клеймом и, значит, в его смысле, то я должен принять и лассалевское обоснование его. А каково оно? Как показал Ланге ³⁶—вскоре после смерти Лассалья—мальтусова теория населения (проповедуемая самим

³⁵ Ф. Лассаль, Гласный ответ.

³⁶ См. Ланге.

Ланге). Но если последняя верна, то я не могу уничтожить закона, хотя бы сто раз уничтожил наемный труд, потому что тогда закон господствует не только при системе наемного труда, но при всякой общественной системе. Опираясь как раз на это, экономисты вот уже больше пятидесяти лет доказывают, что социализм не может уничтожить бедности, которая обусловлена-де законами природы, а может только сделать бедность общей, разлить ее равномерно по всей поверхности общества. Но не в этом вся суть. Совершенно помимо ложного лассалевского понимания закона поистине возмутительный шаг назад состоит в следующем: со времени смерти Лассалья в нашей партии проложил себе путь научный взгляд, что заработная плата есть не то, чем она с виду кажется, не ценность, или, иначе говоря, цена труда, а только замаскированная форма ценности (цены) рабочей силы. ...И вот, в то время как этот взгляд все больше и больше прививается в нашей партии, возвращаются вспять к догме Лассалья, хотя должны же теперь знать, что Лассаль не знал, что такое заработная плата³⁷, но вслед за буржуазными экономистами принимал видимость за сущность дела. Похоже на то, как если бы среди рабов, которые постигли, наконец, тайну рабства и подняли восстание, пропитанный устаревшими представлениями раб написал на программе восстания: «Рабство должно быть отменено, потому что содержание раба при системе рабства не может превысить известного низкого максимума!» Один факт, что представители нашей партии были способны учинить такое чудовищное покушение на распространенный в массе партии взгляд,—не доказывает ли один этот факт, с каким... легкомыслием они приступили к делу составления компромиссной программы?»³⁸.

В том же 1875 г., Энгельс писал Бебелю: «...наши дали навязать себе лассалевский «железный закон заработной платы», который зиждется на совершенно устаревших экономических взглядах, а именно, что рабочий в среднем получает только минимальную заработную плату, и притом в силу того, что по Мальтусовской теории народонаселения рабочих всегда чересчур много (такова была аргументация Лассалья). А ведь Маркс подробно показал в «Капитале», что законы, управляющие заработной платой, весьма сложны, что в зависимости от обстоятельств перевешивает то один, то другой, что они, значит, вовсе не железные, а, напротив, весьма эластичны и что вопрос не решается парой слов, как воображал себе Лассаль. Мальтусовское обоснование закона (списанное Лассалем у него и Рикардо, с искажением последнего), как оно например цитируется в «Книге для чтения рабочих» из другой брошюры Лассалья, подробно опровергнуто Марксом в отделе «О процессе накопления капитала». Таким образом, приняв лассалевский «железный закон», приняли ложное положение и ложное обоснование его»³⁹.

Чтобы покончить с документами, прибавим еще, что в 1894 г. марксова «Критика Готской программы»

³⁷ Аллаверды — к вам, профессор Фалькнер!

³⁸ К. Маркс, Критика Готской программы (разрядка наша).

³⁹ Письмо Энгельса к Бебелю от 28 марта 1875 г. (разрядка наша).

была опубликована (конечно, «открыто», а не закрыто), снабженная предисловием Энгельса. «Здесь впервые, — писал Энгельс, — ясно и твердо представлено отношение Маркса к Лассалю со времени агитации последнего в известном направлении, притом как к его экономическим принципам, так и к тактике». Далее Энгельс говорит о «беспощадной резкости, с какой здесь рассекается проект программы» и «неумолимости, с какой выражены добытые результаты»⁴⁰.

Мы видим, таким образом, что наш диагноз отнюдь не оказался ошибочным. Наш «ученый» не на шутку болен, и болен именно болезнью Фроуда. В самом деле:

Профессор Фалькнер, как ученый историк, свидетельствует, что Маркс и Энгельс «молчаливо отрицали» или «затушеванно молчали». А на поверку мы обнаруживаем, что они не молчали, а выступали с «беспощадной резкостью» и «неумолимостью», что они «ясно и твердо» выразили свое отношение к лассалевскому закону.

Профессор Фалькнер, как ученый историк, свидетельствует, как о «факте», что отрицательное отношение к «железному закону» «почти нигде и никем открыто не выявляется». А на поверку мы обнаруживаем, что в 1891 г. были опубликованы и «Критика Готской программы» Маркса и предисловие к нему Энгельса.

Профессор Фалькнер, как ученый историк, свидетельствует, что Маркса заставляло «затушеванно молчать» понимание исключительного значения «железного закона» для пропаганды социалистических идей. А на поверку оказывается, что Маркс, во-первых, не молчал, а во-вторых, понимал совсем не то, что «понимает» (вернее — фантазирует) ученый историк. Маркс считал, что в массах «проложил себе путь научный взгляд», что «этот взгляд все больше и больше прививается в партии», и расценивал самый факт упоминания «железного закона» в проекте Готской программы, как «возмутительный шаг назад», как «чудовищное покушение на распространенный в массе партии взгляд», называл это «легкомыслием», «компромиссом» и т. д.

Историки говорят, что «болезнь» неточности или болезнь Фроуда ...«должна считаться несовместимой с профессией ученого».

Что касается самого больного, то он, повидимому, с этим не согласен.

Как сообщает страдающий болезнью «неточности» апологет капитализма, на очереди у нас вторая часть его работы, которая будет содержать уже «точный анализ марксовой теории заработной платы».

Что ж, поживем — увидим. Qui vivera — verga.

⁴⁰ Предисловие Ф. Энгельса к „Критике Готской программы“ Карла Маркса.

И. ДОЛЬНИКОВ и А. КОЛДОБСКИИ

ПРОБЛЕМЫ ПЛАНА НА НОВОМ ЭТАПЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ ВСТРЕЧНОГО ПРОМФИНПЛАНА

В борьбе за большевистские темпы социалистического строительства, за скорейшую индустриализацию страны рабочими массами ряда передовых предприятий СССР (завод им. Карла Маркса, завод им. Сталина, Электросталь, завод им. Дзержинского и т. д.) выдвинут лозунг встречного промфинплана. Это движение за встречный промфинплан, являясь частью развернутого социалистического наступления, начинает охватывать все более широкие массы и становится важнейшим орудием мобилизации рабочих масс за ускорение темпов социалистической реконструкции, за выполнение пятилетки в четыре года.

Движение за встречный промфинплан, являясь на данной стадии высшей формой соцсоревнования и ударничества, означает вместе с тем переход их на новую, более высокую ступень. Огромное историческое значение этого движения состоит в том, что от борьбы за отдельные задания, за выполнение и перевыполнение плана — ударники и передовики рабочие, через систему производственных совещаний, ставших подлинно оперативно-плановыми органами, переходят к борьбе за самый план — как важнейшее орудие социалистического строительства. Тем самым рабочие массы подходят к освоению и созданию народнохозяйственного плана в целом.

Не случайно то обстоятельство, что борьба за социалистический план становится сейчас основой работы партии, профсоюзов, а участие рабочих в непосредственном составлении плана — важнейшей формой участия масс в управлении государством и важнейшим свидетельством огромного политического и культурного роста рабочего класса.

В условиях напряженных темпов, которыми мы идем в деле реконструкции всего нашего хозяйства, коренному пересмотру подлежит в первую очередь практика нашего планирования.

План должен стать и становится делом масс. Это очередная командная высота, к овладению которой приступают миллионные массы.

Совершенно не случайно и то, что мощное движение масс за план совпало по времени с арестом и разгромом давно обанкротившейся контрреволюционной группы старых «жрецов» плановой «науки», буржуазных реставраторов типа Кондратьева, Громана, Базарова.

Конечно эти два «события» не идут ни в какое сопоставление. Это вещи несоизмеримые. Пигмеи по сравнению с движением классовых массивов—они могли разыгрывать роль официальных жрецов плановой мысли только в обстановке отсутствия тесной органической связи плановых аппаратов с рабоче-крестьянскими и в первую очередь с партийными массами. На это не приходится закрывать глаза.

Основное, что объединяло и хлипких агентов Второго Интернационала: Сухановых Громанов и матерых кондратьевцев, и откровенных вредителей из «промпартии»—это совершенное неверие в плановую систему, полное отрицание социалистической плановой системы народного хозяйства и слепая вера в свободный товарооборот, во всеспасительность регулирующих законов рынка. В первую очередь это относилось, разумеется, к сельскому хозяйству.

«Здесь,—(т. е. в области сельского хозяйства—авторы) поучал нас ученый Громан,—мы должны считаться с объективными тенденциями, с условиями развития мелкого крестьянского хозяйства... должны продумать перспективы стихийно складывающегося хозяйства»¹.

Отсюда разработка планов, ориентированных на капиталистическое развитие сельского хозяйства («объективные тенденции»), ставка на «крепкое», «стихийно складывающееся» индивидуальное хозяйство, попытки ослабить государственное регулирование рынка, усилить роль нэпа, понимаемого буржуазно-реставраторски, попытки развязать производительные силы капиталистического хозяйства и ослабить темпы социалистического строительства.

Это было вредительство в наиболее тонкой и наиболее уязвимой сфере. Не грубая работа ломом, поджогом, а «чистая» работа в наиболее абстрактной сфере плановой науки. Тем не менее по своим последствиям для всего народного хозяйства эта работа намеренного искривления линии нашего развития была в десятки раз опасней, вреднее, чем «примитивный» поджог наемных громил. Не дегенераты и рецидивисты, не наемные громилы, а ученые и просвещенные профессора служили здесь орудием капиталистических диверсионных актов.

«Смотрите на факты, а не сочиняйте среду, в которой вы живете»—ехидничал Громан. «Не сочиняйте среду, а изучайте среду»².

Полной мерой должно быть отпущено тем переродившимся оппортунистическим клеткам нашей партии и звеньям советского, хозяйственного и кооперативного аппарата, которые не только не проявили классового чутья и непримиримости к высококвалифицированному вредительству, но и оказывались зачастую в полном идейном плену у лидеров неприкрытой кулацкой реакции. Партия и рабочий класс снова оценят по заслугам те правооппортунистические теории бухаринской школы, которые непосредственно примыкали к идейному багажу Громана, Базарова, Чайнова, Кондратьева, Литошенко. А к таким правооппортунистическим теориям в первую очередь принадлежит знаменитая теория «равновесия»,

¹ «Плановое хозяйство» № 6, 1928, Дискуссия о генплане.

² Там же.

недооценка планового начала, борьба за расширение нэпа и против регулирования рынка. Борьба за сохранение класса мелких товаропроизводителей и против генеральной линии партии на выкорчевывание корней капитализма в нашей стране.

На решающем этапе борьбы плана и стихии, на пороге решительного социалистического наступления пролетариата и перехода от ограничения кулачества к ликвидации его как класса—правые целиком подпали под влияние лидеров кулацкой реакции и шли в фарватере Громана, Суханова, Кондратьева.

Решительное наступление пролетариата в борьбе за темпы индустриализации и социалистическая перестройка деревни были решающей победой плана над стихией и сподвигли на небывалую высоту роль и значение самого плана.

Лозунг—«пяtilетка в четыре года», выросший на основе соревнования и ударничества, на основе перевыполнения наметок пяtilетнего плана—стал важнейшим лозунгом мобилизации масс.

Дело социалистического планирования будет отныне делом самого рабочего класса. Заюгом этому служит мощное движение масс за встречный промфинплан.

Встречный промфинплан не только лучшая гарантия от вредительства, не только орудие для борьбы с классовым врагом еще отсиживающимся кое-где на высотах планового аппарата, но это лучшее орудие борьбы с той плановой «оторванностью» и разобщенностью (чтобы не употреблять более резких эпитетов), которыми несомненно изрядно заражен наш плановый аппарат³.

Наличие бюрократических извращений в нашем аппарате, а зачастую засоренность его прямыми вредителями давно уже ставят вопрос о более смелом вынесении всех хозяйственных планов на обсуждение масс. Но «массобоязнь» некоторых хозяйственников и недостаточный нажим в этих вопросах со стороны профсоюзов задержали и сорвали работу не на одном заводе.

В ряде случаев мы имели прямые распоряжения хозяйственных органов не доводить план до масс (ВСНХ РСФСР, МСНХ, ряд областных совнархозов и т. д.). Это и есть худший вид бюрократизма, попытка высокой плотиной отгородиться от весеннего половодья бьющей через край рабочей активности. И к числу наиболее отрицательных явлений нашей работы относится неумение возглавить эту активность, попытка удержать ее в узких рамках, боязнь чеховского человечка—«как бы чего ни вышло». В результате:

«Вместо большевистской борьбы с консерватизмом в технико-производственном руководстве предприятиями, вместо революционной бдительности в отношении вредителей и мобилизации активности передовых рабочих для содействия развертыванию работы предприятий нередко хозяйственники плетутся в хвосте косной части специалистов, а иногда прямо вредителей, не оказывают должной поддержки более передовой части инженеров и техников, отрываются от рабочего актива, т. е. на прак-

³ Это относится, разумеется, не только к Госплану, но и к плановой работе всех ведомств и хозяйственных организаций без исключения.

тике ограничиваются бюрократическими методами работы» (из обращения ЦК ВКП(б).

Встречный промфинплан — это орудие и форма классовой борьбы с контрреволюционным вредительством, с буржуазными реставраторами и с бюрократическими извращениями нашего аппарата ⁴.

Встречный промфинплан вместе с тем форма острой политической борьбы против правых оппортунистов, представляющих из себя кулацкую агентуру в партии, это наиболее острый политический ответ на сплетни о «непосильности» взятых партией темпов.

Равным образом это форма борьбы и против право-левацких, фракционных, антипартийных групп и группировочек Сырцова—Люминадзе с их тактикой двурушничества и обмана партии и политикой правых оппортунистов.

Встречный промфинплан, наконец, это решительная борьба преданных элементов рабочего класса с элементами случайными, чужеродными, рваческими, это жестокая травля негодного в собственных рядах пролетариата и борьба передового авангарда ударников с отсталыми настроениями отдельных слоев рабочего класса.

ЗАДАЧИ ТРЕТЬЕГО ГОДА ПЯТИЛЕТКИ И БОРЬБА ЗА ПЛАП

Мы вступаем в третий год пятилетки, несущий новое невиданное ускорение темпов социалистического строительства, новые реконструктивные сдвиги во всей нашей экономике.

В 1931 г. намечается огромный — около 40% от существующего основного капитала промышленности — ввод в эксплуатацию новых фабрик и заводов; ответственнейшая строительная программа порядка 5—5,5 миллиардов рублей; прирост продукции промышленности на 40—45% по отношению к прошлому году. Несомненно, мы вступили в полосу ускоренного социалистического строительства, о котором в свое время говорил Ленин. Мы вступили в период социализма (Сталин).

Чем обусловлено это гигантское ускорение темпов нашего строительства? В первую очередь огромными преимуществами социалистического производства, которые с особой силой развертываются именно теперь на новом этапе реконструктивного периода.

Правильная политика партии в отношении крестьянства, успехи в области укрепления социалистической промышленности и в первую очередь тяжелой индустрии, неуклонно проводимая партией политика вытеснения капиталистических элементов создали все предпосылки для этого ускоренного продвижения вперед.

⁴ Крайне характерно в этом отношении показание Рамзина, данное им на суде „последнее дополнение, которое я хотел сделать, сводится к тому, что причиной краха планового вредительства „промпартии“, который обнаружился к концу 1929 г. и к началу 1930 г., было создание встречных промфинпланов, которые в конце концов и сорвали плановую вредительскую работу. Встречные промфинпланы нанесли коренной удар по плановой вредительской работе. Это заставило отказаться от метода минималистских планов, ибо встречные промфинпланы сразу же дали совершенно другие цифры, дали резкий сдвиг в этом деле и положили, собственно говоря, конец плановому вредительству „Промпартии“.

Создавая свою промышленность, по-своему организуя труд и по-своему внедряя новую технику, рабочий класс показывает всему миру образцы подлинно социалистической работы, подает, чего может добиться человечество, устранив изжившую себя форму капиталистического производства.

И главный источник дальнейшего ускорения темпов нашего роста сейчас именно в дальнейшем развитии социалистических методов работы, в распространении их на все участки народного хозяйства, в социалистической переделке всей страны—промышленности и сельского хозяйства. Именно в преимуществах социалистической организации производства источник ускорения темпов. И глубоко реакционным, игнорирующим социальные черты нашего строя является утверждение Базарова, что «точно обосновать возможные темпы развития... можно... только путем вскрытия натурального материального процесса производства»⁵.

Между тем именно в развитии социалистических форм организации труда мы имеем залог дальнейшего ускорения темпов развития промышленности, рациональной и скорейшей перестройки ее технической базы. Именно ударничество и социалистическое соревнование обеспечивают выполнение и перевыполнение заданий и рост производительности труда. Именно в встречном промфинплане, в создании плана самими рабочими—гарантия классово-чистой наших планов и преодоления вредительства. Только социалистический план, преодолевающий всякий узкий, деляческий подход «своей колокольни», позволяет коренным образом перестраивать весь технический базис промышленности, всю ее организационно-техническую структуру (широкая специализация, кооперирование, лучшее использование оборудования).

Широко развернувшаяся активность рабочих, подошедших к разгару соревнования, встречный промфинплан, сквозные бригады, временные контрольные комиссии, производственные совещания и т. д. вплотную к овладению планом развития всего народного хозяйства, напряжение всех усилий рабочего класса для максимальной экономии в достижении тех или иных заданий,— все это не что иное как результат социалистических форм организации труда, самые эти формы.

Чудес, вообще говоря, не бывает. Если в течение 1931 года мы хотим в промышленности получить дополнительный прирост продукции, равный половине производства 1930 г., то на другую чашку весов мы должны положить нечто такое, что имело бы соответствующий поставленным задачам удельный вес. Это «нечто»—мощная активность рабочих масс.

Эта активность—важнейшее условие выполнения намеченных темпов, которые без соцсоревнования и ударничества были бы немислимы. Эта активность рабочих масс включена во все цифры будущего года.

Социализм решительно побеждает. Новые общественные формы завоевывают решающее положение на всех участках хозяй-

⁵ Базаров, „Плановое хозяйство“ № 6, 1928, с. 150.

ственной жизни и в этом суть развернутого социалистического наступления пролетариата по всему фронту.

Было бы однако чистейшим оппортунизмом полагать, что это поступательное развитие может идти самоотеком. Развернутое наступление социализма по всему фронту связано с напряженнейшей классовой борьбой в самых ее различных и порой даже неожиданных формах.

Поэтому прежде всего развернутое социалистическое наступление связано с решительной перестройкой наших рядов, с решительной перестройкой «работы всех органов пролетарской диктатуры, партийных, профсоюзных, советских и кооперативных организаций под лозунгом мобилизации масс за большевистские темпы социалистической реконструкции страны». (Из резолюции XVI съезда партии).

Новые задачи, новые условия, новая обстановка требуют от нас иных темпов и иного качества работы.

А качество нашей работы далеко не всегда бывает на высоте. В 1930 г., несмотря на огромное наше продвижение вперед, мы имели ряд серьезных прорывов, которые привели к невыполнению годового плана промышленности. Значительные прорывы, отнюдь не связанные с какими-либо непреодолимыми объективными причинами, мы имеем в таких ведущих отраслях промышленности, как каменноугольная промышленность, металлургия, тракторостроение.

Значительные прорывы имеются в программе капитального строительства и в области выполнения качественных показателей.

Прорывы с поразительной ясностью обнажили все наши недостатки, недостаточную нашу гибкость и неумение быстро перестраивать ряды по всем звеньям для решения новых вставших перед нами задач социалистической стройки и прежде всего недостатки нашего планирования, по всем его звеньям от цеха до Госплана и ВСНХ. И именно на опыте борьбы с прорывами мы видим, что как раз в тех случаях, когда хозяйственному, партийному и профессиональному аппарату удается мобилизовать и использовать активность рабочего класса, удается перестроить свою работу, план оказывается не только реально выполнимым, но и перевыполнимым.

В чем причины тех прорывов, которые мы имели? Являются ли они следствием каких-либо «объективных» причин, не зависящих от нашей воли и обстоятельств. Центральный Комитет партии категорически отрицает ссылку на объективные причины, призванные оправдать позорное снижение темпов, прикрыть оппортунистическую ставку на самотек.

«Важнейшей причиной невыполнения производственных заданий промышленности и особенно в основных ее отраслях,—говорится в обращении ЦК,—является отсутствие должной энергии и инициативы в деле мобилизации внутренних ресурсов: недостаточное использование наличного оборудования, низкий коэффициент сменности, отсутствие энергии в преодолении «узких мест» предприятия, частые простои оборудования из-за неналадженности и неорганизованности материально-технического снабжения, многочисленные аварии из-за преступной небрежности и плохого технического контроля, отсутствие систематической ра-

ционализаторской работы и крайняя неудовлетворительность внутривзаводского планирования».

Ни текучесть рабочей силы, на которую так любят ссылаться наши хозяйственники как на важнейшую причину прорывов в ряде отраслей и строительстве, ни вопросы продовольственного снабжения не могут рассматриваться как нечто такое, что не зависит от нашей воли и от нашего умения работать. Обращение ЦК отмечает совершенно недопустимую пассивность хозяйственных и кооперативных органов в деле борьбы с текучестью и в деле решительного улучшения снабжения рабочих.

Прорывы текущего года создают ряд дополнительных трудностей к тем трудностям, которые мы переживаем в обстановке обостренной классово-борьбы в стране, в обстановке продолжающейся финансовой, а отчасти экономической блокады (борьба с советским «демпингом», введение запретительных пошлин и т. д.) со стороны капиталистического мира и в обстановке крутого подъема нашей индустриализирующейся страны.

Но эти прорывы ни в какой мере не свидетельствуют о «нереальности» плана.

И, конечно, не в снижении темпов лежит путь смягчения диспропорций и трудностей роста. Наоборот, выход мыслим только на путях развернутого по всем линиям социалистического наступления. Только враги социализма могут сейчас предлагать идти на снижение темпов.

Постараемся подвести самые основные итоги, которые вытекают из практики нынешнего хозяйственного года. Уроки нынешнего года имеют самое большое значение для успешного осуществления программы, намеченной для будущего хозяйственного года, в который мы сейчас вступаем.

Основные причины прорывов нынешнего года лежат:

1. В неумении хозяйственников возглавить и направить активность рабочих масс. В непонимании того, что: «преодоление стоящих перед нами трудностей,—как подчеркивает обращение ЦК,—прежде всего зависит... от нашей способности мобилизовать рабочий класс, являющийся источником быстро растущей, прямо неисчерпываемой революционной энергии для дела борьбы за коммунизм».

2. В неумении перестроить в соответствии с новыми гигантскими задачами нашей промышленности и новыми формами активности рабочего класса работу партийных, профессиональных и советских организаций.

3. В неумении полностью использовать внутренние ресурсы промышленности и наличное оборудование за счет увеличения сменности, улучшения технических коэффициентов, решительной ликвидации «узких мест»; крайняя медлительность в деле перестройки технической базы промышленности и ее организационно-технической структуры.

4. В неумении вовремя перестроить нашу плановую систему за счет решительного повышения роли заводского и цехового планирования, за счет включения, как звеньев плановой системы, тех подлинно плановых и оперативных органов, которые созданы самой рабочей массой в лице производственных совещаний, временных контрольных комиссий, сквозных бригад.

В ненадежности цехового и заводского планирования основная причина прорывов на большинстве предприятий.

Отсутствие плановой увязки кооперированных, взаимно связанных цехов и целых заводов наиболее больно било нас на таком участке работы, как тракторостроение (прорыв на «Красном путиловце», заминка с пуском Сталинградского завода) и т. д.

Чем сложнее заводской организм, чем совершеннее производство, тем большие требования плановости, рассчитанной по часам и минутам, предъявляет он к заводам, поставщикам сырья, полуфабриката, деталей, инструмента.

Наконец, мы убедились на практике текущего года, что не абсолютное отсутствие строительных материалов—основная причина тех срывов, которые мы имели в строительстве, а недостаток плановости в распределении материалов, отсутствие календарных программ поступления стройматериалов и оборудования, что создавало острый дефицит материалов у одних строителей при избытке их у соседних. Некомплектность—лучший показатель дефектов по линии плана.

Итак—самый основной решающий факт сегодняшнего дня то, что сами рабочие массы, поняв важнейшее значение оперативного плана подходят к его освоению, к его созданию. В этом залог наших успехов. План становится делом миллионов масс.

Однако, надо сказать со всей решительностью, что наше планирование еще не приспособилось к новым задачам, к новой обстановке работы в условиях колоссально возросшей активности масс и их культурно-политического роста. Нами еще не усвоено в достаточной степени, что планировать сейчас без масс—это значит вообще не планировать.

В современных условиях ни один план не будет и не может быть выполнен, если он не осознан и не освоен массами, больше того, если он не создан самими массами. Опора на массы—главнейший фактор ускорения темпов нашего развития. Составить социалистический план, это значит составить план вместе с массами.

ЧТО НОВОГО ВНОСИТ ВСТРЕЧНЫЙ ПРОМФИНПЛАН В ДЕЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Соцсоревнование и ударничество—новая форма активности рабочих масс. Но это движение пролетариата в борьбе за темпы индустриализации, за ускорение социалистического наступления расплылось бы на тщетную борьбу с мелкими «неполадками», нераспорядительностью администрации, бюрократизмом, несовершенством нашего планирования, в частности, заводского и цехового, если бы рабочая масса от борьбы за выполнение и перевыполнение количественных заданий плана не переходила к борьбе за самый план, как важнейшее орудие социалистического строительства.

Встречный промфинплан означает переделку, исправление на ходу тех организационных форм нашей промышленности, нашего планирования, которые на новом этапе грозили стать оковами дальнейшему развитию соцсоревнования и ударничества. То, что

это совершенно новая невиданная форма активности рабочих масс, — мы уже более или менее знаем, но мало кто продумал до конца, что это такая форма активности, которая ребром ставит вопросы о коренном изменении всех методов нашего планирования.

Величайшим достижением плановых органов является несомненно то, что они к третьему году пятилетки смогли довести план до цеха (с изрядками, разумеется, дефектами). Но стоило, опираясь на хозрасчет в цеху, довести план до цеха, а оттуда соответственно до агрегата и станка, как стальной спиралью рабочих предложений весь этот механизм планирования закружился вокруг цифр встречного промфинплана, плановый аппарат, который бумажными океанами и статистическими хребтами был отделен от производства, оказался вдруг включенным в работу станка. В этом историческое значение встречного промфинплана.

Довести план до станка — вот первая важнейшая проблема, которую ставит перед нами движение встречного промфинплана. Но что значит довести план до станка? Это значит сделать кристально ясным план предприятия, взаимную увязку цехов и место в совокупном производственном процессе каждого станка и агрегата. Это значит довести до станка четкое задание, а вместе с заданием план цеха, завода, отрасли.

«Ученые» мужи из Громано-Кондратьевской плеяды плановиков были бы немало шокированы таким разрешением проблемы народнохозяйственного планирования. Но нет никакого сомнения в том, что доведением плана до станка решается не только проблема плана в данном цехе и на данном заводе. Ниточки от станка в условиях кристально ясного плана протягиваются в трест — объединение — Госплан. Мы были свидетелями того, как крупнейшая народнохозяйственная проблема (связанная кстати с проблемой электрификации страны) — проблема турбостроения получила кардинально иное и всестороннее разрешение благодаря тому, что план, прощупанный до станка, вернулся оттуда до ВСНХ и Госплана.

«Планового», вернее циферного, фетишизма у нас хоть отбавляй. Он состоит в том, что за цифровыми выкладками не прощупываются реальные технико-экономические процессы.

Казалось бы, что с освобождением от стоимостного фетишизма, происшедшим в результате устранения капиталистического способа производства, весь процесс производства должен стать кристально ясным. Однако бюрократизм аппарата и организационно-техническая отсталость наших предприятий (и в первую очередь их неспециализированность) препятствуют полной дефетишизации народнохозяйственного потока, который представляет собой процесс производства нашей социалистической промышленности, взятый в целом.

Дефетишизация плана происходит сейчас несомненно огромная, и тем, кому выгодно было кутаться в тогу жрецов планового Олимпа и окутывать дымкой таинственности свое незавидное ремесло, придется решительно потесниться. На данном этапе социалистического развития план должен и может быть доведен до цеха, агрегата, станка и от станка до Госплана.

Тем самым не только в максимально возможной степени прощупываются все реальные связи народного хозяйства, не только

достигается выявление действительных возможностей работы оборудования, но что самое важное—через свой станок рабочий включается непосредственно в систему социалистического хозяйства.

Иностранные источники утверждают, что в результате длительной борьбы между бухгалтерами и инженерами-производственниками, в которой победили последние, установлена на ряде крупнейших американских предприятий такая система учета, которая дает возможность систематически учитывать работу каждого станка, за каждым станком вести систематическое наблюдение. На Западе это результат высокой организации производства (капиталистической, разумеется, организации и рационализации, преследующей задачи максимального выжимания дрибачного труда)—у нас эти формы учета и наблюдения развиваются и вырастают как естественный результат социалистических форм развития труда. Это еще раз говорит о том, каким неисчерпаемым резервом революционной энергии пролетариата располагаем мы в деле социалистической стройки.

Это подтверждает лишний раз тот факт, что пролетариат является у нас носителем наиболее передовых научно-технических идей, в частности, идей технической реконструкции. Тем самым обеспечивается смычка пролетариата с наиболее передовыми молодыми, прогрессивными, революционными, захваченными темпами социалистического строительства лучшими слоями нашей инженерно-технической мысли.

Перенимая развитую технику передовых капиталистических стран, мы имеем возможность сочетать ее с изумительными формами социалистически организуемого труда.

Надо однако твердо усвоить, что доведение плана до станка—это не только общественно-обусловленная форма социалистического плана. Это в то же время сам социалистический план в действии.

Для новой формы рабочей активности, для новых форм социалистической организации труда необходимы известные материально-технические предпосылки, которые должны быть созданы.

Поэтому социалистический план в наших условиях должен быть планом широкой и всесторонней реконструкции промышленности и больших организационных сдвигов ее, которые под социалистическую форму планирования, под новую общественную форму подвели соответствующий технический базис, которые привели бы в соответствие новые формы рабочей активности с производственно-техническими предпосылками.

Конкретно эта необходимость выражается, например, в следующем: без специализации станка невозможно действительное доведение до станка плана. Если станок специализирован, нет ничего легче выявить его максимальную производственную мощность и те условия, при которых он в состоянии достичь этой производительности. Это элементарно. Но то же относится и к цеху и к заводу в целом. Отсутствие строгой специализации заводов и связанного с ними кооперирования—само по себе—важнейшее препятствие для построения народнохозяйственного плана (что, кстати сказать, прекрасно понимали вредители). Тут явное противоречие между

социалистической формой и отсталой кустарно-ремесленной организацией производства. Когда это противоречие довести до станка, оно становится важнейшим препятствием социалистическому плану снизу от рабочего места.

То, к чему мы присмотрелись, привыкли, как привыкают к изношенной обуви, тараканам, грязи, становится нетерпимым в условиях движения миллионов за план.

Мы видим, как уже первое требование, выдвинутое массовым движением встречного промфинплана,—план до станка—ставит как важнейшее условие своего осуществления крупнейшую народнохозяйственную проблему—проблему специализации завода, цеха, станка.

Эта задача, правильно намеченная в решениях партии, правильно и последовательно осуществляется в создании специализированных объединений. Но задача создания подлинно народнохозяйственного плана состоит далее в превращении всех специализированных звеньев в единый народнохозяйственный комбинат.

Специализация объединений, концентрирующая все силы, внимание, энергию на производство одного или немногих видов продукции, несомненно дает огромный результат. Но специализация может зачастую заслонить общие народнохозяйственные задачи, создать интересы «колокольни», известную трестовскую ограниченность. Эту опасность мы должны преодолеть, противопоставив такой тенденции единый народнохозяйственный поток.

Текущая хозяйственная обстановка с особой остротой ставит задачу обеспечить непрерывность хода производственного процесса, задачу обеспечить такую связь предприятий и отраслей между собой, как если бы это были звенья одного технологического процесса.

Каждое специализированное предприятие тысячами нитей связывается с другими специализированными предприятиями, и без этой связи немислима их работа.

В условиях советского хозяйства мы вполне в силах создать действительное социалистическое планирование производственного процесса, которое обеспечило бы бесперебойный график движения сырья, полуфабрикатов и т. д. Именно график. Иначе—пробки, аналогичные железнодорожным, нездоровые жировые отложения незаконченного продукта, полуфабрикатов, сырья, строительных материалов.

И новое, что вносит встречный промфинплан в наше планирование—это именно необходимость теснее увязать работу специализированных предприятий, кооперировать их. За качество и своевременный выпуск изделий ответственны не только те предприятия, которые выпускают готовый продукт, но и те, которые снабжают данные предприятия сырьем и полуфабрикатами.

Специализация немислима без кооперации, и эта связь прекрасно понята рабочими.

С изумительной ясностью и конкретностью это выражено например в обращении рабочих завода им. Сталина:

«Сегодня, когда заводы связаны друг с другом системой кооперирования, встречный промфинплан одного завода может быть не выполнен, если на других коопери-

рованных с ним заводах не будут действительно мобилизованы все ресурсы, производственные возможности и активность рабочих.

Наши практические предложения в части размещения заказов на крупное литье сводятся к следующему: расширение чугунолитейной мастерской завода им. Свердлова, быстрое восстановление сталелитейной на заводе «Экономайзер», расширение сталелитейной на заводе им. Ленина, разгрузка литейной металлического завода от мелкого литья за счет загрузки им завода № 4 «Знамя труда» и завода Облжилсоюза, и, наконец, всемерное использование для размещения наших заказов заводов Таганрогского, Мариупольского, «Большевик», Мотовилихинского и завода «Баррикада».

И одной из важнейших проблем, поставленных движением встречного промфинплана, была проблема теснейшей связи кооперированных заводов. Идея сквозных бригад как раз и состоит в создании такой общественной связи, которая шла бы по линии соединения в единую цепочку отдельных звеньев единого технологического процесса.

Если «плану до станка» соответствует народнохозяйственная планово-социалистическая идея специализации, то «сквозной бригаде» соответствует идея кооперирования заводов.

Рабочая масса, стремясь обеспечить все звенья народнохозяйственного производственного процесса от сырья до готового продукта, как звенья одной цепи, показывает нам подлинные образцы оперативно-планового подхода.

Это и есть подлинно-социалистический, преодолевающий всякую трестовскую ограниченность, подлинно плановый подход, в котором рабочий, как хозяин, обзревает весь народнохозяйственный процесс, а не как приказчик—отдельный участок, к которому он приставлен. Посылаются рабочие бригады на Юг для проверки качества чугуна, на колхозные поля для выяснения условий работы трактора, на текстильные фабрики с заводов текстильного машиностроения и т. д.

В этом подходе залог перехода движения на такую ступень, которая буквально перевернет все привычные методы планирования. Госплан, ВСНХ, Наркомпуть, Наркомторг и Наркомзем должны извлечь все уроки из кампании по встречному промфинплану. Отныне нельзя больше работать так, как работали плановые органы до сегодняшнего дня.

Надо помнить, что «главным и решающим недостатком в хозяйственной работе остается неумение организовать и стать во главе бурно растущей активности рабочего класса». (Из обращения ЦК ВКП(б).

Эта активность рабочего класса выдвигает новые формы плана, разрешает в сквозных бригадах идею комплексного планирования и вносит весьма существенный корректив в работу специализированных объединений.

В борьбе за план рабочие массы выдвинули на самых первых ступенях как элементарнейшее условие плана связь кооперированных предприятий, наблюдение за ходом процесса производства во всех звеньях.

На первых этапах борьбы за единый народнохозяйственный поток, это был «счет» рабочих того или иного завода или отрасли

транспорту, транспорта заводам, «счет» одного завода другому, «счет» сельского хозяйства—промышленности. То, что этот обмен «счетами» и прочими «долговыми» обязательствами был не простой досужей газетной выдумкой, мы видим из всего последующего развития событий. Мы видим, что после предварительного обмена «визитными карточками» эта кампания вылилась в более или менее прочные формы взаимной связи. На нынешней стадии эта взаимная связь упрочивается посылкой делегаций, созданием общественных буксиров и сквозных бригад. Мы полагаем, что и это движение должно будет вырасти в более совершенные формы, что оно естественно перерастает в постоянные плановые органы рабочей общественности, связывающие цеха одного завода с цехами другого, определенные номера угольных шахт с определенными коксовыми, топливными, металлургическими установками.

Необходимость создания плановых ячеек, плановых совещаний рабочих, связывающих взаимозависимые цеха и заводы, диктуется всей народнохозяйственной обстановкой, нашей борьбой за перестройку хозяйственного аппарата, борьбой за ускорение темпов индустриализации.

Задача этих ячеек: наблюдение за плановым ходом производства, за выполнением требуемых спецификаций, за сроками. Их задача—сигнализировать о прорывах, предупреждать эти прорывы.

Это делает мобильным и гибким наш хозяйственный аппарат. Каждому известно, что нет ничего труднее сейчас, как повернуть его лицом к какой-нибудь насущной проблеме. Скажем, к посевной кампании. Необходимо создать и оформить этот плановый актив, плановые ячейки предприятий.

В лице ударников и передовых рабочих мы этот мощный пласт нового планово-экономического актива, на который ныне обязаны опереться в своей работе и Госплан и ВСНХ, уже имеем. Производственные совещания, ВКК, рабоче-инженерные бригады дают нам прекрасные образцы технико-экономического планирования, —показывают примеры такой работы, которые и для Госплана и для ВСНХ представляют исключительный интерес.

Мы знали до сих пор на предприятии партийный, комсомольский, профессиональный, советский актив, даже актив добровольных обществ. Сейчас, в эпоху широкой технической реконструкции и невиданного хозяйственного подъема немудрено, что рабочий класс выдвигает хозяйственный планово-экономический и технико-производственный актив, выдвигает рационализаторов (на отдельных предприятиях до 50% рабочих в рационализаторских кружках), изобретателей и просто по-хозяйски болеющих за производство людей.

К этому подвело соцсоревнование и ударничество и то, недостаточно еще отмеченное обстоятельство, что завод у нас находится (и больше, чем мы предполагали даже) не только в центре общественно-политической, но и культурно-бытовой жизни рабочих. С заводом у передового рабочего связаны все интересы, не только его, но и семьи. И неудивительно, что на уборку цеха или в экстраординарных случаях на ликвидацию прорывов, или при обсуждении вопросов о прогулах на заводе появляется жена рабочего, которую совсем не так давно и с немалым трудом мы вовлекали в клуб. Это непосредственный результат того

факта, что труд из чего-то зазорного становится почетным занятием, делом чести. (Сталин).

Встречный промфинплан поставил великое множество самых разнообразных и сложных задач: план до станка, связь предприятий, план цеха и т. д. Он подчеркнул со всей силой колоссально возросшую роль цехового и заводского планирования, которое становится буквально решающим звеном. Но тот же встречный промфинплан дает все средства, необходимые и достаточные для решения поставленных задач, дает новые неисчерпаемые людские резервы, ценные кадры рабочих, молодых инженеров, прошедших школу первого плана, вынесенного на своих плечах не только в смысле выполнения и перевыполнения заданий, поставленных сверху, но и в смысле самостоятельного построения плана.

ЗА ВСТРЕЧНЫЙ ПЛАН СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

Соцсоревнование и ударничество становятся основным методом работы не только в промышленности и на транспорте, но и в социалистическом секторе сельского хозяйства.

В лучших колхозах, в совхозах соцсоревнование воспитывает новую культуру труда, создает мощный производственный актив колхозников, выдвигает кадры руководителей.

Социалистическая деревня уже в ближайшие годы двинется догонять пролетарский город, осуществляя опыт массовой работы лучших, наиболее передовых предприятий.

Если уже в этом году мы имели полностью механизированные зерновые совхозы с органическим строением капитала и энерговооруженностью рабочего, не уступающей промышленному предприятию, если уже в будущем году степень механической обработки по всем зерновым культурам Союза будет составлять цифру, примерно, 30%, то это одно служит серьезнейшей предпосылкой для перенесения и укрепления новых форм общественных социалистических связей, родившихся в промышленных рабочих центрах, на почву социалистического земледелия. Значительное развитие социалистического соревнования и ударничества мы имели на колхозных полях уже в текущем году. Теперь героики и пафос первого большевистского сева мы должны сделать буднями социалистического труда.

Уже в текущем году мы имели встречные планы колхозов, на много опережавшие предварительные наброски земельных и кооперативных органов.

Сейчас перед нами стоит, не может не стоять задача переключить соцсоревнование и ударничество и в колхозе в русло плановой инициативы и плановой активности масс.

Тем самым и в социалистическом земледелии соревнование и ударничество будут переведены на самую высокую их ступень.

Надо иметь в виду, что перенесение форм социалистической организации труда будет происходить еще более быстрыми темпами, чем процесс механизации сельского хозяйства.

Встречный план колхоза дает новые богатые дополнительные стимулы развитию и соцсоревнования и ударничества. Вскроет новые резервы невиданного увеличения производительности труда.

Колхозная деревня будет проходить опыт рабочего класса нашего Союза в деле строительства социализма только таким

образом, что «пересаживаться» будет сразу наиболее передовой опыт, наиболее совершенные формы организации труда. Колхозной деревне нет нужды проходить все стадии, которыми шло развитие в городе. Здесь будет огромный выигрыш в темпах, аналогичный тому, который мы имеем, заимствуя иностранную наиболее передовую технику.

Встречный план колхоза будет означать борьбу за высокие показатели труда, за высокую производительность, за максимальную экономию, за лучшее качество, за честное и своевременное выполнение тех обязательств перед государством, которые вытекают для колхоза из характера наших хозяйственных и политических отношений.

Соцсоревнование и в городе является не только «мирной» борьбой за лучшие показатели, более высокую культуру, но и самой жесткой травлей негодного в собственных рядах пролетариата и острой формой классовой борьбы с чуждыми, рваческими, затесавшимися на социалистическое предприятие враждебно-классовыми элементами. Если соцсоревнование в городе несет в себе все элементы классовой борьбы против вредителей, бюрократов, правых оппортунистов, сторонников «легких» темпов, то в деревне это будет носить несравненно более острый характер, поскольку проблема «кто кого» здесь еще не разрешена, поскольку существует еще мелкий товаропроизводитель, поскольку недобит еще кулак.

Борьба с кулаком за середняка еще не закончена. Не только вне колхоза, но и в колхозе мы встречаемся с рецидивами мелко-собственнических тенденций, выражающихся в попытках использовать высокую конъюнктуру частноспекулятивного рынка и т. д.

Социалистическое перевоспитание в колхозе вчерашнего мелкого товаропроизводителя не может в этих условиях не стоять как самая острая, насущная проблема дня.

И лучший способ перевоспитания колхозной массы—введение новых высших форм организации труда (соревнование) и доведение до бригады всех задач и перспектив развития колхоза (план). План колхоза, отдельных бригад, отдельных отраслей сельскохозяйственного производства, увязанный с планом развития района, с народнохозяйственными задачами. Доведение до бригады и каждого колхозника хозяйственных перспектив и—главное—участие колхозной массы в разработке этих планов и определении перспектив развития сплотит колхозную массу, повысит ответственность, создаст необходимую общественную дисциплину.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Подведем некоторые итоги: в промышленности мы, опираясь на хозрасчет в цеху, довели в этом году план до цеха. Это огромное достижение нашей плановой работы далеко не компенсирует, к сожалению, ее огромных недочетов. Эти недочеты выразились в том, что ни ВСНХ, ни Госплан не оказались подготовленными к тому обстоятельству, что план, доведенный до цеха, спустится к станку и оттуда встречным промфинпланом вернется до Госплана.

Ни архаическая система хозяйственного учета, ни построенные плановых органов, ни организационные формы нашей промышленности не оказались подготовленными и приспособленными к встречному плану—этой новой невиданной форме активности рабочих масс.

Если лозунг «план до станка и от станка до Госплана» выкристаллизовался как первый непосредственный результат встречного плана, оказался подготовленным всем опытом работы масс, выявил роль производственного совещания как плановой и оперативной единицы,—то ни планирование народного хозяйства в целом, ни планирование его отдельных отраслей не оказалось подготовленным для быстрой и успешной реализации новых лозунгов. Плановая система не перестроилась в соответствии с новыми формами активности масс.

Еще не сделаны необходимые выводы о решительной перестройке всех плановых органов промышленности, которые бы обеспечили действительную непосредственную связь плана от станка с народнохозяйственным планом. Сквозные бригады, общественные буксиры, рабочие «заслоны» (по борьбе с текучестью) еще не натолкнули Госплан и ВСНХ на поиски новых форм плановой работы, которая включала бы в себя как звенья одного процесса и плановую мысль масс и плановую работу аппарата.

Речь идет не только о воспитательной работе, которая довела бы до каждого рабочего план его завода, а через него план народного хозяйства в целом (что тоже крайне важная задача). Речь идет сейчас уже о том, чтобы обеспечить плано-оперативную работу масс.

Вообще нельзя противопоставлять воспитательные задачи задачам оперативной работы,—одно немыслимо без другого—но сейчас центр тяжести явно лежит в последнем. В плано-оперативной работе масс, в плановом вмешательстве миллионов в определение путей развития, генеральных линий реконструкции—сейчас центр тяжести.

Тем самым плановая мысль, а вместе с ней и научно-техническая мысль неразрывно связывается с производством. Сами массы становятся основным носителем идей технической реконструкции.

Нет сомнения, что так же как план от станка до Госплана выдвинул самые неожиданные проблемы и формы их решения, точно так же и план от колхоза приведет к новым формам участия масс в управлении государством.

Одно можно сказать наверняка: районное построение плана на базе планов социалистического земледелия и промышленности получит огромную поддержку и мощную основу.

Наша задача сделать план доступным миллионным массам и тем самым приблизить «каждую кухарку» и вчерашнего батрака к управлению государством.

До сих пор мы отдельно рассматривали, что даст план от станка и план от колхоза. Если взять их синтетически, как звенья одного плана, получится богатая перспектива построения социалистического плана.

Сквозная связь районов текстильных с районами хлопка и льна, с.-х. машиностроения—с полями, на которых эти машины будут применяться, плановые органы и совещания рабочих города

с колхозниками, взаимная помощь в разработке контрольных цифр, сортамента изделий, качественных стандартов, взаимная увязка планов—все это создает новые формы планирования.

В лозунг сквозных бригад: от сырья до готового продукта и от готового продукта до потребителя—включены будут не только заводы, шахты, рудники, но и сельское хозяйство.

Это разумеется будет означать полный переворот во всей практике нашей плановой работы, которая отныне мыслится только как работа с массами и работа масс.

Таковы перспективы, мы считаем ближайшие, которые вытекают из встречного плана.

То принципиально новое, что несет в себе встречный план, должно быть поднято на большую высоту, должно стать достоянием каждого рабочего и колхозника. Сегодня это важнейший лозунг мобилизации масс на борьбу за темпы социалистического строительства, за индустриализацию страны, за новую коммунистическую организацию труда.

ТЕОРИЯ КРЕДИТА МАРКСА И ЕЕ УПРАЗДНЕНИЕ ГИЛЬФЕРДИНГОМ

I

Предметом рассмотрения Марксом в «Капитале» является капиталистический способ производства как специфическая система производственных отношений. Иные формы отношений привлекаются Марксом либо как историческая основа, качественная (простейшая) характеристика капиталистической системы (анализ простых товарных отношений), либо как историческая иллюстрация изображенного в необходимой (логической) связи ее развития.

Поскольку Маркс занимается специальным рассмотрением категории кредита, он везде берет его как определенную историческую форму, как капиталистический кредит. Сущность и формы кредита получают свое освещение в «Капитале» только в результате анализа основных, движущих противоречий капитализма. Кредит, кредитная система выступают у Маркса как форма движения капиталистического воспроизводства.

«Кредитная система представляет его (промышленного капитала — В. Р.) собственное создание; эта форма промышленного капитала, которая начинается с мануфактурой и далее развивается вместе с крупной промышленностью»¹. Правда, уже при анализе денег и денежных функций Маркс рассматривает изменение формы отношения товаровладельцев, как покупателя и продавца, в форму отношения кредитора и должника. Однако едва ли целесообразно выводить сущность и форму капиталистического кредита непосредственно из этого отношения, создающего функцию денег, как платежного средства. Такая попытка, соблазняящая многих марксистов, как это ярче всего показывает пример Гильфердинга, оказывается несостоятельной. Специфичность капиталистического кредита при такой постановке проблемы стирается, определения кредита и его форм приобретают формальный характер, оторванный от движения и развития действительной сущности всякой экономической категории — производственного отношения на той или иной ступени его исторического усложнения.

В I томе своей книги «Современный кредит» И. А. Трахтенберг, исходя из определения сущности кредита в его наи-

¹ «Теории прибавочной стоимости», т. III, с. 368.

более развитой форме современного кредита ², считает однако возможным строить теорию кредита и для других стадий развития товарного хозяйства. «Кредит, — пишет т. Трахтенберг, — должен изучаться как непрерывно, диалектически развивающийся феномен. В рамках товарного хозяйства социальные отношения кредита постоянно трансформируются. Поэтому теория кредита должна быть дана применительно к определенной стадии развития товарного хозяйства».

Мне кажется, что в известной мере можно было бы заострить установку, данную в приведенной формулировке. В своем действительном историческом развитии кредит проходит различные стадии. Их описание и вскрытие их социального содержания несомненно сложная и важная задача, не только исторического, но и теоретико-экономического изучения. Однако, более чем для какой-либо иной экономической категории, для проблемы кредита остается верным положение, что «анатомия человека есть ключ к анатомии обезьяны». Для теоретического анализа кредитного отношения на любой стадии его развития необходимо предварительное изучение его в наиболее развитой его форме. Действительно только здесь «форма кредита сливается с его сущностью», только здесь «кредит исчерпывающе обнаруживается» ³. Однако, необходимо ли для этого изучение кредита обязательно в условиях империалистической стадии капитализма, только ли «в эту эпоху кредит достигает законченности и определенности». Мне думается, что как общая теория промышленного капитализма в своем разворачивании содержит все определения монополистической его стадии, так и теория кредита промышленного капитализма в основных чертах исчерпывает проблему кредита, хотя, конечно, несомненно, что тем самым в общей теории кредита имеют место проблемы, имеющие специфический интерес для изучения именно эпохи империализма.

Ставя перед собой задачу наметить основные моменты марксовой теории кредита и их ревизию в «финансовом капитале» Гильфердинга, я привожу вышеизложенные соображения прежде всего потому, что, с моей точки зрения, мы имеем у Маркса хотя и необработанную и литературно не завершенную, но теоретически, в основном, исчерпывающую теорию кредита. Если особенности «новейшей фазы в развитии капитализма» особенно заостряют теоретический интерес к проблемам кредита, если в эту эпоху особенно актуальной становится разработка теории кредита, то она должна идти не по тому пути, по которому пошел Гильфердинг, по пути пересмотра теории Маркса, а по пути систематизации, развития некоторых сторон и литературной разработки тех основных положений, которые мы имеем в «Капитале».

Как я дальше постараюсь показать, ревизия Маркса Гильфердингом ведет последнего по пути упразднения теории кредита. Если Гильфердинг однако не доходит здесь до логического конца, то его соратник Карл Реннер уже начисто ее (теорию

² «Современный кредит есть общественное отношение, развивающееся на основе движения ссудного капитала, или короче—общественное отношение ссудного капитала» (с. 30 названной работы).

³ Трахтенберг, указ. соч.

кредита) упраздняет, заменяя теорию марксистскоподобным описанием юридических форм кредитных сделок. Чего стоит например определение кредитной системы страны, как «совокупности правовых учреждений!»⁴.

Главной бедой, исходной ошибкой Гильфердинга в теории кредита является отсутствие у него анализа ссудного капитала. Правда, в главе XVIII он пишет: «Обширная полоса развития пролегает между функциями денег как средства обращения и платежей и функцией их в качестве ссудного капитала»⁵, но это развитие им не показано. Сама категория ссудного капитала им не исследуется на страницах его труда⁶.

В построении своей концепции кредита Гильфердинг исходит из функции денег, как средства платежа. Поэтому, необходимо прежде всего остановиться на вопросе о том, какую роль играет у Маркса анализ этой функции, каковы отношение и связь категорий денег и кредита в марксовской системе.

«Деньги в отличие от монеты, являясь результатом процесса обращения в форме $T-D-T$, т. е. обмена денег, образуют исходный пункт процесса обращения в форме $D-T-D$, т. е. обмена денег на товар с целью обмена товара на деньги»⁷. Вместе с тем, «кругооборот $D-T-D$ скрывает под формами денег и товара более развитые производственные отношения и в сфере простого обращения является лишь отражением более сложного движения»⁸. Иначе говоря о функционировании денег «в собственном смысле»⁹ уже дана теоретическая и историческая предпосылка всеобщей формы буржуазного производства—капиталистического способа производства. Однако в третьей главе первого тома «Капитала» и в «К критике» Маркс рассматривает функции денег, «в собственном смысле», как продукт простого обращения, как результат разрыва формы обращения, которое не создает еще изменения формы самого производственного отношения, меняя лишь маски простых товаровладельцев, остающихся таковыми. Но, очевидно, что качественное, социальное различие и противоположность простой меновой сделки и сделки кредитной выступает во всей полноте лишь тогда, когда и та и другая рассматриваются как различные формы движения общественного труда. Даже чисто формальное различие вскрывает различие социального содержания, а это последнее характеризует кредитную сделку как исторический эмбрион капиталистического отношения господства над чужим трудом.

В самом деле, охарактеризовав отношение между кредитором и должником, как возникшее из простого товарного обращения, Маркс пишет: «Следовательно, первоначально это совершенно такие же мимолетные, выполняемые попеременно одними и теми же деятелями обращения роли, как и роли продавца и покупателя. Однако их противоположность уже с самого на-

⁴ Реннер, с. 155.

⁵ Гильфердинг, русск. изд. 1918, с. 398.

⁶ На отсутствие у Гильфердинга анализа ссудного капитала правильно указывает И. Марков в статье «Марксова теория кредита в „обработке“ Гильфердинга» („Под знаменем марксизма“ № 9—10, 1928).

⁷ «К критике», с. 171.

⁸ Там же, с. 172. Разрядка моя—Б. Р.

⁹ «Капитал», т. I, изд. «Пролетарий» с. 80.

чала носит не столь невинный характер и обнаруживает способность к более прочной кристаллизации». Приведем примеры возникновения кредитного отношения независимо от товарного обращения (кредитные отношения древнего Рима и эпохи феодализма), Маркс замечает: «Однако — денежная форма, — а ведь отношение должника к кредитору обладает формой денежного отношения, — лишь отражает в себе антагонизм глубже лежащих экономических условий жизни»¹⁰. Смысл этого замечания становится понятным после анализа превращения денег в капитал. Только тут, когда авансируется стоимость в ее уже «кристаллизованной», отчужденной от рабочей силы форме денег, эти последние выступают как непосредственная противоположность самому труду, а их авансирование как господство над чужим трудом.

Развитие функций денег в собственном смысле слова (сокровище, орудие платежа, мировые деньги) является предисторией капитала, процессом его становления, как развитие форм стоимости, являясь развитием внутреннего противоречия товара, одновременно представляет собой историю возникновения денег в ее необходимой логической связи. Анализ функции денег как средства платежа, есть, конечно, анализ основы капиталистического кредита, но в этом своем качестве функция платежного средства становится понятной только после рассмотрения движения капитала. Отсюда недостаточно для вскрытия сущности капиталистического кредита свести его к простой форме кредитного отношения, хотя это последнее неизбежно воспроизводится на базе кругооборота капитала, как одна из форм капиталистического кредита.

«Первоначально деньги, как капитал, отличаются от денег как таковых, лишь особой формой обращения. В новой форме обращения деньги приобретают новую социальную функцию капитала. Однако, это новая форма движения стоимости, по отношению к которой и деньги и товар являются «лишь ее различными способами существования». «Если в простом обращении стоимость товара в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно оказывается саморазвивающейся, самостоятельно движущейся сущностью, для которой товары и деньги представляют лишь формы проявления»¹¹.

II

Гильфердинг не исследовал обмена, как противоречивой формы движения общественно-разделенного труда. Это привело его к теории денег, по которой они выступают пассивным ограничением стоимости товаров. Рассмотрение кругооборота капитала, как процесса, в котором капитал последовательно принимает форму денег и товара, не дает для Гильфердинга «никакого нового определения роли кредита» (с. 85). «Платежный кредит» такой же перерыв в сфере обращения, какой имеет место и в простом товарном обращении. Различие здесь лишь в том, что

¹⁰ «Капитал», т. I, изд. «Пролетарий», с. 85.

¹¹ Там же, с. 101.

если в простом товарном обращении такой перерыв был «трюмвольным» и «случайным», то в кругообороте капитала он необходим. Только рассмотрение влияния времени оборота на величину денежного капитала объясняет специфическую особенность капиталистического кредита, вскрывает его задачу «воспрелятствовать... праздному состоянию денег» (с. 85).

Гильфердинг правильно подчеркивает, что «то фундаментальное значение, которое имеет это (т. II «Капитала» — В. Р.) исследование для понимания кредита, оставалось до сих пор не замененным». Необходимость капиталистического кредита действительно не может быть показана и объяснена без исследования кругооборота капитала. Однако показать необходимость кредита это значит показать противоречие того специфического движения, которым является кругооборот капитала. Гильфердинг, как я уже отмечал, недооценивает значение марксова учения о ссудном капитале. Это показывает, что он недооценил, несмотря на свои заявления о значении II тома, роль противоречия между денежной и товарной формой капитала. Обращение и в капиталистической форме остается для него более обращением товара и денег, чем движением форм капитала. Отсюда и его постановка вопроса о формах кредита.

Рассмотрим прежде всего постановку вопроса о сущности кредита у Маркса.

Маркс начинает исследование кругооборота капитала, отвлечаясь от кредита. В ряде мест II тома это неоднократно подчеркивается. Вместе с тем, он не ограничивается рассмотрением кругооборота денежного капитала, как это делает Гильфердинг ($D—T—D$), но анализирует и формы кругооборота производительного и товарного капитала. Это имеет немалое значение. Ни форма обращения денежного капитала, ни форма обращения производительного капитала не дают еще возможности нарисовать картину капиталистического воспроизводства в целом. То, что в форму кругооборота товарного капитала включается и оборот прибавочной стоимости, делает ее анализ необходимым звеном в подходе к изучению единства всех трех фигур, которое и есть картина воспроизводства общественного капитала.

«—Только в единстве трех кругооборотов осуществляется непрерывность всего процесса и сменяет изображенную выше прерывность. Весь общественный капитал, взятый как целое, всегда отличается этой непрерывностью, и его процесс всегда представляет единство трех кругооборотов»¹².

Если рассматривать каждую фигуру кругооборота капитала в отдельности, то «прерывность» ее показывает, что денежная и товарная форма, которые последовательно принимает капитал, воспроизводит определения денег и товара, которые даны уже в анализе простого товарного обращения. Капитал есть стоимость в движении, *in actu*.

«Кругооборот капитала совершается нормально лишь при том условии, что его различные фазы переходят одна в другую. Если капитал задерживается на первой фазе $D—T$, то денежный капитал затвердевает в сокровище, если на производственной фазе—го на одной стороне лежат средства производства, не фун-

¹² „Капитал“, т. II, изд. 1918, с. 80.

кционирова, между тем как на другой—рабочая сила остается незанятой; если капитал встречает задержку на последней фазе $T^1—D^1$, но нераспроданные товары, накапливаясь, законодлачивают ход обращения»¹³.

Маркс неоднократно и в различной связи возвращается на страницах II тома к неизбежному в обороте индивидуального капитала перерывам. Можно было бы сказать, что весь анализ II тома «Капитала» есть анализ противоречия прерывного (оборота индивидуального капитала) и непрерывного (оборота общественного капитала). Вместе с тем прерывность процесса кругооборота индивидуального капитала есть условие непрерывности оборота общественного капитала, которое придает «затвердевшим» моментам оборота индивидуального капитала характер «потенциальной формы капитала».

Если теперь подойти к кредиту, как механизму разрешения этого противоречия, как к форме движения этого противоречия, то ясно, что различие его форм нельзя сводить к простой противоположности товара и денег, а вместе с тем появляется проблема сущности кредита, которой у Гильфердинга вовсе нет, поскольку кредит у него сведен к обмену, к его (обмена) формальному превращению. Если необходимые предпосылки для определения сущности и роли кредита даны Марксом во II томе «Капитала», то сама проблема ставится им позднее только тогда, когда капиталистический процесс производства рассматривается в целом. И тут, как в ряде других мест, проблема разрешается, так сказать, ретроспективно. Для того чтобы понять, что раз дан кредит, «деньги или товар продаются не как деньги или товар, а во второй степени, как капитал, как самовозрастающая ценность, выраженная в деньгах или товаре»¹⁴, необходимо рассмотреть предельно фетишизированное отношение капитала, приносящего проценты. Именно эта проблема является у Маркса исходной в построении теории кредита. Заметим тут же, что только после разрешения этой проблемы (проблемы сущности кредита) становится ясным соотношение форм кредита, из которых коммерческий кредит, хотя и является основой банкирского, в своем развитии становится подчиненной и включенной в систему банкирского формы кредита.

«Капитал выступает в процессе обращения как капитал только в общей связи всего процесса,—пишет Маркс¹⁵,—в том моменте, в котором исходная точка является в то же время и точкой возвращения обратно, в $D—D^1$ (тогда как в процессе производства он выступает как капитал вследствие подчинения рабочего капиталисту и вследствие производства прибавочной стоимости). Но в этом моменте возвращения к точке исхода посредствующее звено исчезло». Фетишизация общественного отношения достигает своего завершения. Но в этом заключительном звене обращения, если его фиксировать как «точку покоя», капитал извлечен из сферы обращения, D^1 или T^1 результат движения и не отчуждается третьему лицу как капитал, а всегда или как деньги, или как товар. Иначе говоря, в каждой точке своего движения,

¹³ „Капитал“, т. II, с. 27.

¹⁴ „Теории“, т. III, с. 356.

¹⁵ „Капитал“, т. III, изд. 1922, ч. I, с. 327.

взятой как «точка похода», как перерыв в движении капитал перестает быть таковым. «Он никогда не является в процессе своего обращения как капитал, а является только товаром или деньгами, и это в данном случае единственная форма его бытия для других. Товар и деньги являются капиталом не постольку, поскольку товар превращается в деньги, а деньги в товар, не по их действительным отношениям к покупателю или продавцу, а лишь по их идеальным отношениям к самому капиталисту (с субъективной точки зрения) или как моменты воспроизводства (с объективной точки зрения). В действительном движении капитал существует как капитал не в процессе обращения, а лишь в процессе производства, в процессе эксплуатации рабочей силы»¹⁶.

Иное дело—капитал, приносящий проценты (ссудный капитал) и «как раз в этом-то и заключается его специфический характер» (там же, с. 328). Если владелец денег отчуждает их третьему лицу, как потенциальную возможность извлечь его из обращения с некоторым прибавком, он обращает их как капитал и конечный результат должен быть тот же, что и у действительно противостоящего в производстве рабочей силе капиталиста. Здесь отчуждается потребительная стоимость капитала, способность самовозрастать. Ясно само собой, что такое отчуждение возможно только как дающее одинаковый результат (возрастание авансированной стоимости) как для владельца денег, так и для того, кто эти деньги обращает. Это отчуждение есть непосредственно форма отношения между капиталистами, т. е. предполагает уже, как свою основу, развитую капиталистическую форму господства над чужим трудом. Это последнее, как свое условие, предполагает противопоставление капиталиста, как владельца товара-денег, рабочему, как владельцу товара—рабочей силы. Поэтому «всякий ссужаемый капитал, какова бы ни была его форма и как бы ни модифицировалась его уплата природой его потребительной стоимости, всегда является лишь особой формой денежного капитала» («Капитал», т. III, ч. II, с. 328). Как бы ни был затрачен в действительном движении ссудный капитал, возвращение его к исходному пункту имеет форму обратной уплаты, а отсюда в своем движении капитал, приносящий проценты, возвращается дважды.

Итак, что характеризует капитал, приносящий проценты, как особую форму капитала—это его возвращение к исходному пункту с приращением, вытекающее из самого факта его отчуждения (ссуды), без тех посредствующих звеньев, которые являются действительным источником возрастания капитальной стоимости (процесс производства). «Движение характерное для капитала вообще—возвращение денег к капиталисту, возвращение капитала к его исходной точке,—для капитала, приносящего проценты, приобретает чисто внешнюю форму, оторванную от того действительного движения, формой которого она служит»¹⁷. Акт ссуды и акт ее погашения неизбежно представляются как юридические, произвольные акты, но они не могут быть только как юридические сделки рассмотрены, а должны быть выведены из формы процесса воспроизводства, взятого как целое. Только тогда они будут по-

¹⁶ «Капитал», т. III, ч. I, с. 327—328.

¹⁷ «Капитал», т. III, ч. I, с. 333.

няты не только как возможные, но и как необходимые в движении общественного капитала.

Если подойти к проблеме не с точки зрения воспроизводства, то есть только одна возможность понять ссуду, как ссуду капитала, это субъективная точка зрения отдельного капиталиста. Но тогда все отношения и кредитные формы переворачиваются на голову, а главное исчезает ссудный капитал, как специфическая экономическая категория. Как раз в этом виноват Гильфердинг. Исчерпывающе обнаруживается его грех в его определении форм кредита.

То, что Маркс предварительному рассмотрению кредита проанализировал кругооборот капитала со всеми его противоречиями, как форму общественного капиталистического воспроизводства, привело его к следующим выводам, которые необходимо отметить, прежде чем перейти к рассмотрению форм кредита.

1. «Деньги—или товар—сами по себе потенциально суть капитал, совершенно так же как рабочая сила потенциально есть капитал»¹⁸.

2. «Антагонистический общественный характер материального богатства—антагонизм этого последнего с трудом, как наемным трудом, уже обособленно от процесса производства получает выражение в самой собственности на капитал, как в таковой. Этот момент,—обособленно от самого капиталистического процесса производства, постоянным результатом которого он является и которым он предполагается в качестве постоянного результата,—этот момент получает выражение в том, что деньги—а также и товар—сами по себе, скрыто, потенциально суть капитал, что они могут быть проданы как капитал и что в этой форме они представляют господство над чужим трудом, притязание на присвоение чужого труда, а потому суть самовозрастающая стоимость»¹⁹.

Итак, предпосылкой и результатом присвоения чужого труда является владение деньгами. Деньги приобретают потребительную стоимость капитала. «Прибыль есть эта потребительная стоимость»²⁰. «Как товар особого рода, капитал обладает и особым родом отчуждения»²¹. Соответственно особой форме отчуждения (ссуде) дана и особая форма цены этого товара (процент). Отчуждение денег как капитала предполагает их возвращение к исходному пункту, но если при этом возвращении нет приращения стоимости, то возвращается авансированная стоимость, а не капитал. Отношение ссуды есть тем самым отношение между собственником и функционером капитала. Но поскольку они оба субъекты—олицетворение движения капитала—они капиталисты. Процент и предпринимательский доход—категории, выражающие распределительное отношение между ними, как присваивателями чужого труда. Хотя это отношение непосредственно представляется юридическим, производным, оно лишь усложнение основного капиталистического отношения, основа предельного фетиша, формы дохода, которая представляется непосредственным результатом капитала-вещи.

¹⁸ „Капитал“, т. III, ч. 1, с. 340.

¹⁹ „Капитал“, т. III, ч. 1, с. 341. Разрядка моя—В. Р.

²⁰ „Капитал“, т. III, ч. 1, с. 337.

²¹ Там же, ч. 2, с. 333.

III

Если у Гильфердинга нет исследования проблемы ссудного капитала, а вместе с тем нет и рассмотрения сущности кредита, то при подходе к проблеме форм кредита он рассматривает процесс кругооборота капитала, т. е. рассматривает проблему источников кредита, а также его роль.

Однако и тут у него, как видно из предыдущего изложения, не все ладно. Поскольку он берет для рассмотрения фигуру оборота денежного капитала, он неизбежно рассматривает вопрос с точки зрения оборота индивидуального капитала. Не спасает его здесь и то, что в общем он здесь старается следовать ходу идей II тома «Капитала». Выше было показано, что в движении индивидуальный капитал попеременно выступает как деньги и как товар и только в результате процесса — как самовозросшая стоимость.

Прежде всего Гильфердинг различает **платежный кредит** и «кредит, построенный на высвобождении денежного капитала».

«Кредит является сначала простым результатом изменения функции денег, как платежного средства. Если платеж совершается спустя некоторое время после того, как фактически произошла продажа, то деньги кредитуются на это время. Значит эта форма кредита предполагает существование товаровладельцев, а в развитом капиталистическом обществе — производителей капиталистов»²².

Если отсрочка платежа — однократный акт, то он свидетельствует только, что у кредитующего капиталиста налицо достаточный запасный капитал, чтобы выждать время до поступления платежных средств. «При таком одностороннем кредитовании у *A* должна иметься как раз такая добавочная сумма денег, которая потребуется *B* к сроку уплаты (там же)».

Иначе дело выглядит если предположить разносторонние кредитные связи. Если капиталист *A* не только кредитор *B*, но и сам пользуется кредитом у *C*, который в свою очередь связан кредитом с *B*, то может быть достигнута реализация их товарной стоимости без вмешательства денег. В тот момент, когда *C* заплатит *B* его собственным векселем на *A*, сделки между *A* и *B*, *A* и *C* и *C* и *B* будут окончательно завершены. «Значит деньги здесь были бы сохранены, а так как деньги должны бы быть дополнительным денежным капиталом (для процесса обращения товарного капитала) в руках производительных капиталистов, то для последних тем самым сберегается денежный капитал... Капиталисты взаимно кредитуют здесь друг другу товары, представляющие для них товарный капитал; но эти товары — просто носители определенной суммы стоимости, которая актом продажи предполагается уже реализованной в деньгах, этой общественно-значимой форме стоимости; следовательно, товары — носители определенной денежной суммы, представленной в векселе. Значит, обращение векселей основывается на обращении товаров, но таких товаров, которые актом продажи уже превращены в деньги, хотя это превращение еще не приняло общественно-значимой

²² Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 101.

формы, а существует лишь как частный акт в обещании платежа со стороны покупателя»²³.

Такова характеристика оборотного, по терминологии Гильфердинга, кредита.

Из приведенной характеристики следует, что содержанием оборотного кредита Гильфердинг считает (это он сам указывает на с. 112) создание кредитных денег. Очевидно, что этот кредит развивается вместе с развитием воспроизводства, экономит наличные деньги, а тем самым и тот дополнительный оборотный капитал, который должны иметь производительные капиталисты на время обращения их товарного капитала. Экономия на деньгах разумеется будет тем большая, чем больше имеется взаимнопогашающих обязательств.

«Но при помощи оборотного кредита, как такового, не осуществляется ни перенесение денежного капитала от одного производительного капиталиста к другому, ни приток денег от других непроеводительных классов к классу капиталистов, которыми они могли бы быть превращены в капитал. Итак, если оборотный капитал заменяет наличные деньги, то, напротив, такой кредит, функция которого — превращать деньги, какова бы ни была форма последних: наличные или кредитные деньги, из бездеятельных денег в функционирующий денежный капитал, — такой кредит мы называем капитальным кредитом. Капитальным кредитом потому, что он переносит деньги к таким лицам, которые, покупая на эти деньги элементы производительного капитала, применяют их как денежный капитал»²⁴.

Очень характерным также является следующее заявление Гильфердинга о капитальном кредите, которое резко подчеркивает основные методологические пороки его построения: «Раньше мы видели, как из обращения возникали кредитные деньги. Теперь мы имеем дело с деньгами, которые не функционируют; но деньги могут совершать функции только денег, и совершать их могут только в сфере обращения. Поэтому кредит как капитальный кредит не может сделать ничего иного, как только необращающиеся деньги бросить в обращение»²⁵.

Одновременно с этим Гильфердинг уже на следующей странице говорит о превращении этих бездеятельных денег в «функционирующий денежный капитал». Это свидетельствует, что понятия денег и денежного капитала у него сливаются, причем денежный капитал растворяется в понятии денег. Ярче всего это выступает в определении того же капитального кредита, который в противоположность оборотному, как экономии наличных денег и созданию кредитных, выступает как «передача денег», которые благодаря этому должны превратиться из бездеятельного в функционирующий денежный капитал».

Точка зрения индивидуального капиталиста проглядывает и в определении ссудного капитала, на котором Гильфердинг впрочем, как сказано, не задерживается. «Деньги всегда ссужаются под процент, следовательно для ссужающего (подчеркнуто у Гильфердинга — В. Р.) всегда принимают характер

²³ Гильфердинг, Финансовый капитал, с. 102.

²⁴ Там же, с. 112.

²⁵ Там же, с. 113.

капитала» (с. 114, примечание). Деньги у Гильфердинга никогда не принимают форму капитала или вернее поскольку эта форма дана, она представляется Гильфердингу только способом рассмотрения денег со стороны определенной группы капиталистов. В этом есть своя логика. Напомню приведенную выше цитату из Маркса, где он говорит, что деньги выступают как капитал или по своему отношению к капиталисту, как субъекту процесса (субъективная точка зрения), или с точки зрения общественного воспроизводства (объективная точка зрения). Не приходится еще раз подчеркивать, что Маркс рассматривает проблему именно с последней точки зрения. Вот почему и классификация форм кредита у него иная.

Впрочем и Гильфердинг знает марксово деление на коммерческий и банковый кредит, но понимает это деление своеобразно. «С развитием банков,—пишет он,—к которым притекают все остающиеся без занятий деньги, коммерческий кредит все более заменяется банковым в том смысле, что векселя служат платежным средством все менее в своей первоначальной форме, в которой они обращаются между производительными капиталистами: они все больше служат платежным средством в своей превращенной форме, в виде банковых билетов». Если таким образом функциональное определение, каким является у Гильфердинга оборотный кредит, не только не совпадает с марксовым делением, но тоже имеет место и для капитального кредита. «Раньше перед нами были производительные капиталисты (промышленные и торговые), которые совершали свои обороты, например, закупали средства производства при помощи кредитных денег. Теперь производительный капиталист превращается в денежного или ссудного капиталиста. Но такой характер он приобретает лишь мимоходом, именно, когда его денежный капитал, ожидающий превращения в производительный капитал, лежит праздным. И, ссужая в один момент, в другой момент, он занимает у другого производительного капиталиста. Сначала характер ссудного капиталиста для него—чисто преходящий, а с развитием банкового дела соответственная функция становится особой функцией банков».

Итак, хотя и не всегда, употребляя марксовы термины, Гильфердинг генетически делит кредит на коммерческий и банкирский, но это деление у него не совпадает с функциональным. Это приводит к тому, что последнее деление становится формальным, не связанным с историческим развитием капиталистического воспроизводства.

Как ставится вопрос о формах кредита у Маркса? В чем отличие марксова деления кредита на коммерческий и банкирский от принятого Гильфердингом деления кредита на оборотный и капитальный.

Для Маркса деление форм кредита является одновременно и генетическим и функциональным. Коммерческий кредит представляет основу кредитной системы, развивается ранее банкирского, но вместе с тем сохраняется и с развитием банкирского кредита, по отношению к которому занимает подчиненное положение, уступая банкирскому ведущую роль.

В 22-й главе первой части III тома Маркс характеризует генезис форм кредита. «Я показал,—пишет он (с. 386,—каким

образом из простого товарного обращения развивается функция денег как платежного средства и вместе с тем устанавливается отношение кредитора и должника между производителями товара и торговцами товаром²⁶. С развитием торговли и капиталистического способа производства, которое производит в расчете лишь на обращение, это естественное основание кредита расширяется, получает всеобщее значение». Далее Маркс указывает, что появившийся здесь на место денег в их функции обращения вексель получает возможность обращаться в качестве платежного средства в пределах срока его погашения. «Подобно тому, как эти взаимные авансирования производителей и купцов друг другу образуют собственно основание кредита, так и орудие их обращения, вексель образует основу собственно кредитных денег, банкнот и т. д. Последние имеют своим основанием не денежное обращение металлических денег или государственных бумажных денег, а вексельное обращение».

Маркс таким образом показывает и связь коммерческого кредита с развитием функции платежного средства и его значения, как основания для кредитно-денежного обращения. Однако ведь это все развивается Марксом на основе и в результате рассмотрения проблемы ссудного капитала, поэтому приведенное его суждение отнюдь не может рассматриваться как простое сведение генетически первичной формы кредита к простому изменению в функции денег как платежного средства. Уже здесь в отношении между промышленником и торговцем или, что дало бы то же самое, в отношении между двумя промышленниками, мы имеем отношение ссуды, как отношение между владельцем денежной формы капитала (все равно существует ли она уже в форме денег или только в виде товара, который однако уже обладает денежной формой, ценой) и функционером, для которого эта денежная форма в данный момент есть необходимое условие непрерывности движения его капитала. Но поскольку это отношение между функционирующими капиталистами, здесь противоположность собственности и функции еще не обособилась, здесь ссуда есть только ссуда денежной формы капитала, она не увеличивает размеров действительного функционирующего капитала, лишь сокращает непроизводительные издержки, связанные с его метаморфозом. Именно поэтому это отношение создает и орудие, в котором получает вещное выражение эта противоположность функции и собственности, противоположность, еще находящаяся в текучем состоянии, не кристаллизовавшаяся еще в отношении внутри классового группового антагонизма собственников денег, как денежного (в смысле потенциально-денежного, а стало быть могущего стать предметом отчуждения как товар) капитала и капиталистов-функционеров (торговых и промышленных). Здесь есть уже все необходимое и достаточное для самостоятельного движения денежного капитала, но нет еще этого самостоятельного движения

²⁶ Разрядка мая, потому что показывает правильность положения развитого выше о заключающемся в развитии функций денег в собственном смысле, формировании капиталистического отношения, а также и то, что значение кредитного содержания функции платежного средства раскрывается ретроспективно, послеяснения формы капиталистического обращения и сущности капитала.

поскольку нет еще расщепления персонификации движения капитала—капиталиста на две ипостаси.

Интересно попутно отметить, что самый термин «коммерческий кредит» имеет у Маркса глубокий смысл. Коммерческий или торговый кредит потому, что ведь здесь кредит выступает как механизм превращения товарной формы капитала в денежную, или как момент сокращения непроеводительных издержек этого метаморфоза, как с воспроизводственной точки зрения, механизм освобождения этого процесса от узкой для расширяющегося воспроизводства его денежной базы. Однако именно в силу этого механизм, создающийся и развивающийся вместе с развитием и напряжением самого воспроизводственного процесса. Эта его природа есть сама по себе условие для возникновения генетически последующей формы кредита, имеющей другое функциональное значение и выражающее вторую степень противоположности капитала-собственности и капитала-функции, форма, которую Маркс иногда называет кредитным отношением в собственном смысле слова.

«Другая сторона кредита примыкает к развитию торговли деньгами, которая в капиталистическом производстве, конечно, идет параллельно с развитием товарной торговли»²⁷. В непосредственной связи с функцией торговли деньгами развивается функция денежно-товарного капиталиста (первоначальная роль банка) по концентрации и управлению находящимся в денежной форме капиталом производительных капиталистов (под которыми понимаются здесь и торговцы и промышленники). Первоначально таким образом банкир лишь посредник между действительным заимодавцем и заемщиками. «Дело банкира с этой стороны состоит в том, чтобы концентрировать в своих руках большими массами ссужаемый денежный капитал, так что вместо отдельного ссужающего лица промышленным и коммерческим капиталистам противостоят банкиры как представители лиц, ссужающих деньги»²⁸.

Здесь уже предполагается, значит, наличие собственности на капитал, противостоящий функционирующим капиталистам. Ясно однако, что это обособление есть простой результат количественного роста кредитных связей коммерческого типа и их концентрации. Ссужается ли товар, как антиципированная денежная форма, т. е. отчуждается ли он за обещание платежа или авансирует один производительный капиталист другого деньгами, заказывая товар, в обоих случаях товарная и денежная форма капитала противопоставляются как моменты движения существующих и функционирующих (производительно) капиталов. Материальным воплощением этого функционирования является вексель. Гарантией векселя—действительная, реально существующая производительная функция. Производительные капиталисты, так сказать, одной рукой ссужают, чтобы другой занимать.

Самая концентрация этого дела, выражающаяся в операции учета векселей банком, поскольку она служит базой для эмиссии банкнот, уже противопоставляет банкира, как собственника денег (а стало быть товара-капитала) или, по крайней мере, пред-

²⁷ Гильфердинг, Финансовый капитал, т. III, ч. 1, с. 388.

²⁸ Там же.

ставителя собственности, всему классу производительных капиталистов. Различие банковского дела, кристаллизуя противоположность собственности на деньги как капитал, их обороту как капиталу, завершает формирование сущности кредита, создает завершенную форму ссудного капитала. Этим вместе с тем создается фиктивность циркулирующей денежной формы, а тем самым раздвигается граница воспроизводства за пределы, определяемые движением наличного действительного (производительно функционирующего) капитала. Таким образом перерастание коммерческого кредита в банкирский превращает кредит в орудие расширения капиталистического воспроизводства и в один из источников периодических потрясений его, вновь и вновь сводящих его к границе, определяемой увеличением реального капитала, самого капиталистического воспроизводства. Выражением обособления капитала - собственности от капитала-функции является рост ренты.

Наконец банкирский кредит создает все в большем размере фиктивность ссудных капиталов, многообразными способами превращая само отношение кредита в капитал, овеществляя в титулах собственности противоположность, самостоятельное — в известных пределах — бытие этой последней от процесса действительного обращения капитала.

Банки, по Марксу, создают капитал²⁹. «Мы видим таким образом, — пишет он, — как банки создают кредит и капитал»³⁰. Это важнейшее положение Маркса подменяется у Гильфердинга понятием превращения незанятых денег в функционирующий денежный капитал. Процент есть таким образом цена денег, а не товара - капитала — это необходимо толкает Гильфердинга на неверную теорию процента.

Гильфердинг, поставивший на место марксова деления форм кредита на коммерческий и банковский, его (кредита) деление на оборотный и капитальный, свел функциональные различия кредита к различию функционирования денег в обороте индивидуального капитала. Разорвав генетическую и функциональную характеристику кредитных форм, он должен был на этой основе притти к пониманию банковского кредита, как процесса организации кредитных отношений. Двойкий результат является следствием этой двойной ошибки: 1) переоценка организующей роли банков, предвосхищающая характеристику эпохи их гегемонии, как эпохи организованного капитализма и 2) в корне неверная теория кризисов, сводящая их причину только к диспропорциональности производства. Но если выводы ложны, то они правильно выведены из посылок. Гильфердинга нельзя упрекнуть в недостатке логики. При упразднении теории кредита, как теории противоречивой формы движения капиталистического воспроизводства (а это есть упразднение марксовой теории кредита, а стало быть и всякой его научной теории) неизбежно смазывание и всех тех противоречий, которые являются дальнейшим развитием противоречия кредита (кризисы, финансовый капитал и т. д.).

²⁹ „Капитал“, т. III, изд. 1928, ч. 2, с. 66.

³⁰ Что не значит конечно, что в какой бы то ни было степени правильны современные буржуазные „экспансионистские“ теории кредита. Но это вопрос, требующий особого разбора.

Вместе с тем, как это ни кажется странным, Гильфердинг упраздняет в первую голову теорию банкирского кредита. Обход противоречий действительности приводит к противоречиям теории. В дальнейшем это остается проиллюстрировать.

IV

Наиболее общеизвестной и не раз подвергнутой в марксистской литературе критике ошибкой Гильфердинга является его учение о повышении нормы процента. Эта ошибка наиболее бросается в глаза. Здесь Гильфердинг, так же как в учении о бумажных деньгах, открыто возражает Марксу.

Так же, как и в других пунктах его теории, и в устанавливаемом Гильфердингом законе движения нормы процента скажется недооценка категории ссудного капитала³¹. Гильфердинг начинает рассмотрение вопроса о неправильной трактовке текста Маркса. Он приводит следующее место:

«Изменения размера процента (оставляя в стороне изменения, совершающиеся за более продолжительные промежутки времени, и различия размера процента в различных странах; первые обуславливаются изменениями общей нормы прибыли, вторые—различиями в нормах прибыли и в развитии кредита) зависят от предложения ссудного капитала (предполагая равными все прочие обстоятельства, как например прочность кредита и т. п.), т. е. капитала, который ссужается в форме денег, металлических денег или банкнот, в отличие от промышленного капитала, который, как таковой, в товарной форме ссужается при помощи торгового кредита в среде самих агентов производства» (разрядка моя — В. Р.). О чем речь в этой цитате Маркса? Совершенно очевидно о конъюнктурных изменениях нормы процента. Между тем, когда речь идет об общей закономерности движения процента, о тенденции движения его норм, как раз те моменты, которые Марксом здесь элиминируются, играют первостепенную роль. Гильфердинг явно не разобрался, что тут две разные проблемы. Одна проблема—это проблема общей закономерности движения процента, другая проблема—проблема конъюнктурных его колебаний, т. е. проблема совпадения и противоположности движения действительного и денежного капитала в ходе промышленного цикла.

Устанавливая тенденцию движения процента, Маркс понимает движение его среднего уровня. Чтобы найти эту среднюю, «необходимо 1) высчитать средний размер процента из его изменений во время крупных промышленных циклов; 2) высчитать размер процента при таких приложениях капитала, когда последний ссужается на сравнительно продолжительное время»³².

Неверно конечно, как это думает Мотылев, что под «большим промышленным циклом» разумеется здесь кондратьевский «большой цикл конъюнктуры». Странно из уст марксиста слышать утверждение о «беспорности» последнего (с. 3 упомянутой

³¹ Это правильно, хотя и не как исходный пункт ошибки, отмечает критик Гильфердинга, именно в этом вопросе, тов. Мотылев. См его книжку „Дискуссионные проблемы марксистской полит. экономии“, „Буревестник“, 1925, с. 42.

³² „Капитал“, т. III, ч. 1, с. 347.

мнижки, примечания). Здесь речь идет просто о статистическом приеме выведения средней величины из колебаний процента внутри единственно известного Марксу понятия цикла между двумя кризисами. С другой стороны, Маркс предлагает здесь взять за основу статистического изучения процент по долгосрочному кредитованию. В этом смысле не совсем точно может быть отражена тенденция понижения уровня процента данными Швонера, приводимыми Гильфердингом, хотя, конечно, и они при методологически правильном подходе иллюстрируют правильность закона Маркса, а не Гильфердинга.

Если взять таблицу Швонера, то прежде всего бросается в глаза пестрота картины, лишь иллюстрирующая конъюнктурные колебания нормы процента. Здесь получает полное подтверждение падение нормы процента до минимума во время застоя в делах и его максимум в годы кризиса, установленные еще Марксом. Но уже исчисление среднего уровня процента по десятилетиям дает картину его падения из десятилетия в десятилетие. Таблица Швонера ³³ выглядит так:

Г О Д Ы	Англий- ский банк	Француз- ский банк	Герман- ский банк	Австро- Венгер. банк	Средняя для всех банков
1897—1906	3,52	2,85	4,28	4,05	3,67
1887—1896	3,04	1,71	4,21	4,21	3,38
1877—1886	3,19	2,96	4,26	4,26	3,63
1867—1876	3,25	3,89	4,85	4,85	4,09
1857—1866	4,82	4,48	5,06	5,06	4,89

Исключением из общего правила является последнее десятилетие, что повидимому смутило Гильфердинга. Однако тут нужно отметить, что если в предыдущее десятилетие мы имеем длительный застой со сравнительно слабыми периодами оживления, то в десятилетие (1897—1906) разражается кризис 1900—1904 гг., после которого начинается полоса ярко выраженного оживления. Гильфердинг требует слишком многого от действительности, он хочет, чтобы основная тенденция проявлялась без противодействия случайных обстоятельств, чтобы закон прокладывал себе дорогу не через отклонения.

Интересно между прочим отметить, что в стране, не выво- зившей (по крайней мере в масштабах других стран) капитала, в Австро-Венгрии дальнейшее падение нормы процента наблюдается и в десятилетие 1897—1906 г. Очевидно, необходимо при рассмотрении нормы процента учесть влияние на нее вывоза капитала. Данные по России, приведенные в статье С. Шахновской ³⁴, показывают, что и в этой стране слабо развитого вывоза и наобо-

³³ См. „Финансовый капитал“, с 139, примечание.

³⁴ „Движение дисконта и проблема регулирования его“, „Плановое хозяйство“ № 11, 1926.

рот значительного ввоза иностранного капитала, мы имеем падение нормы процента в рассматриваемый период. Совершенно очевидно, что условия перехода в империалистическую стадию и монополистическое созревание национальных капитализмов в остальных странах, хотя и не изменяют общего закона, но еще более усложняют его непосредственное проявление. Нужно также отметить, что эпоха мировой войны и послевоенная характеризуются значительным скачком вверх нормы процента. Однако уже с 1921 г. (в некоторых странах позднее) начинается обратная тенденция. В частности в Англии и САСШ уровень процента приближается к довоенному, в других странах, хотя и стоит выше, но движется в сторону понижения (см. те же данные С. Шахновской).

Косвенным показателем падения нормы процента, правильно указанным В. Мотылевым, являются различия нормы процента отдельных стран. То, что Маркс в приведенной выше цитате, относящейся к установлению закономерности движения процента внутри цикла, от этого момента отвлекается, лишь подтверждает, что он считал уровень процента различных стран показательным для более общей тенденции его (процента) движения.

Все сказанное может быть учтено при рассмотрении движения процента только при том условии, если исходить из правильного представления о том рынке, на котором устанавливается процент. Это рынок ссудных капиталов, тогда как для Гильфердинга вопрос сводится к количественной характеристике денежного обращения.

«Во всякий данный момент,—пишет он (с. 133),—в распоряжении капиталистического общества имеется количественно определенная сумма денег (разрядка моя—В. Р.), которая представляет предложение, и в тот же самый момент на другой стороне имеется потребность функционирующих капиталистов в денежном капитале, определяемая размерами производства и обращения».

Уже в этой цитате резко сказывается первородный теоретический грех Гильфердинга—непонимание им проблемы ссудного капитала. На той же странице он пишет: «Если мы рассмотрим ту денежную сумму, которая образует предложение, то увидим, что она составляется из двух частей: во-первых, из имеющих в обществе наличных денег, и, во-вторых, из кредитных денег. Но при анализе оборотного кредита мы уже видели, что кредитные деньги представляют изменчивый фактор,—что с расширением производства количество их увеличивается. Расширение же производства означает увеличение спроса на денежный капитал; этот расширяющийся спрос находит однако и возросшее предложение, которое определяется количеством кредитных денег, вытекающим из расширения производства. Следовательно, изменение уровня процента наступит лишь при том условии, если спрос на денежный капитал изменяется сильнее, чем его предложение: например, уровень процента повысится, если спрос на денежный капитал возрастает быстрее, чем увеличивается количество кредитных денег». Здесь правильное переплетается с неправильным. Правильно то, что покуда потребность обращения в денежной форме удовлетворяется коммерческим кредитом, этот последний есть момент, уменьшающий спрос на денежный капитал, поскольку сам создает орудие пре-

вращения товарной формы капитала в денежную. Правильно также то, что на определенной ступени он становится недостаточным для удовлетворения растущего воспроизводства. Но абсолютно неверно исходить, как это делает Гильфердинг, из зараннее данной величины предложения денежного капитала.

Прежде всего величина предложения орудий кредита возрастает с возрастанием быстроты их обращения. Само развитие коммерческого кредита создает базу для увеличения банковской эмиссии. Однако—это конъюнктурный момент. Важнее то, что с ростом капиталистического воспроизводства, характеризующегося ростом органического состава капитала 1) растет доля реализованной стоимости, предназначенной амортизировать износ основной части постоянного капитала, 2) уменьшается возможность для владельца денежной суммы ее непосредственного производительного применения, 3) возрастает абсолютная величина капиталистического дохода, скопляющегося в денежной форме в банковской системе, 4) растет слой ренты; наконец, 5) концентрируется банковская система и усложняются ее методы, позволяющие создавать фиктивное предложение денежного капитала (одна и та же сумма наличных денег может и необходимо должна превращаться в умноженное количество банковских пассивов).

Всех этих моментов, которые характеризуют движение спроса и предложения денежного капитала, отвлекаясь от конъюнктурных колебаний, не видит Гильфердинг. Он представляет себе только конъюнктурное движение, ход которого неизбежно приводит к увеличению спроса на денежную форму капитала и толкает воспроизводство к кризису.

В конечном счете для Гильфердинга величиной предложения ссуды денег является золотой запас за вычетом той его части, которая обеспечивает обращение. Он отвлекается от чекового обращения, от развития расчетных операций, от быстроты обращения самих орудий кредита. Деньги, как таковые, для Гильфердинга объект ссуды, их действительное количество определяет величину предложения. Поскольку же бесспорен факт относительно более медленного, по сравнению с расширением воспроизводства, роста золотого запаса, логически неизбежен вывод о повышении нормы процента, вывод, который пытается увязать Гильфердинг с теорией финансового капитала, как теорией растущей гегемонии банков над промышленностью.

Но для этого необходимо покончить с «догмой» о зависимости движения нормы процента от движения нормы прибыли. «Понимание нормы прибыли,—утверждает Гильфердинг,—имеет, самое большее, то значение, что понижается теоретически возможный максимальный предел процента, именно вся прибыль; но так как эта максимальная граница вообще не может достигаться процентом на сколько-нибудь продолжительное время, то это «констатирование» не имеет никакого значения» (с. 139—140). Почему эта граница оказывается «вообще» недостижимой, остается секретом Гильфердинга. Но зачем в данном случае понадобилось рассуждение о «вообще» недостижимом уровне, раскрывается из следующего абзаца. Правильно подмеченная Гильфердингом тенденция сращения банковского и промышленного капитала требовала увязки с теорией кредита. Поскольку противоречие за-

питала собственности и капитала функции, сущность кредита— отношение ссудного капитала осталось для Гильфердинга «terra incognita», необходимо было доказать, что «доля процента в общей прибыли до известной степени возрастает по сравнению с предпринимательской прибылью, следовательно, доля праздных капиталистов возрастает за счет функционирующих» (с. 140).

Подведу итоги:

1. Основной методологической ошибкой Гильфердинга является игнорирование им внутренних противоречий. Подробная характеристика этого момента лежит за пределами моей работы. Гильфердинг замечает только внешнее своеобразие экономических явлений, не вскрывая сущности—внутреннего противоречия.

2. Исходной ошибкой в теории кредита является отсутствие анализа формы капитала, противоречия которой (противоречие собственности и функции) получают свое разрешение в категории ссудного капитала, анализ которой есть анализ сущности кредита. У Гильфердинга исчезает сущность кредита, т. е. исчезает предмет теории кредита, поскольку теория ведь и есть изучение внутренних противоречий явления. Выход для Гильфердинга один,—не развить из теории денег теорию кредита, а свести ее к теории денег. Именно этот факт позволяет мне говорить об упразднении Гильфердингом теории кредита.

3. Сводя теорию кредита к теории денег, Гильфердинг извращает и учение о его формах. Различие форм кредита у него чисто функциональное, оторванное и противопоставленное марксову генетически-функциональному различию. Это следствие того, что самый капиталистический кругооборот он рассматривает как кругооборот индивидуального капитала. Поэтому у него нет перехода одной формы в другую, они сосуществуют рядом, не проникая взаимно одна в другую, противопоставляясь друг другу чисто внешне, формально.

4. Поскольку для Гильфердинга теория кредита есть теория движения денег в капиталистическом обращении, он совершенно не понимает банкирского кредита и его капиталотворческой роли. Если Маркс назвал монетарную систему католическим, а кредитную систему протестантским институтом, то Гильфердинг остается добрым католиком. Это приводит его и к ошибкам в теории процента.

5. В теории процента Гильфердинг свел закономерность его (процента) движения к конъюнктурным его колебаниям, в процессе движения цикла движущимися по повышательной кривой, а затем эти конъюнктурные колебания выдал за общую тенденцию, оторвав таким образом движение ссудного капитала от его основы—движения действительного капитала. Это понадобилось ему для утверждения о растущем господстве праздных капиталистов над функционирующими. Последнее однако не требует необходимо учения о все большей доле процента в общей массе прибыли. У Гильфердинга здесь оказывается лишь слабость его теории, заставляющая искать объективным фактам надуманное объяснение.

И. ДОЛИНСКИЙ

ПРОБЛЕМЫ ЦИКЛА УЭСЛЕЙ К. МИТЧЕЛЛА

Не успели высохнуть чернила, которыми были написаны ниже следующие слова Гуверовского *credo*: «равновесие, которое существует между производством и потреблением, явно связано с контролем над хозяйственным организмом»¹, как грянули первые раскаты американского, а затем и мирового кризиса.

Однако можно быть уверенным, что буржуазная наука «справится» с этим кризисом так же, как она «справлялась» и с предыдущими кризисами капитализма. Таково ее историческое призвание. Ее задача сейчас изучать факты с тем, чтобы преподнести их в таком освещении, которое бы полностью соответствовало интересам буржуазии. Для этого она имеет уже готовый инструментарий статистических методов, назначение которых «выравнивать и сглаживать» острые углы и затушевывать глубочайшие противоречия капиталистического организма. Задача марксистов испытать этот инструментарий на оселке марксистской критики. Но это предполагает и необходимость положительной марксистской разработки тех же проблем. Нужно прямо сказать, что марксистская экономическая мысль на этом участке сильно отстает от актуальнейших требований момента.

В развитии буржуазной теории капиталистического воспроизводства отчетливо вырисовываются два периода:

Первый период—соответствующий эпохе классического капитализма. В этот период буржуазная наука еще не имела «сглаживающего инструментария» в виде целой системы статистических приемов. Тогда буржуазная наука справлялась с кризисом, не путем его «сглаживания», а путем «соответствующего» объяснения. Это был период конструирования всевозможных и самых разнообразных теорий кризисов. Сюда должна быть отнесена целая плеяда экономистов, начиная от Жюгляра и кончая Туган-Барановским.

Второй период относится к эпохе империализма, эпохе уже загнивающего капитализма, и в особенности в его послевоенной стадии. В этот период буржуазная апологетика достигает высшей точки, на статистической кухне буржуазного научного творчества вырабатываются инструменты для «ликвидации кризиса. Кризис уже не объясняется, а просто «ликвидируется». Теория кризиса заменяется теорией конъюнктуры.

Если марксистская теория проделала большую критическую и положительную работу в борьбе с буржуазной экономией первого

¹ „Современные экономические изменения САСШ“, том I, с. 15.

дительную работу в борьбе с буржуазной экономией первого периода, то к критике и положительной разработке проблем, возникших в связи с построениями буржуазных экономистов новейшей формации,—в первую очередь проблемы конъюнктуры и цикла—марксистская экономическая мысль только еще подходит.

Начало было положено докладом А. С. Мендельсона два года тому назад в Комакадемии на тему «Проблема конъюнктуры». С тех пор однако мы все еще мало продвинулись вперед как в критике, так и в позитивной разработке проблем цикла и конъюнктуры. И только за последнее время, особенно в связи с мировым кризисом, замечается некоторое оживление на этом участке.

Но уже сейчас отчетливо выступают в марксистской литературе две прямо противоположные трактовки основных феноменов капиталистической динамики—кризиса, цикла и конъюнктуры.

Сущность первой состоит в том, что она проблему конъюнктуры и цикла сводит к проблеме кризиса ².

По существу это закрывает для нас путь к разработке проблем цикла и конъюнктуры и оставляет эту разработку в руках буржуазных экономистов.

Сущность второй трактовки заключается в том, что проблема цикла и кризиса, наоборот, отождествляется с конъюнктурой ³.

Такой подход может привести к позициям буржуазной экономики. Поэтому разработка вопроса о соотношении основных феноменов капиталистической динамики—кризиса, цикла и конъюнктуры—является актуальнейшей задачей марксистов. Кроме того, разрешение этого вопроса даст нам возможность перекинуть мост от теоретической трактовки сущности к эмпирическому описанию видимости капиталистической динамики.

Во главе идеологической перестройки буржуазной экономики новейшей формации в САСШ стоит Уэсли К. Митчелль и его оруженосец Персонс, признанные вожди нового направления буржуазной экономики.

Гарвардская школа в своих работах стоит на почве идей, развиваемых Митчеллем. Российские буржуазные экономисты—Первушин, Кондратьев, Опарин, и т. д.—также находятся под сильным влиянием его построений. Для характеристики этого влияния Митчелля на российскую буржуазную экономию укажем хотя бы на следующий восторженный отзыв о митчеллевской концепции цикла, который был дан в 1927 г. редакцией издания Конъюнктурного института НКФ—«Вопросы конъюнктуры» (т. III, вып. 1, с. 1): «Первую же часть труда (речь идет о конъюнктурных анналах Национального бюро экономических исследований САСШ—И. Д.) занимает обширное теоретическое введение, написанное проф. У. К. Митчеллем, в котором... дается в высшей степени ценный разбор понятия «конъюнктурных циклов», исследование вопроса об их продолжительности... Так как «Вопросы конъюнктуры» выходят не часто, то мы имеем воз-

² А. С. Мендельсон, Проблемы конъюнктуры. Выступление Герценштейна. По Герценштейну конъюнктура является проекцией над данной фазой на данной ступени капиталистической эволюции, поэтому учение о конъюнктуре исчерпывается теорией цикла, а теория цикла в свою очередь сводится к теории кризиса.

³ Максакowskiй, Капиталистический цикл.

возможность хотя бы частично ознакомить наших читателей с новой выдающейся работой американского экономиста. По своему идейному богатству введение в «конъюнктурные летописи» безусловно заслуживает того, чтобы быть переведенным полностью». И не только по этим причинам редакция «Вопросов конъюнктуры» считает необходимым полный перевод работы Митчелля, но и потому, что «введения» близко соприкасаются, как с вопросом о понимании русских конъюнктурных циклов в прошлом, так и с вопросом регулирования наших экономических отношений с заграницей в настоящее время» (везде подчеркнуто нами—И. Д.).

Вот почему необходимо подвергнуть обстоятельной и серьезной критике взгляды Митчелля. Вот почему и критику современной буржуазной экономики в основном необходимо строить на основе критики системы Митчелля.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ ЦИКЛА, КРИЗИСА И КОНЪЮНКТУРЫ В БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИИ

Общим для всей буржуазной экономики новейшей формации является растворение кризиса в цикле, а цикла в конъюнктуре. Различие между ними сводится только к тому, как это удобнее сделать.

Если пессимист Зомбарт не решается выкинуть кризис за борт, то оптимист Митчелль это решается сделать.

«Чаще всего,—говорит Зомбарт,—о конъюнктуре говорят в связи с учением о так называемых «кризисах», в то время как о моей точке зрения следовало бы развернуть прежде всего учение о конъюнктуре»⁴.

Митчелль же говорит: «слово «кризис» является неподходящим термином для обозначения одной из четырех фаз цикла... слово кризис не устранено, но применяется подобно словам «паника» и «спекулятивный подъем» для обозначения степени интенсивности фазы»⁵.

Ту же операцию буржуазные экономисты проделывают и с циклом в целом. Его растворяют в конъюнктуре. Это уже не трудно проделать, если из цикла выютюжена его стержневая фаза—кризис. Бескризисный цикл это уже простые «Schwankungen или Wellenbewegungen des Wirtschaftsleben» (Mombent)—колебания хозяйственной жизни, которые соответствующим статистическим аппаратом могут быть предвидены и смягчены. Для Митчелля «экономические циклы представляют собой повторяющиеся подъемы и упадки, проявляющиеся в большинстве экономических процессов общества, с достаточно развитой системой денежного хозяйства, не разложимые на какие-либо волны» (разрядка наша—И. Д.).

«Я не вижу никаких иных оснований, чтобы признавать экономический цикл. Он представляет простое колебание ряда около своей собственной средней»⁶.

⁴ „Am eresten wird noch über Konjunktur gesprochen im Anschluss an die Lehre von den sog. „Krisen“ Während m. E. vor allem eine Lehre von der Konjunktur zu entwickeln wäre, innerhalb deren das „Krisenproblem als ein Teilproblem abzuhandeln sein würde“ (Sombart, II Band, I Hallbband, S. 208).

⁵ У. К. Митчелль, Экономические циклы, с. 391.

⁶ Там же, с. 481 и 478.

Если цикл «не разложим» на какие-либо другие колебания, если он существует в системе «денежного хозяйства» вообще, а не только капиталистического, то он тогда действительно представляет «простое колебание конъюнктуры около своей собственной средней».

Качественное различие между конъюнктурными и циклическими колебаниями таким образом стирается. Цикл сводится к конъюнктуре.

То же самое, хотя и в другой формулировке, мы видим и у других буржуазных экономистов. Различие состоит только в том, что одни (Вагнер, Филиппович, Громан) сводят к конъюнктуре все без исключения динамические процессы, другие (Афгальон, Митчелль) непосредственно отождествляют цикл и конъюнктуру, третьи (Репке, Кондратьев) исключают из понятия конъюнктуры эволюционное движение (по Кондратьеву—необратимые процессы). У Кондратьева в понятие конъюнктуры включаются изобретенные им обратимые процессы, которые примерно соответствуют у Репке—«Die Zeitlichen Wirtschaftsverschiedenheiten soweit diese nicht eine Entwicklung allgemeiner art bedeuten»⁷, временное изменение в хозяйстве в той мере в какой они не означают вида общего развития. И наконец Первушин различает понятие конъюнктуры в широком смысле, куда он относит все динамические процессы, и понятие конъюнктуры в узком смысле, куда он относит «свойственные товарно-меновому хозяйственному строю, капиталистическому в особенности, стихийные, более или менее периодические колебательные движения хозяйственного организма в его целом, сопровождающиеся как качественными, так и количественными изменениями и наиболее ярко проявляющиеся в сфере рынка, цен и дохода»⁸.

Из этого видно, что Первушин в своем понятии конъюнктуры в широком смысле примыкает к Вагнеру, Громану и Филипповичу. В понятии же конъюнктуры в узком смысле Первушин примыкает к Митчеллю, ибо как тот, так и другой под циклом понимают колебательные движения, свойственные даже «товарно-меновому хозяйству» (Первушин), «системе денежного хозяйства» (Митчелль), зависящие от экономических и не экономических факторов (Митчелль) и в первую очередь от движения урожая (Первушин).

Капиталистического структурного цикла нет в буржуазной экономике. Он утонул в конъюнктуре также и по той же причине, по какой утонул кризис в бесхребетном, бескризисном цикле. Если кризис вытужен из цикла, то цикл автоматически превращается в «Schwankungen des Wirtschaftsleben», в колебательное движение хозяйственной жизни. Отсюда естественно, что вместо теории кризиса и теории цикла буржуазными экономистами преподносится универсальное бессодержательное учение о конъюнктуре. Такова позиция современной буржуазной экономики.

Посмотрим теперь тот инструментарий, которым буржуазная экономия, сглаживая капиталистические противоречия, снимает хребет цикла—кризис, ликвидируя тем самым капиталистический цикл.

⁷ R ä p k e, Die Konjunktur, S. 13.

⁸ П е р в у ш и н, Хозяйственная конъюнктура, с. 25.

ПРОБЛЕМА ЦИКЛА У МИТЧЕЛЛЯ МЕТОД

Митчелль типичный эмпирик, для которого конкретное многообразие видимых явлений является и началом и концом научного путешествия, поэтому к нему применимо все то, что Маркс говорил о методе вульгарной экономии.

Однако, за сходством надо видеть и различия. Если вульгарная экономия занималась «доктринерским толкованием и систематизацией обыденных представлений агентов капиталистического производства», пользуясь примитивными орудиями своей эпохи, то Митчелль, для этого дела имеет уже возможность пользоваться новейшими, более тонкими и более скрытыми для непосвященных орудиями математической статистики, испытанным инструментом Гарвардской школы.

Вскрыть идейную бедность содержания, которая завуалирована внешней архинаучной формой «точных» математических формул и выкладок, тем более актуально, что эта мистифицированная форма псевдонауки зачастую вводит в заблуждение и иных марксистов.

Ведь под покрывалом этих точных математических выкладок компания Базарова-Громана-Кондратьева протаскивала свои реставраторские и вообще буржуазные идеи. И кондратьевские «циклы» и базаровские «кривые» и громановские «эмпирические закономерности» облачены в заколдованные знаки и «точные» формулы, взятые ими из арсенала Гарвардской школы. Вот почему мы считаем необходимым в нашей критике сосредоточить свое внимание на вскрытии содержания того идейного багажа, который скрывается за архинаучной формой изложения Митчелля, тем более что общеметодологическая критика дана в работе Герценштейна⁹.

⁹ В своем предисловии к книге Митчелля „Экономические циклы“ т. Герценштейн подвергает более или менее подробной и на наш взгляд в основном правильной критике метод Митчелля. Казалось бы, что методологическая критика обязывала Герценштейна к тому, чтобы разоблачить также и систему Митчелля (а не только метод) и конструируемый им цикл. К нашему удивлению, мы видим у Герценштейна совершенно обратное. Указав в одном месте, что кризис из цикла выкидывать нельзя, Герценштейн в дальнейших своих суждениях целиком принимает митчеллевский бескризисный цикл. Можно ли иначе толковать следующий отзыв о митчеллевских циклах: „Митчелль не сумел выпукло (а не выпукло?) (разрядка наша—И. Д.) поставить и разрешить вопрос о соотношении эволюции и цикла“ (а где указание, что самый цикл Митчелля не есть структурный цикл, а простое колебание конъюнктуры? И. Д.). Но та часть его книги, которая посвящена проблеме единообразия и изменчивости циклов (речь идет о циклах бескризисных, статистически конструируемых Митчеллем И. Д.),—наиболее интересная и ценная. Правильные указания на самобытность циклов (каких?—И. Д.). Взаимную зависимость цикловых фаз. влияния продолжительности (разрядка наша—И. Д. циклов одной страны на другую Герценштейн очевидно считает спорной установленную Митчеллем продолжительность циклов от 1 до 10 лет. Интересно задумана и выполнена глава о соотношении между циклами различных стран“ и т. д. („Экономические циклы“, сб. LXXV, LXXIV). Как видно Герценштейн, критикуя метод, одновременно расточает похвалы Митчеллю за его кастрированные бескризисные циклы, имеющие продолжительность от одного года и выше. Герценштейн нигде ни словом не обмолвился, что митчеллевские циклы не являются циклами а конъюнктурными колебаниями.

Но критика метода, при отказе от критики конструированного Митчеллем цикла, совершенно бесплодна, ибо в таком виде предисловие Герценштейна после некоторых поправок можно было бы предпослать любой книге, на любую тему, любого эмпирика-экономиста.

И отчасти, но в более последовательной форме, в работе Грановского (Вестник Комакадемии № 30) мы будем судить о методе Митчелля главным образом по его же результатам.

Общее представление о методе Митчелля мы получим уже при изложении того, что он сам говорит о нем.

«Для того чтобы достичь возможно больших знаний об экономических циклах,—говорит Митчелль,—мы должны объединить все, что нам могут дать история, теория и статистика»¹⁰.

Посмотрим, что же дают, по Митчеллю, теория, статистика и история.

Заканчивая в первой главе обзор теории, Митчелль говорит: «мы предприняли предыдущий обзор наиболее распространенных теорий для того, чтобы установить, в каких областях хозяйственной деятельности проявляются циклы, и чтобы найти рабочую гипотезу, необходимую для подхода к проблеме»¹¹.

Возражая Ле ве, Митчелль говорит: «глава первая трактует о теориях экономических циклов, но она берет эти теории только для выяснения некоторых фактов, а именно для того, чтобы показать, как много процессов протекает бок-о-бок при циклических колебаниях»¹² (разрядка везде наша—П. Д.). Итак, Митчелль теорию не игнорирует. Он даже начинает с обзора теории. Но он находит для теории применение, достойное ползучего эмпирика. Теория, оказывается, ему нужна для того, чтобы: 1) установить, «в каких областях хозяйственной деятельности проявляются циклы», 2) выяснить некоторые «факты», а именно: познать, как много процессов (количество), которые протекают в цикле бок-о-бок. Вот для чего ему нужна теория. Но если теория способна только регистрировать формы проявления цикла, если теория способна только выяснить некоторые факты, или количество процессов, протекающих бок-о-бок в цикле, то что же тогда дают статистика и история.

Странное совпадение у Митчелля продукции, даваемой теорией, историей и статистикой, объясняет нам, почему Митчелль говорит не о восхождении, а о комбинации данных истории, теории и статистики. Эмпирик Митчелль верен себе. Он комбинирует данные статистики, истории и теории. С точки зрения Митчелля можно ведь сложить вместе все теории и получить сумму фактов, так как каждая теория акцентирует определенные факты. Теория таким образом растворяется в эмпирии.

Особенно характерно для митчеллевского отношения к теории следующее место: «различные теории,—говорит Митчелль,—являются не столько конкурирующими, сколько взаимодополняющими. Как кстаи следующие слова Маркса, сказанные им по поводу «Фукидида политической экономии» проф. Рошера: «Эта профессорская форма, которая приступает к делу «исторически» и с мудрой умеренностью собирает везде «лучшее». Дело не в про-

Причина такой позиции Герценштейна кроется в том, что и он не свободен от тенденции к отождествлению цикла и конъюнктуры. Не малую роль в либерализме Герценштейна по отношению к митчеллевской концепции цикла играет и его преклонение перед авторитетом Митчелля, труд которого он именует «трудом энциклопедического масштаба» («Экономические циклы», с. 13).

¹⁰ Митчелль, Экономические циклы, с. 371.

¹¹ Там же, с. 47.

¹² Там же, с. 59 (примечание).

тиворечиях, а в полноте. Все системы бездушны; во всех системах отломано острое, и они мирно уживаются в коллекционной тетради. Пыл апологетики здесь умеряется ученостью, которая благосклонно смотрит вниз на преувеличения экономических мыслителей и лишь в виде курьезов позволяет им плавать в своей умеренной размазне; так как подобного рода труды появляются также лишь тогда, когда политическая экономия как наука уже закончила свой путь, то они являются в то же время и мюглой этой науки»¹³.

Единственное, на что Митчелль еще готов пойти, так это признать за теорией право гипотезы. Но так как по его мнению «различные теории не конкурируют, а дополняют друг друга», то все теории являются равноправными гипотезами.

Но гипотеза, по правильному определению Вундта, «есть только мнение в отличие от теории, которая есть знание», т. е. проникает в сущность явлений.

Сущность явлений по Митчеллю достигается путем непосредственной очной ставки гипотез со статистикой, которая измеряет значение каждой гипотезы.

Таким образом верховным судьей является не теория, а статистика. Весь процесс теоретической работы, спуск от конкретного к абстрактному и обратное восхождение от абстрактного к конкретному, у него выпадает. Митчелль от видимости к сущности не переходит, он карабкается и копошится на поверхности явлений. В аналогичных случаях еще Гегель говорил: «если не должно делать такого перехода, значит не должно мыслить»¹⁴.

Так обстоит дело у Митчелля с теорией. Но что должна дать статистика по Митчеллю?

В полном соответствии со своей методологической установкой Митчелль заменяет каузальный анализ функциональным анализом временных рядов. Он говорит: «размышление показывает, что к нашей работе применимо старое положение, в силу которого идея причинности имеет скорее прагматический, чем научный характер. С научной точки зрения все условия, необходимые для создания известных результатов, имеют одинаковые значения». И далее: «в развитии знания причинное объяснение обычно представляет собой раннюю ступень на пути к аналитическому описанию. Чем полнее по своему содержанию становится та или иная теория, чем более математическую форму она приобретает, тем меньше она обращается к причинности. В теории экономических циклов переход от причинного объяснения к аналитическому описанию, был ускорен широким использованием статистических материалов и методов. Те связи, которые мы можем обнаружить при помощи временных рядов, являются связями функциональными» (разбивка везде наша—И. Д.)¹⁵.

Итак Митчелль устанавливает: 1) равноправие факторов или функций; 2) единственным предметом познания являются функ-

¹³ Маркс, Теории, т. III, с. 390.

¹⁴ Гегель, Энциклопедия, т. I, § 50.

¹⁵ Митчелль, Экономические циклы, с. 55.

циональные зависимости; 3) функциональные зависимости обнаруживаются при помощи корреляции временных рядов. *Raison d'être* этих трех положений заключаются по словам Митчелля в том, что «высшей ступенью познания является аналитическое описание и математическое оформление, на основе статистических материалов и методов».¹⁶

Совершенно иначе смотрел на это Гегель. «Чем более определенностью, а тем самым и отношениями становятся мысли,— говорит Гегель,— тем более запуганным, произвольным, «*Willkürliche*», лишенным смысла становится их изображение в таких формах, как числа»¹⁶.

Высказав свое методологическое *credo*, Митчелль переходит к обычным статистическим манипуляциям — образованию рядов, преобразованию и корреляции рядов, измерению амплитуды и последовательности иррегулярно-циклических колебаний (для этой цели он пользуется 11 индексами).

Предварительно несколько замечаний по поводу образования Митчеллем временных рядов.

1. Митчелль изолирует две кривые — вековой уровень, *Secular trend*, и сезонное колебание, *Seasonal variation*, — для того, чтобы получить цикл. Однако он оставляет, и не только по причинам статистической техники, а по соображениям чисто принципиальным, пертурбационные факторы. Он пишет: «несмотря на то, что мы хотим разграничить иррегулярные и циклические колебания... мы не можем отбросить иррегулярные колебания, как совершенно безразличные для понимания экономических циклов. Поступая так, мы должны были бы отбросить ряд рабочих гипотез»¹⁷.

Слиянием иррегулярных и циклических колебаний Митчелль закрыл себе путь к пониманию структурного капиталистического цикла. Иррегулярные циклические колебания уже не являются капиталистическим циклом в тесном смысле этого слова.

2. В отношении изоляции вековых уровней мы считаем, что до тех пор, пока не будет найден экономический эквивалент этой кривой, она представляет собою чисто математическую величину. Митчелль же отказывается от экономического обоснования этой кривой.

3. Что касается изоляции сезонных колебаний, то, считая правильной эту операцию, мы, во-первых, находим, что это не вытекает, а противоречит методу Митчелля. Для него цикл является ведь результатом всевозможных факторов и не только экономических. Поэтому какие же у него теоретические основания для изоляции сезонных колебаний?

Отказываясь от экономического и теоретического критерия, стоя на позициях функционального и количественного анализа, нельзя обосновать изоляцию сезонных колебаний. Во-вторых, это противоречит его определению цикла, как «простого» колебания конъюнктуры вокруг средней.

Митчелль для доказательства выдвинутых им положений прибегает к истории. Посмотрим, как он понимает соотношение теории и истории. Для этого поставим ему два вопроса: 1) как себе

¹⁶ Гегель, Наука логики, с. 135.

¹⁷ Митчелль, Экономические циклы, с. 259.

представляет Митчелль связь между циклом и общественной формой, 2) каково соотношение у него теории и истории.

По первому вопросу марксизм отвечает, что циклическая форма свойственна только капиталистическому хозяйству. Для Митчелля же не существует качественного развития между капиталистическим и простым товарным хозяйством. Он их сливает в общей формуле «денежного хозяйства».

Но тем самым Митчелль открывает себе путь для растворения цикла в конъюнктурных колебаниях, свойственных и простому товарному хозяйству.

Что касается второго вопроса, то по этому поводу Энгельс говорит, что «логический метод исследования... есть тот же исторический метод, только освобожденный от его исторической формы и от нарушающих стройность изложения исторических случайностей»¹⁸.

Эмпирик Митчелль, карабкаясь на поверхности видимых сцеплений, не может освободиться от исторической формы во имя исторического содержания, «от нарушающих стройность теории исторических случайностей». Мы уже в этом убедились на примере включения в цикл пертурбационных факторов. Можно ли при таком положении получить структурный цикл?

Историческим материалом для Митчелля служат конъюнктурные анналы Национального бюро экономических исследований, обработанные д-ром Торпом. О качестве этой истории мы будем иметь возможность говорить в дальнейшем, а пока отметим, что по Митчеллю конъюнктурные анналы должны служить для проверки индексов так же, как индексы должны проверять теории.

Итак, теории, индексы, анналы, стройтесь в три колонны... Ваша очная ставка раскроет Митчеллю истину.

ПОНЯТИЕ ЦИКЛА У МИТЧЕЛЛЯ

I

Митчелль обещал нам найти сущность цикла непосредственно во временных рядах, а потом устроить очную ставку рядов, анналов и теории. Посмотрим, как он это обещание выполняет.

После критического анализа индексов, Митчелль переходит к установлению подлинности циклов. Но увы! Сейчас же он вынужден сказать, что «все же, на основании изучения кривых, трудно установить правило (по нашему—экономический критерий—И. Д.), при помощи которого можно точно определить, какое движение индексов должно считаться экономическим циклом»...

«Памятные циклы отчетливо выражены во всех наших кривых. Однако во всех кривых имеются промежутки, для которых установление подлинности экономических циклов является не столь легким»¹⁹.

да, действительно не легко установить, не легко вытянуть из кривых «правило», т. е. экономический критерий.

Однако Митчелль не отчаивается. Он находит «правило». «Список таких циклов,—говорит Митчелль,—может быть составлен

¹⁸ «Рецензия на критику политэкономии К. Маркса».

¹⁹ Митчелль, Экономические циклы, с. 342.

наилучшим образом, если мы отметим последовательные поворотные пункты хозяйственной конъюнктуры»²⁰.

Возражая против определения цикла как интервала между кризисами, он говорит: «гораздо легче констатировать изменения направления конъюнктуры, чем определить, насколько серьезно происшедшее ухудшение»²¹.

Изменения в направлении конъюнктуры, конечно, легко констатировать по кривым, но не так обстоит дело с установлением циклического характера этих изменений. Ведь на с. 336 Митчелл устанавливает, «что индексы меняют направления в среднем один раз в каждые три месяца». Признает ли Митчелл шестимесячный цикл? Однако же, вопреки своему методу и критерию «изменения направления», Митчелл эти колебания изолирует. Они остаются в пределах *seasonal variation*. Но тем самым Митчелл фактически отказывается от своего собственного критерия.

Бессодержательность и тавтологичность этого критерия бьет в глаза. Суть вопроса лежит не в изменении направления, а в том, какое изменение направления называть циклическим, какой тип, какое качество движения считать циклом. На это Митчелл не отвечает и не может ответить по той причине, что у него нет экономического, качественного, теоретического критерия. В силу этого Митчеллу остается молчаливо и совершенно произвольно резать индексы на части и называть их циклами. Митчелл так и делает. Он изолирует сезонные колебания, а весь остаток конъюнктурных колебаний называет циклами, вне зависимости от того, каково их содержание, какими причинами они вызваны (экономическими, политическими или метеорологическими). Немудрено поэтому, что амплитуда колебания митчеллевских циклов столь широка, что, например, продолжительность американских циклов с 1878 по 1923 г. колеблется по Митчеллу от 18 месяцев до 83. Неудивительно, что в САСШ он насчитывает за этот период (продолжительностью в 44 года) 13 циклов различной величины, в то время как на самом деле их было только 7 (1878—1885, 1885—1893, 1893—1901, 1901—1907, 1907—1914, 1914—1921).

Такой широкий диапазон колебаний продолжительности циклов необходимо обязывает к выводу, что никакой закономерности в повторяемости циклов, их продолжительности, а следовательно и периодичности их нет. К этому обязывает также и точка зрения Митчелля на содержание, на причины циклических колебаний, которые являются, по его мнению, результатом всевозможных факторов, вплоть до политических, метеорологических и даже геологических (землетрясение) и патологических (эпидемий).

Если Митчеллу действительно удастся доказать отсутствие периодичности, то основная цель его работы—растворение цикла в конъюнктуре и кризиса в конъюнктурном цикле—будет достигнута.

На помощь Митчеллу приходит его второй инструмент—анналы²². Подтверждение анналами его положения об отсут-

²⁰ Митчелл, Экономические циклы, с. 342.

²¹ Там же, с. 399.

²² Анналы являются коллекцией документов, опубликованных Национальным бюро экономических исследований в 1929 г.; эта коллекция состоит из периодических изданий и памфлетов по 16 странам о состоянии конъюнктуры данной

ствии периодичности ему нужно потому, что уж очень бросается в глаза вся субъективность его выводов из индексов. Так как индексы показывают непредубежденному читателю наличие крупных, семидесятилетних примерно, колебаний и наряду с этими циклическими колебаниями и на оси последних наличие целой гаммы конъюнктурных колебаний большей и меньшей величины,—поэтому его перетасовка циклических и конъюнктурных колебаний, особенно на фоне отказа от перетасовки сезонных колебаний с остальными формами движения, кажется чрезвычайно неубедительной, субъективной и произвольной.

Вот почему ему надо обратиться к анналам. Анналы ведь собрание исторических документов. И если вы, мол, не согласны с моими выводами из индексов, то вот вам документы. Они во всяком случае объективны. Вот истинный смысл очной ставки индексов и анналов.

Мы, конечно, против исторических документов не возражаем. Мы только возражаем против того, что проделал над ними д-р Торп. «Д-р Торп, — говорит Митчелль, — составлял свое собственное мнение относительно той фазы цикла, которую данная страна переживала в течение каждого года, и кратко формулировал свое мнение в письменном виде»²³.

В результате обработки Торпа из анналов пропали кризисы и появилось неисчислимое количество циклов.

Митчелль же, оказывается, проверяет конструируемые им циклы не анналами непосредственно, а формулированным Торпом в письменной форме мнением. Какое трогательное доверие! Однако, мы верить Торпу не обязаны, тем более что имеются исторические обзоры из таких источников, которые Митчелль не сможет обвинить в пристрастии к марксизму и которые подтверждают основное марксистское положение о периодичности циклов. Укажем хотя бы на обзоры Лескюра и Тугана.

Таким образом получается у Митчелля не очная ставка статистики и истории, а очная ставка его произвольных выводов из индексов с соответственно обработанными Торпом (сиречь Митчеллем) анналами; получается очная ставка Митчелля с самим же Митчеллем. Зная цену инструментам, которыми Митчелль действует, мы можем уже перейти к результатам очной ставки индексов и анналов (см. диаграммы № 1 и 2).

II

Митчелль на основании анналов конструирует для САСШ за период 1882—1923 гг. 12 циклов. Причем между 1882 и 1895 гг., т. е. за 12 лет, Митчелль конструирует 4 цикла. Между 1895 и 1923 гг., т. е. за 27 лет, он конструирует 8 циклов. Обратимся к циклам за период 1882—1896 гг. (1882—1888, 1888—1890, 1890—1893, 1893—1896).

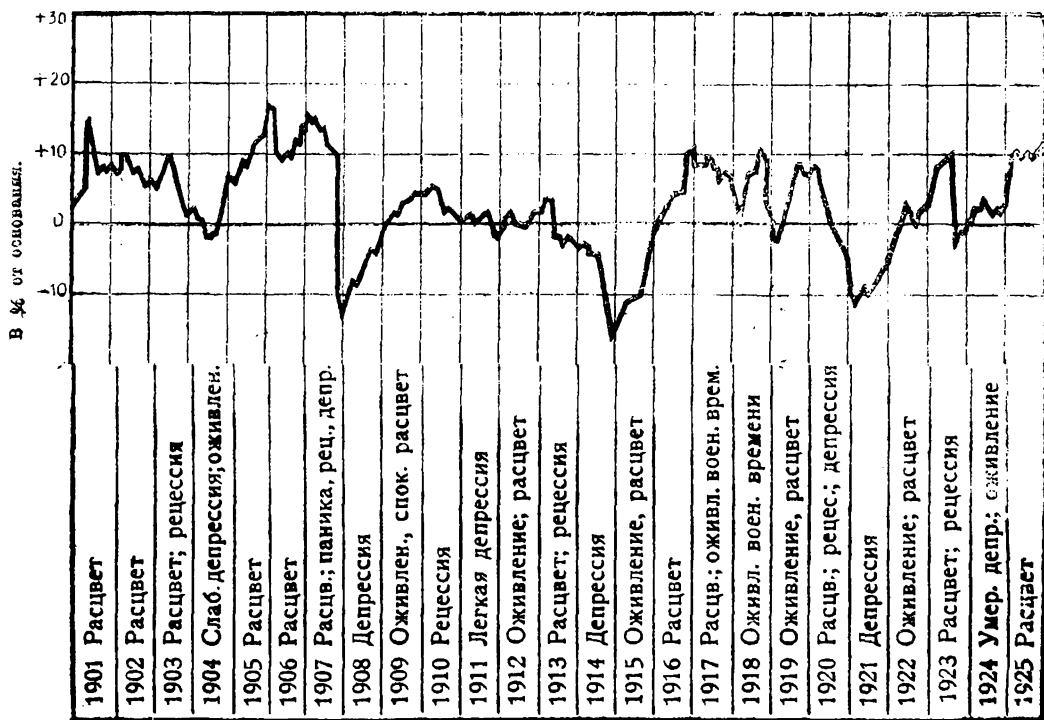
Сам Торп отмечает «слабую рецессию» в 1888 г. Что означает выражение «слабая рецессия», можно себе представить, если иметь

страны в данное время. Эти документы были обработаны Торпом. Им была составлена сводка мнений, существовавших в соответствующий период относительно состояния конъюнктуры. На основании сводки Торп составил свои выводы по годам относительно фазы цикла, которую переживала та или иная страна.

²³ Митчелль, Экономические циклы, с. 373.

ДИАГРАММА № 1 (продолжение)

Колебания конъюнктуры в САСШ по анналам и индексу Карла Снайдера за 1875—1925 гг.

По грубому техническому недосмотру Издательства и типографии пропущен текст аннотации к диаграммам. Поэтому диаграммы с текстом прилагаются вторично. Редакция.

ДИАГРАММА № 1

Колебания конъюнктуры в САСШ по анналам и индексу Карла Снайдера за 1875—1925 гг.

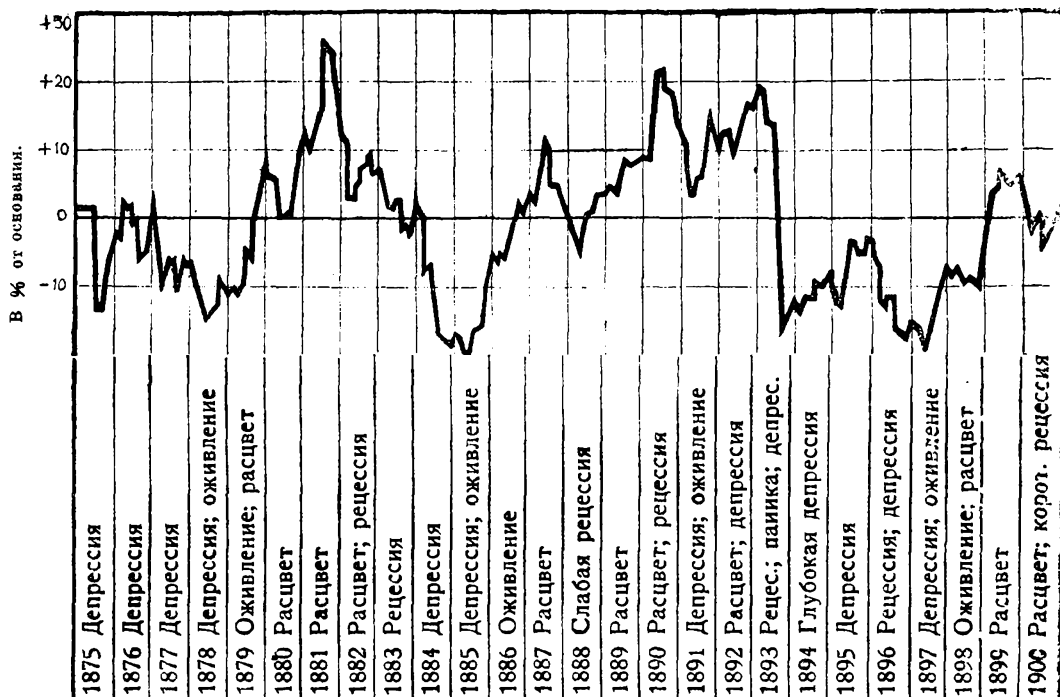

ДИАГРАММА № 2 (продолжение)

**Колебания конъюнктуры в Англии по анналам и по квартальному индексу
Британских циклов д-ра Дороти Томас за 1855—1914 гг.**

Среднее квадратич.
отклонение

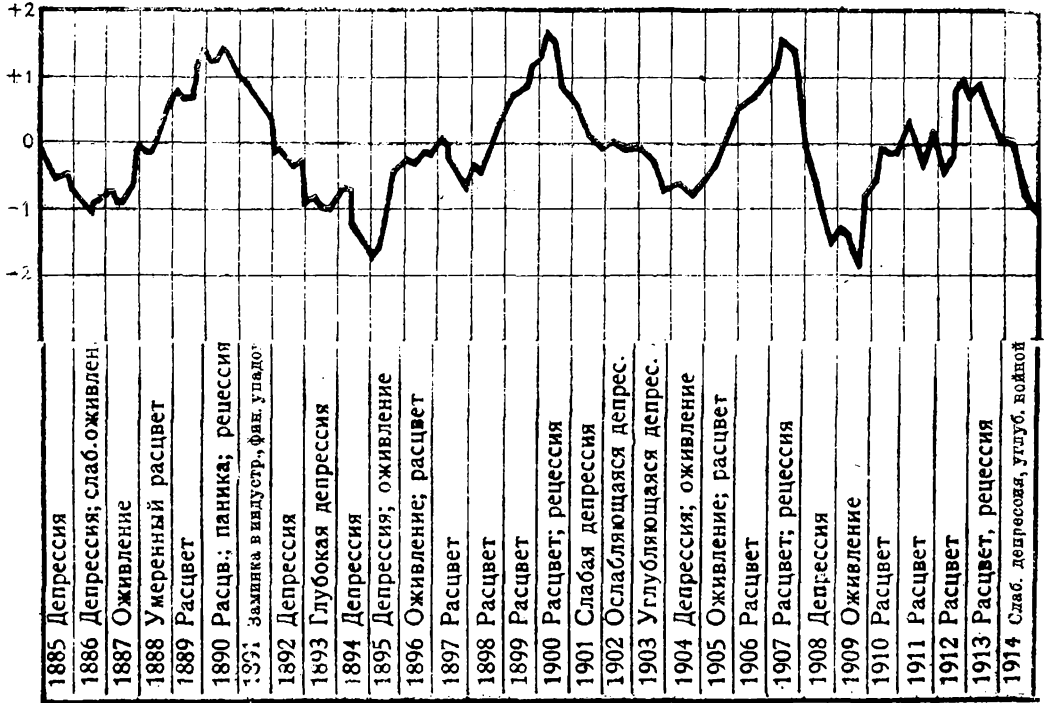
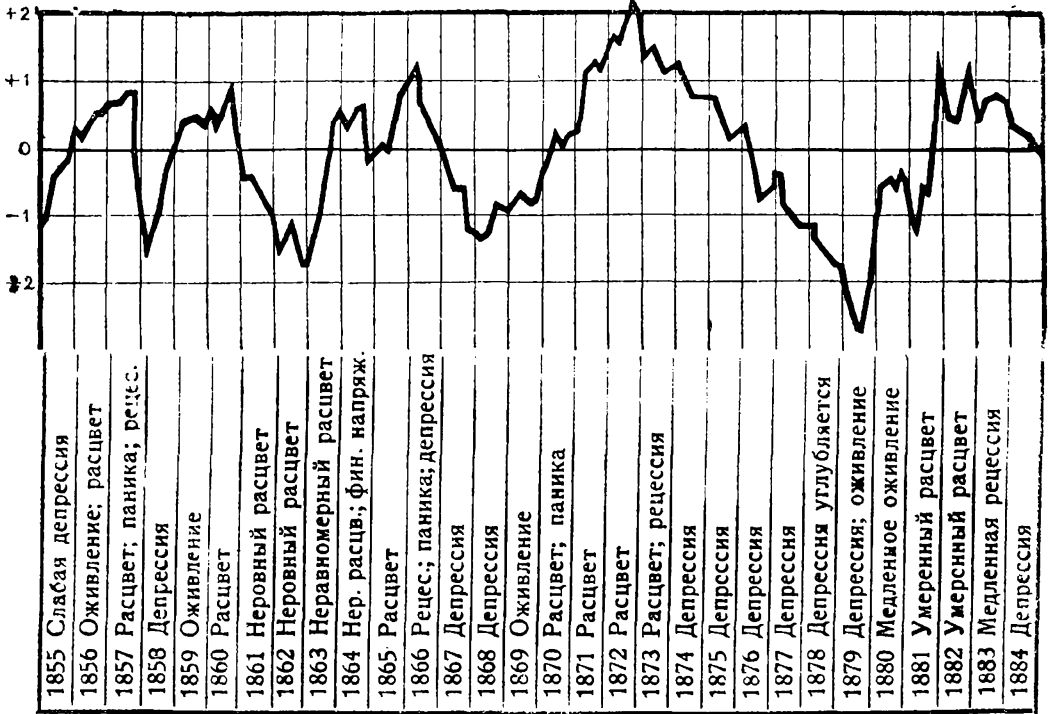

ДИАГРАММА № 2

**Колебания конъюнктуры в Англии по анналам и по квартальному индексу
Британских циклов д-ра Дороти Томас за 1855—1914 гг.**

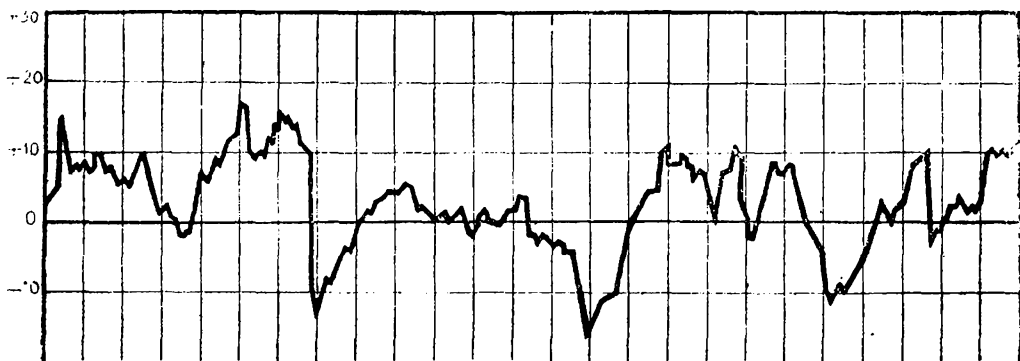
Среднее квадратич.
отклонение

в виду, что даже настоящая рецессия по его мнению не является еще кризисом, так как, когда налицо кризис, Троп прибавляет слово «паника». Таким образом «слабая рецессия» является только более или менее резким колебанием конъюнктуры внутри данного цикла. Что касается рецессии 1890 г., то здесь мы имеем в действительности дело с обычным финансовым кризисом, предшествующим промышленному кризису 1892/1893 г. Но несмотря

ДИАГРАММА № 1

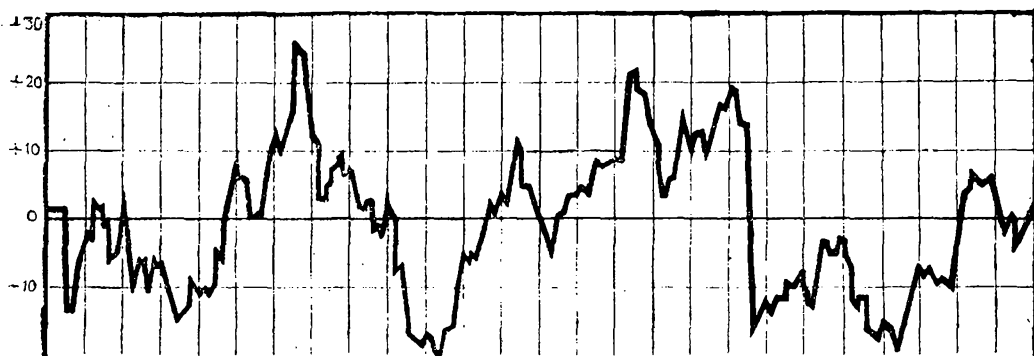
Колебания конъюнктуры в САСШ по анналам и индексу Карла Снейдера за 1875—1925 гг.

на это обстоятельство, Торп и конечно Митчелль считают период между финансовым кризисом 1890 г. и промышленным 1892/1893 г. особым циклом. В отношении «цикла 1893—1896 гг.» даже анналы Торпа не отмечают в этот период никакого подъема. На каком же основании Митчелль конструирует цикл, в котором согласно Торпу имеются только депрессия и рецессия. Ведь даже согласно

ДИАГРАММА № 1 (продолжение)

Колебания конъюнктуры в САСШ по анналам и индексу Карла Снейдера за 1875—1925 гг.

теории самого Митчелля цикл включает 4 фазы, в числе которых имеются оживление и расцвет. На самом же деле здесь имеют место только кризис и депрессия.

Так обстоит дело с его доказательством от анналов. Посмотрим теперь индексы. Стоит только сделать несколько сравнений, чтобы убедиться в том, что в 1888 г. мы имеем дело с обычным, более резким колебанием конъюнктуры на оси подъем-

ной волны, и что укорочение цикла Митчеллем предпринято с целью его растворения в конъюнктуре. Так, отклонение 1888 г. от высшей точки 1887 г., именуемой в анналах расцветом, в процентах от основания равно примерно 14—15, в то время когда обычное отклонение высших и низших точек циклической кривой в процентах от основания равно примерно 40—48 (см. отклонение высших и низших точек в 1878, 1881, 1885, 1890, 1893 гг.). Во-вторых, если Митчелль на основании отклонения кривой подъема на 14—15% конструирует цикл, то почему же он то же самое не делает, скажем, в 1879—1880 гг.?

Ведь здесь мы видим отклонение примерно на 10%. На каком же основании отклонение в 10% Митчелль не называет циклическим, а в 14% он уже называет? Более того, в 1910—1913 гг. при наличии отклонения от высшей до низшей точки всего на 4—5% Митчелль конструирует цикл. Неизбежная произвольность эмпирической конструкции циклов бросается в глаза.

В отношении цикла 1893—1896 гг. индексы отмечают обычное колебание конъюнктуры на оси депрессивной фазы. Мы сомневаемся, чтобы сам Митчелль представлял себе движение конъюнктурной кривой даже внутри фазы как движение ровное и плановое. Если мы даже исключим влияние неэкономических факторов, то и в такой теоретической кривой неизбежна целая гамма колебаний разной величины на оси циклической кривой. Так как мы имеем дело с анархической структурой капитализма²⁴, то тем более неизбежны значительные колебания эмпирической кривой, из которой не исключен хотя бы такой фактор, как движение урожая.

Перейдем к индексам и анналам «циклов» 1896—1923 гг. (1896—1900, 1900—1903, 1903—1907, 1907—1910, 1910—1913, 1913—1918, 1918—1920, 1920—1923). При беспристрастном чтении индексов можно установить, что «цикл» 1896—1900 гг. на самом деле включает только фазу подъема. В 1903 г. имело место только финансовое напряжение. Рецессия 1910 г. в индексах едва заметна. Отклонение всего на 4—5%, т. е. налицо обычные конъюнктурные колебания. Рецессию 1918 г. сам Митчелль связывает с заключением перемирия в ноябре. Рецессия 1923 г. является обычным, более резким колебанием конъюнктуры.

Так обстоит дело с митчеллевскими укороченными, бескризисными циклами. Основанием для их конструкции являются либо общие конъюнктурные колебания, либо финансовый кризис. Митчелль обрывает цикл на любом заметном колебании конъюнктуры, на любом финансовом напряжении.

Таким образом, даже 1) освобождая Митчелля от экономического обоснования, 2) подходя с точки зрения «высшей ступени познаний», сиречь «аналитического описания и математического оформления», 3) исходя из реальных циклов реальной жизни, из эмпирической кривой, где пертурбационные обстоятельства оказываются постоянно налицо, 4) проявляя некоторое доверие к анналам Торпа и принимая без критики индекс Карла Снайдера,—мы все-таки не находим основания для митчеллевских циклов.

Что же мы вычитали из индексов?

²⁴ В дальнейшем мы подробнее остановимся на природе этих колебаний.

1. Мы отчетливо наблюдаем не 13 циклов, а 7 циклических волн продолжительностью в 7—8 лет, а именно: 1878—1885, 1885—1893, 1893—1900, 1900—1907, 1907—1914, 1914—1921—и наконец последняя циклическая волна, которой нет целиком на диаграмме, относится к периоду 1921—1929 гг.

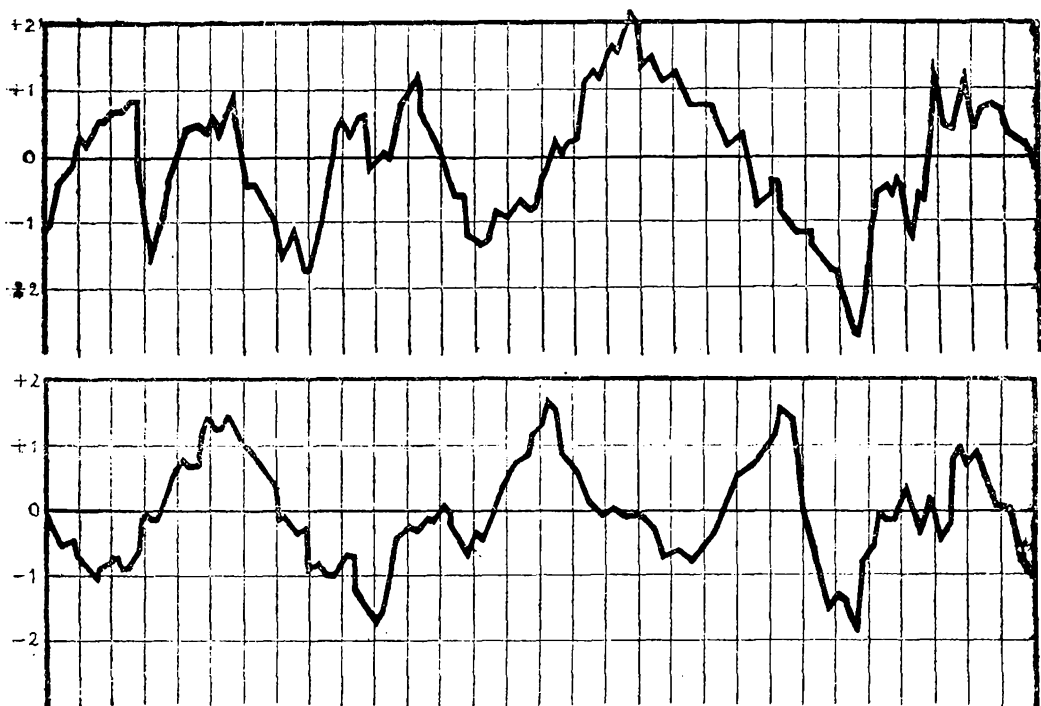
2. Мы отчетливо видим ряд вторичных колебаний на оси циклической волны, с одной стороны, едва заметных и, с другой—более резких, беспорядочных колебаний с амплитудой от 1 до 3 лет. Но эти колебания все же не нарушают циклическую фигуру.

3. Наиболее резкие и длительные колебания являются обычно финансовым кризисом, сопровождающим цикл (колебания 1890, 1896, 1903 гг.), или результатом пертурбационных факторов.

ДИАГРАММА № 2

Колебания конъюнктуры в Англии по анналам и по квартальному индексу британских циклов д-ра Дороти Томаса за 1855—1914 гг.

Среднее квадратич. отклонение.

4. Мы отчетливо видим как беспорядочные конъюнктурные колебания, так и закономерно-периодические. Но так как мы имеем дело не с теоретической, а с эмпирической кривой, то не может быть и речи о математической точности закономерной периодики. Таковая может быть только приближенной. Явления процесса воспроизводства *in concreto*, в первую очередь движения урожаев и политические факторы, затемняют циклическую фигуру (это особенно применимо к нечеткому проявлению цикла 1900—1907 гг.).

Так обстоит дело с митчеллевой конструкцией американских циклов. Перейдем сейчас к английским индексам и анналам (см. диагр. № 2).

Индекс Дороти отмечает в 1861—1862 гг. глубокое падение. На самом деле мы имеем здесь не перепроизводство, а недопроизводство в результате недостатка хлопка, вызванного американо-американской гражданской войной, а т. к. в этот период хлопчатобумажная промышленность играла очень большую роль в английском производстве, то индекс отмечает глубокое падение. Характерно, что анналы в этот период отмечают «неровный расцвет». В остальном индекс Дороти показывает не митчеллевы, а марксовы циклы. Индекс показывает отчетливо с 1857—1914 гг. 7 циклических волн, а именно: 1857—1866, 1866—1873, 1873—1883, 1883—1890, 1890—1900, 1900—1907, 1907—1914.

Но Митчелль, для того чтобы доказать отсутствие периодичности, продельывает следующий кунштштюк. Он на основе только торповских анналов присоединяет к циклам классического капитализма, с одной стороны, «доисторические циклы», а с другой стороны, колебания конъюнктуры военного времени. Перетасовав конъюнктурные колебания военного времени и непериодические кризисы докапиталистического периода, он получает с 1793 по 1857 гг., т. е. за 64 года, 13 циклов, а с 1913 по 1920 г., т. е. за 7 лет, 2 цикла. Итого 15 циклов. Перетасовав затем эти 15 циклов с 7 действительными классическими циклами, отмечаемыми индексом Дороти, он получает всего 22 цикла с продолжительностью от 2 до 10 лет. Таким путем удается доказать отсутствие периодичности. Анналы Торпа выручают Митчелля там, где индексы совершенно и безусловно отказываются ему служить. Как видно, чтобы растворить цикл в конъюнктурных колебаниях, очная ставка анналов и индексов не может выручить. Индексы сплошь да рядом подводят торповские анналы. Оно и понятно, ибо как-никак, но индексы ведь фиксируют факты, анналы же выражают мнение Торпа. По этой причине Митчеллю пришлось для отрицания периодичности отказаться от очной ставки индексов и анналов, пользуясь однако анналами для того, чтобы компрометировать выводы, которые напрашиваются из индексов. Вот почему Митчелль уходит в глубь истории, которая в индексах не зафиксирована. Здесь ему открывается полный простор.

Точно так же по тем странам, где индексов за более или менее продолжительное время нет, Митчелль себя чувствует в анналах Торпа совсем привольно. Ведь он здесь имеет дело не с фактами, а с мнением Торпа. Тут циклотворчество поэтому достигает своего апогея. Приведем в пример хотя бы Россию.

В России Торп, а вместе с ним и Митчелль находят за период 1891—1925 гг. 7 циклов, а их продолжительность идет в какой-то мистической прогрессии: 2 года (1923—1925 гг.), 3 года (1914—1917 гг.), 4 года (1904—1908 гг.), 5 лет (1899—1904 гг.), 6 лет (1908—1914 гг.), 7 лет (1917—1923 гг.) и 8 лет (1891—1899 гг.).

Нечего и доказывать, что более или менее действительными являются только два цикла, и то неверно обозначенные, а именно: 1893—1903 гг. и 1908—1914 гг. Что касается остальных циклов, то они—продукт воображения Торпа, т. к. цикл, начавшийся в начале 1904 г., был нарушен войной и революцией, а начиная с 1914 г. никаких экономических циклов у нас быть не могло, т. к. они были нарушены войной империалистической и гражданской.

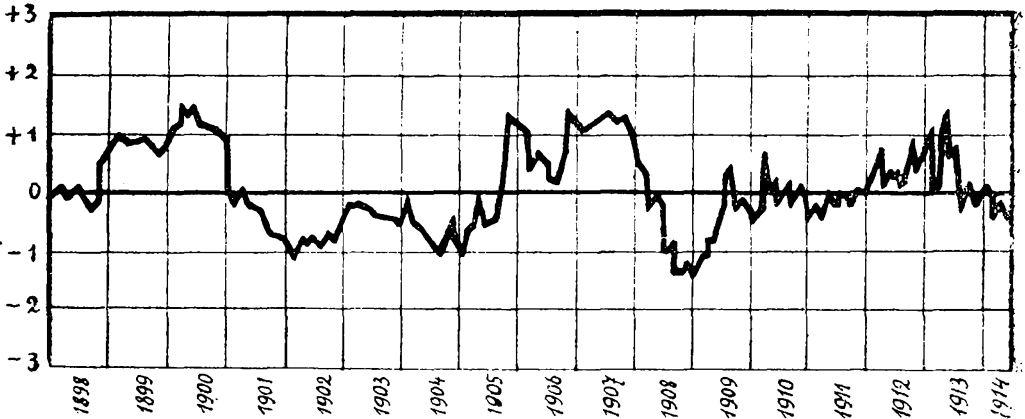
Нечего говорить также и о советских циклах 1917—1923 и 1923—1925 гг.

Чрезвычайно характерно, что Митчелль для установления германских циклов пользуется только торповскими анналами и отказывается от сопоставления их с индексами Экса и Флинна (см. диаграмму № 3).

ДИАГРАММА № 3

„Индекс общей хозяйственной конъюнктуры Германии“ Экса и Флинна. Объем хозяйственной деятельности. Месячные данные за 1898—1914 гг.

Средн. квадратич. отклонения

Согласно индексу Экса и Флинна с начала 1900 г. по 1913 г. имело место два цикла, а вот по Торпу мы имеем за этот период 3 цикла: 1900—1904 гг., 1904—1907 гг. и 1907—1913 гг.

III

Натворив чортову дюжину циклов, растворив цикл в конъюнктурных колебаниях и тем «доказав» отсутствие периодичности Митчелль должен оглянуться вокруг себя и посмотреть, не выплеснул ли он вместе с водой и ребенка, не потерял ли он вообще цикл.

В самом деле, если нет периодичности в конъюнктурных колебаниях, если все конъюнктурные колебания беспорядочны, то можно ли говорить о цикличности колебаний конъюнктуры. Перед Митчеллем таким образом встает очень трудная задача: с одной стороны, отрицать структурный, капиталистический цикл, конститутивным моментом которого является закономерная периодика, и с другой стороны, одновременно сохранить цикл (как-никак, но этого до сих пор почти никто не отрицал). Так как экономически обосновать это положение он не может, то Митчелль вынужден протянуть руку помощи к естественным наукам. Они должны его выручить.

На конференции представителей различных наук, созванной в 1922 г., было принято определение цикла, данное д-ром Clements'ом, определение, применимое с точки зрения конференции к метеорологии, геологии, палеонтологии, астрономии, географии и... политэкономии. Суть этого определения сводится к тому, что под

циклом понимают «повторение различных фаз положительных и отрицательных отклонений, доступных измерению»²⁵.

Это определение Митчелль применяет к политической экономике. Он говорит: «Так как анналы обнаруживают с совершенной очевидностью повторяемость различных фаз хозяйственной деятельности и так как эта повторяемость поддается измерению, то в силу этого, следуя примеру других дисциплин, мы можем с полным правом употреблять термин «циклы» в отношении к колебаниям конъюнктуры»²⁶.

Как видно, 1) Митчелль непосредственно переносит естественнонаучное понятие цикла как «положительных и отрицательных отклонений от уровня равновесия» в политэкономию (между прочим, сам Митчелль в другом месте—с. 191—192—отрицает понятие механического равновесия в применении к политэкономии, заменяя его понятием балансового равновесия); 2) понятие цикла сводится к «повторяемости фаз, поддающихся измерению», а следовательно отсутствует периодичность. Но если экономический цикл сводится только к «повторяемости фаз подъема и понижения», то естественно «употребление термина «циклы» к колебаниям конъюнктуры». Таким образом естественные науки «выручили» Митчелля. Они дали ему возможность отождествить конъюнктурные колебания с циклом. С помощью естественных наук он отрицает периодичность и тем кастрирует структурный капиталистический цикл. Но всего этого он достиг очень дорогой ценой, ценой отказа от экономического понятия цикла, ценой замены экономического понятия цикла сомнительным²⁷ естественнонаучным понятием. Но даже при предположении о применимости этого бессодержательного понятия цикла, из которого выключен периодический тип движения, к явлениям естественным возникает вопрос, каковы экономические основания для применения этого бесхребетного понятия цикла к экономическим явлениям. Где основание для растворения специфической закономерности социальных и экономических явлений в ложно понятых закономерностях природы?

Митчелль отказался от экономической теории цикла. И прав был Ирвинг Фишер, который ставит своему коллеге по мировоззрению, Митчеллю, вопрос, «не является ли вообще экономический цикл мифом..? Если под экономическим циклом понимать лишь тот статистический факт, что конъюнктура колеблется вверх и вниз по сравнению со своим средним уровнем, то тогда не приходится отрицать существования цикла не только в конъюнктуре, но и в любых иных статистических рядах. Если для того, чтобы показать общее движение населения, мы проведем плавную кривую, то фактическое движение населения должно быть обязательно иногда несколько выше, а иногда несколько

²⁵ Митчелль, Экономические циклы, с. 388.

²⁶ Там же.

²⁷ Сомнительным потому, что в природе мы наблюдаем наряду с непериодическим также периодический тип движения (день и ночь, изменение времен года). Поэтому мы считаем недопустимым растворять периодический тип движения во втором, непериодическом типе. В бессодержательном понятии повторяемости отклонений растворяется специфически циклический тип движения. Это фактически означает, что наиболее адекватный понятию цикла тип движения произвольно выбрасывается.

ниже этой средней линии уровня... Подобным же образом... колеблются и шансы игры в Монте-Карло. Не следует ли из этого, что мы должны говорить о «цикле» движения населения, или о цикле «в Монте-Карло?»²⁸ На это Митчелль отвечает: «Я не вижу никаких иных оснований, чтобы признавать экономический цикл. Он представляет простое колебание ряда около своей собственной средней. Однако идее цикла приписывается более богатое содержание, чем простая изменчивость. Эта идея предполагает регулярную последовательность сходных колебаний, обладающих тем или иным видом повторяемости»²⁹.

А шансы игры в Монте-Карло не обнаруживают «сходных» колебаний? Разве они не обладают тем или иным видом «повторяемости» (а закон вероятностей и больших чисел)? «Повторяемость» Митчелля не выручит. Его цикл остается монте-карловским, если он из понятия цикла исключает закономерную периодичность. Включить же этот момент Митчелль не может, если он не хочет отказаться от своей теории цикла. Вот почему он так цепко держится за «повторяемость» или «изменение направления».

IV

Покончив с «низшей ступенью познания», теоретической аргументацией, Митчелль поднимается опять в родную стихию «аналитического описания и математического оформления». Ему предстоит теперь эмпирически доказать, что, несмотря на отрицание периодичности, циклу свойственна известная эмпирическая закономерная продолжительность. Ему это нужно для того, чтобы оставить хоть тень закономерности цикла, ибо в противном случае какой смысл имеет разговор о цикличности.

Для этой цели он поправляет временные ряды рядами распределения, сотворенную им историю с бесчисленным количеством циклов он поправляет статистической кривой их распределения. Арифметическая средняя и мода должны ему помочь. Они должны установить эмпирическую закономерность продолжительности циклов.

Растворив цикл в конъюнктурных колебаниях, Митчелль складывает конъюнктурные колебания от одного года и выше, выводит арифметическую среднюю, квадратические отклонения и коэффициент вариации. А выстраивая все колебания в ряд, он получает моду. Она правда менее точна, но зато она показывает наиболее вероятную продолжительность (см. диагр. 4 и 5-ю). На основе кривой распределения полученных им мод и арифметических средних, Митчелль делает следующие выводы: 1) что его данные оказались «фатальными для гипотезы периодичности»; 2) однако «намеком на правильность является, если мы откажемся от хронологической последовательности и расположим наши данные в форме таблицы распределения. И эта правильность выявляется все отчетливее по мере того, как увеличивается количество данных»; 3) средняя продолжительность американских циклов составляет 3—4 года, а для циклов других стран 4—5 лет. Кривая распределения по Америке показывает явно выраженную моду в 3 года, по другим странам в 3—4 года; 4) существуют ве-

²⁸ Митчелль, Экономические циклы, с. 478.

²⁹ Там же.

новые изменения продолжительности циклов, однако их трудно установить; 5) так как кривые распределения поддаются выравниванию при помощи логарифмической, нормальной кривой Гаусса, то «мы заключаем, что, подобно различным биологическим и социальным явлениям, распределение которых достаточно хорошо описывается нормальной кривой той или иной формы, продолжительность экономических циклов может рассматриваться, как результат множества факторов, в общем независимых друг от друга»³⁰.

Наши выводы из митчеллевской кривой распределения «циклов» целиком расходятся с его выводами:

1. Кривая распределения оказалась фатальной для гипотезы периодичности по той простой причине, что это—кривая, в которой перетасованы конъюнктурные колебания и циклы, колебания от одного года и выше. Прежде чем делать выводы и вообще строить кривую, надо было найти ее экономический эквивалент, надо было доказать, что все колебания от одного года и выше являются циклическими. Без этого доказательства выводы Митчелля из кривой так же произвольны, как произвольна и сама кривая (составленная без экономического критерия).

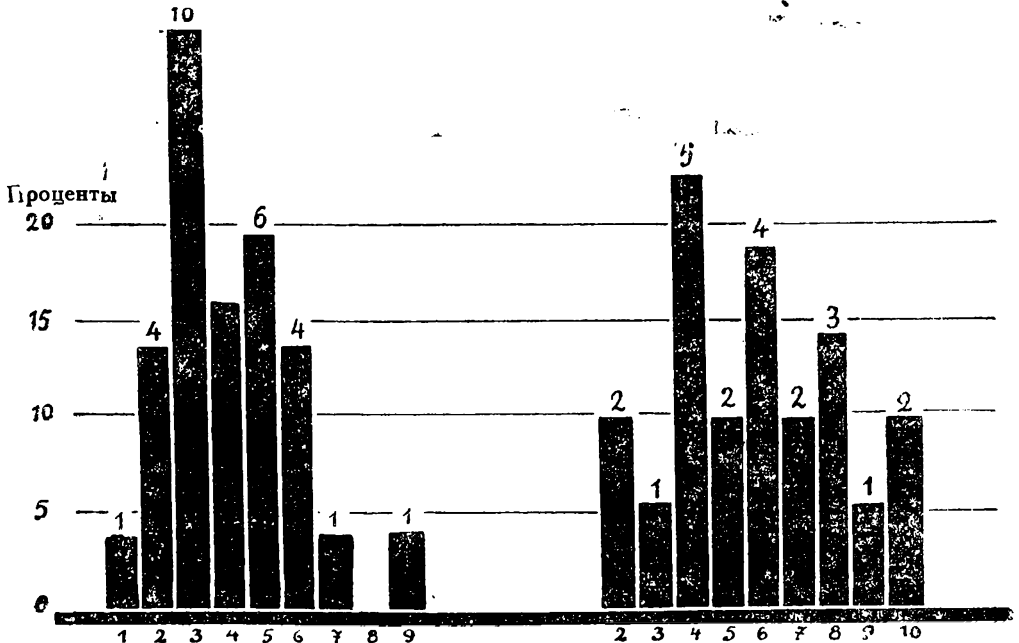
2. Отказавшись от экономического обоснования кривой, спутав вместе все колебания от одного года и выше, уже легко получить 3—4-летний цикл.

ДИАГРАММА № 4

Процентное распределение эконом. циклов по их продолжительности в годах по Англии и Америке

С. Штаты. 1796—1923 г. 32 цикла.
Средн. продолжит.—4,0 года. Средн.
квадратическое отклонение—1,7 г. Коэф-
фициент вариации 42%

Англия 1793—1920, 22 цикла. Сред-
няя продолжит.—5,8 г. Среднее квадр-
тическое отклонение—2,3 г. Коэффи-
циент вариации—39%

³⁰ Митчелль, Экономические циклы, с. 432.

Мода потому показывает 3—4, а не 7—10 лет, что по своей природе всякая модальная величина (полученная в результате сложения всех колебаний от одного года и выше) всегда выражает наибольшее количество случаев. А так как чем больше во времени колебательная волна кривой, тем меньше в данное же время количество этих колебаний, и наоборот, то мода всегда будет выражать колебания меньшей амплитуды по той причине, что количество этих колебаний в данное время больше. Вот почему мода не может показывать при построении ряда от 1 до 11 лет—структурный капиталистический цикл. Если бы Митчелль включил в кривую и сезонные колебания, то мода безусловно показала бы не 3—4 года, а 3—6 месяцев. Причем мы бы обязательно имели двойные и тройные моды по количеству сезонов. Если на протяжении 10 лет цикл давал бы единицу, то сезонные колебания давали бы 10, умноженное на количество сезонов.

С нашей точки зрения кривая распределения показывает только следующее: если мы отвлечемся от качественного различия форм капиталистической динамики и построим кривую распределения всех колебаний, из которой исключены сезонные колебания, то наибольшую частоту дадут колебания в 3—4 года и близко подходят к моде колебания в 2, 5, 6 и 7 лет.

Чем однако объясняется такое распределение кривой и почему в частности мода показывает 3 года, а не 2 или 1 год? Ведь чем меньше амплитуда колебаний кривой в данное время, тем больше их количество.

Это находит свое объяснение как в природе митчеллевой кривой, так и в экономической природе конъюнктурных колебаний:

а) Так как Митчелль изолирует колебания до 1 года, то годовые колебания должны быть очень слабо отражены кривой.

б) Двухгодичные колебания показывают, как и 5—6—7-летние, большую частоту, недалеко отстающую от моды. Это объясняется тем, что Митчелль обычно обрывает цикл на финансовом кризисе, предшествующем часто на 2 года промышленному кризису. Поэтому 7—10-летний цикл находит свое отражение в кривой в значительном количестве 2-летних и 5—6—7-летних циклов (характерно совпадение количества колебаний 2 и 6-летних по Америке, 2, 5 и 7-летних колебаний по Англии) (см. диаграмму № 1).

в) Наибольшую частоту дают колебания в 3—4 года потому, что Митчелль, пользуясь тем обстоятельством, что обычно в середине цикла бывает одно или два более резких колебаний конъюнктуры, рвет цикл на две, три части. Митчелль сам говорит, «что интервалы между кризисами в действительности содержат две, а иногда три смены периодов расцвета и депрессий»³¹. Вот почему мода показывает 3—4 года.

3. Что касается арифметической средней, то в основном все то, что мы говорили о моде, применимо и к ней. И средняя, составленная из колебаний различной амплитуды, в которой каждое колебание приравнено к единице (что должно обозначать один цикл), должна дать результаты близкие к моде, так как коле-

³¹ Митчелль, Экономические циклы, с. 465.

бания меньшей амплитуды в силу их большего количества случаев определяют среднюю. Различие состоит только в том, что колебательные волны продолжительностью от 3 до 11 лет оказываются по количеству больше, чем сумма колебаний от 1 до 3 лет, поэтому первые своим удельным весом повышают средние выше моды. Вот почему мода показывает 3—4, а средняя 4—5 лет.

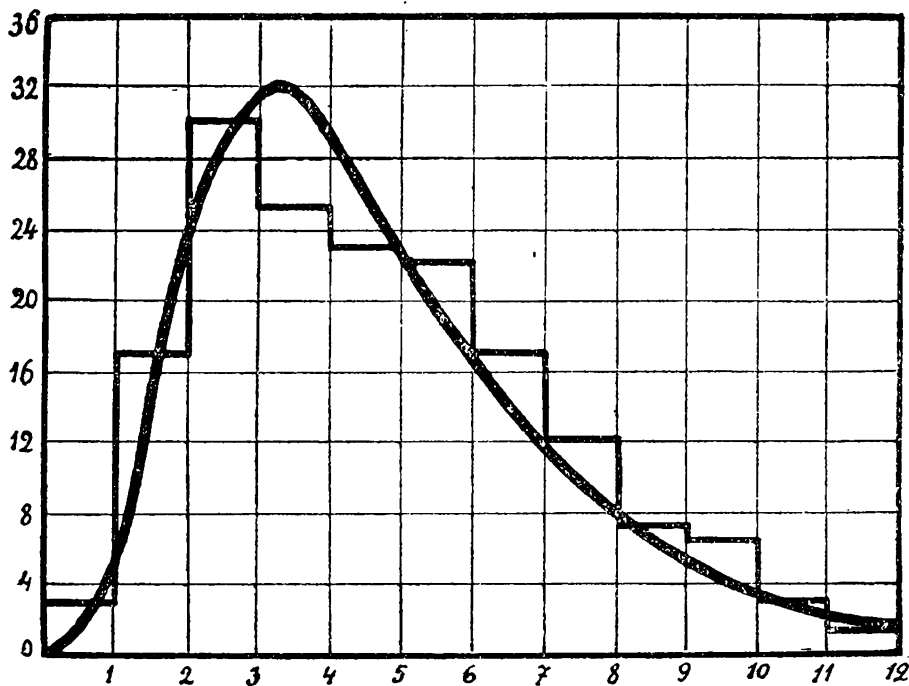
Таким образом 3—4-летние циклы—продукт торповско-митчеллевского творчества, а не реальные факты.

4. Все, что мы сказали в предыдущем пункте относительно характера распределения кривой, нам объясняет причину близкого совпадения логарифмической кривой Гаусса с эмпирической кривой Митчелля (см. диаграмму № 5).

Эта кривая в силу указанных выше причин должна показать наименьшую частоту и близкое совпадение количества наиболее крайних по продолжительности конъюнктурных колебаний,

ДИАГРАММА № 5

Логарифмическая нормальная кривая, подобранная при помощи метода Дависа к распределению 166 показаний о продолжительности экономических циклов (продолжительность в годах)

колебаний годовых и циклических: 7—10. Наибольшую частоту должны дать колебания 3—4-летние и недалеко отстоящую от моды частоту должны дать, с одной стороны, колебания 2-летние, а с другой, 5—6—7-летние. Это близкое совпадение логарифмической кривой Гаусса с эмпирической кривой Митчелля свидетельствует не о том, что цикл является результатом множества факторов, как думает Митчелль, а о том, что митчеллевские циклы потому поддаются выравниванию кривой Гаусса, что его циклы, выраженные в кривой, являются в действительности конъюнктурными колебаниями и постольку являются результатом множества факторов.

5. Что касается вековых изменений в продолжительности циклов, то таковые безусловно имеют место, но их Митчелль своим методом конструкции циклов не найдет. Например в САСШ Митчелль дает такое изменение во времени: для 1796—1822 гг.—5,21 г., для 1822—1860 гг.—3,5 года, для 1860—1888 г.—5,5 года, а для 1888—1923 гг.—3,2 года. Не мудрено, что этот факт делает затруднительным для Митчелля нахождение вековых тенденций.

Митчелль нам еще раз блестяще подтвердил правильность известного уже положения о том, что числа сами по себе не освещают путь, а только запутывают, и поэтому выводы из них являются произвольными.

VI

Закончив анализ индексов и торповских анналов, Митчелль переходит к выводам. Теперь он уже может выстроить в ряд все три колонны: анналы, индексы и теории, и после их очной ставки конструировать окончательное понятие циклов.

Анналы: «Итак,—говорит Митчелль,—построение понятия экономических циклов на основе текущих обзоров конъюнктуры мы начали с установления основного факта—наличия ритмичности колебания конъюнктуры. К этому мы присоединили, что такие колебания присущи народному хозяйству стран, организованных на основе денежного хозяйства, что они следуют друг за другом непрерывно (конъюнктурные колебания следуют непрерывно, но не циклические, так как под влиянием пертурбационных факторов происходит нарушение цикла, перерыв—И. Д.), что они находятся под воздействием различных факторов неэкономического порядка (только конъюнктурные колебания могут быть отчасти объяснены неэкономическими факторами, но отнюдь не циклы—И. Д.), что они представляют скорее преобладающий, чем универсальный, тип изменений (конъюнктурные колебания по количеству являются преобладающим типом колебаний, но отнюдь не циклы—И. Д.)»³².

Митчелль таким образом, исходя из творчества Торпа, ведет фактически речь о конъюнктурных колебаниях, а думает однако, что имеет дело с циклами. Митчелль здесь достаточно ясно расшифровал существо своих циклов, и нам ничего не остается прибавить к тому, что сказал о них сам Митчелль.

Теории. Митчелль соглашается со всеми теориями. Однако, «в двух пунктах,—говорит Митчелль,—большинство теорий экономических циклов расходятся с понятием, развитым на основе обзоров конъюнктуры: 1) большинство теоретиков считает кризисы за одну из фаз цикла; 2) считая за циклы интервалы между кризисами, большинство теоретиков устанавливает продолжительность таких циклов вдвое большую, чем та, которую в качестве типичной применяем мы»³³. Итак оказывается, что митчеллевская теория не выдержала испытания не только при сопоставлении с индексами и действительной историей (а не торповской—И. Д.), но и с теориями, которые он оптом принимает. Получается любопытнейшая картина: Митчелль принимает все теории цикла, но отвергает их циклы.

³² Митчелль, Экономические циклы, с. 471.

³³ Там же, с. 474.

Статистика. Высшей ступенью познания у Митчелля, как известно, является «аналитическое описание и математическое оформление», поэтому Митчелль говорит: «статистическим анализом можно пользоваться для проверки тех элементов нашего понятия, которые были установлены на основе анналов. Такая проверка подтверждает с еще большей определенностью тот взгляд, что экономические циклы идут непрерывно» (стоит посмотреть на любые индексы военного времени, как сразу бросается в глаза нарушенная цикличность—*И. Д.*); 2) «что они изменяются по продолжительности и интенсивности» (что все движется, все меняется, сказал еще древний Зенон. Но вот относительно типа и тенденции этих изменений Митчелль ничего нам сказать не может—*И. Д.*); 3) «что синхронные колебания в различных странах обнаруживают тенденцию строиться по одной и той же схеме» (тенденция к синхронизации колебаний естественна в хозяйстве мировом, но что эти колебания строятся по одной и той же схеме, т. е. по митчеллевской кривой распределения, вытекает не из теоретически установленной Митчеллем закономерности, а из соответственно построенной им кривой—*И. Д.*); 4) «что ход конъюнктуры меняется под влиянием факторов неэкономического происхождения»³⁴.

Неужели для получения нескольких тривиальных истин, что конъюнктурные колебания непрерывны, изменяются, схожи по странам и находятся под влиянием неэкономических факторов, надо было столько трудиться? Единственное объяснение столь кропотливому труду Митчелля мы находим в том, что это оказываются по Митчеллю не конъюнктурные колебания, а циклы. Об этом он окончательно декретирует в своем окончательном «синтетическом» определении циклов.

«Экономические циклы,—говорит Митчелль,—могут быть смешиваемы (разрядка наша—*И. Д.*) со следующими движениями: 1) с изменением конъюнктуры, происходящим между кризисами (т. е. с действительными циклами—*И. Д.*); 2) с колебаниями, которые охватывают узкую область хозяйственной деятельности общества; 3) с колебаниями, которые повторяются ежегодно (т. е. seasonal variation);

4) с менее определенно выявленными вторичными уровнями и длинными волнами (Митчелль здесь имеет в виду кондратьевские большие циклы и вторичные уровни д-ра Кузнеця—*И. Д.*). От первого вида перечисленных колебаний экономические циклы отличаются тем, что каждый цикл включает в себя лишь одну волну подъема и падения, в то время когда интервалы между «кризисами» часто включают две, иногда три такие волны; от второго вида колебаний экономические циклы отличаются своей большей широтой и объемлющим характером. От третьего они отличаются тем, что повторяются не ежегодно. От четвертого они отличаются меньшей продолжительностью» (везде разрядка наша—*И. Д.*).

«На основании этого анализа мы выявили как родовые, так и видовые признаки циклов. Экономические циклы представляют собою повторяющиеся подъемы и упадки, проявляющиеся в большинстве экономических процессов общества с достаточно разви-

³⁴ Митчелль, Экономические циклы, с. 475.

той системой денежного хозяйства, неразложимые на какие-либо иные волны, с амплитудой, приблизительно равной их собственной амплитуде, и продолжающиеся в странах, стоящих на различных стадиях экономического развития, в среднем от 3—7 лет»³⁵.

Вот генеральное, сначала негативное, а потом и позитивное определение цикла Митчеллем.

Как бы мы ни старались из определения Митчелля найти то специфическое, что характеризует качественно цикл и отличает его от других видов колебания конъюнктуры, мы этого не найдем.

«Повторяющееся движение кривой вверх и вниз» характерно для всех видов конъюнктурных колебаний и не только капиталистического хозяйства, но и «просто денежного хозяйства». Если цикл «неразложим на какие-либо иные волны», то он представляет собою просто всякое уловимое первичное колебание конъюнктуры. Поэтому понятно, что митчеллевские циклы «могут быть смешиваемы», по словам самого Митчелля, со всевозможными видами колебаний, так как качественного различия между его циклами и другими видами колебаний он не дает.

Отказавшись от качественного, экономического анализа, Митчелль вынужден конструировать свое понятие цикла статистически, количественно. По этой причине он отличие своего цикла ищет в том, 1) что его цикл во времени равен одной волне; 2) что его цикл охватывает большее пространство, чем другие колебания, т. е. все народное хозяйство; 3) что его цикл повторяется в течение периода «большого», чем год, «не ежегодно»; 4) что его цикл «менее продолжителен», чем длинные волны и вторичные уровни.

Как видно, митчеллевский цикл, по собственному определению автора, отличается только количественно от других видов колебаний. Но «определенное количество, — говорит Гегель, — поскольку оно принимается за безразличную границу, есть та сторона, с которой существование подвергается неожиданному нападению и подрывается в корне»³⁶.

И в самом деле, существование цикла подорвано в корне, раз Митчелль подходит количественно к его определению. «Количество — говорит Гегель, — есть бытие, возвращенное в себя так, что оно есть простое равенство с собою, как безразличное относительно определений»³⁷.

Количественное определение цикла по Гегелю не есть определение. Поэтому митчеллевское разграничение циклов от других видов колебания не имеет под собою экономической почвы. Оно произвольно.

Итак, Митчелль, сведя качественно различные формы движения к бессодержательному количеству, тем самым, вопреки его собственному утверждению, имеет дело не с циклами, а с колебаниями конъюнктуры. Митчелль растворил цикл в конъюнктуре. У Митчелля теории циклов нет.

(Продолжение следует)

³⁵ Митчелль, Экономические циклы, с. 481.

³⁶ Гегель, Логика, ч. 1, „Мера“, с. 407.

³⁷ Там же, с. 224.

А. ПЕРИМОВ и В. БЫСТРИЦКИЙ

■

К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ ТЕОРИИ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ ¹

1. СОВЕТСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

Теперь уже стала совершенно бесспорной та истина, что советская экономика является единством противоположностей. Должно быть бесспорным также и то, что выведение основных законов ее развития должно базироваться на исследовании производственных отношений хозяйства переходного периода.

Как известно, Ленин впервые дал законченную характеристику экономической природы советского хозяйства в 1918 г. в своей статье. «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». Именно здесь, хотя и не только здесь, Ленин определяет наше хозяйство как единство противоположностей.

Ленин, раскрывая в нашей единой экономической системе противоположности, «противоречивые части» ее, тем самым дает основу, на которой только и можно понять тенденцию развития, взаимодействия частей, внутренние законы ее движения.

Подобно тому как вообще «тождество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе)» ² так и определение природы нашей экономики как единства различных укладов образует основу для выведения определяющей тенденции ее развития.

Все «законы» и «теории», сконструированные идеологами правого и левого уклонов, явились результатом полного непонимания ленинского учения о переходном хозяйстве, в частности его учения о переходной экономике как единстве противоположностей.

Непонимание основного закона диалектики, закона единства противоположностей, характеризует как экономическую теорию троцкизма, так и экономическую теорию правого оппортунизма.

Е. Преображенский, рассматривавший советское хозяйство как механическую совокупность различных систем, видел в нем только противоречия, не замечая единства. Правые фиксируют свое внимание на другом моменте действительности, видят только единство, не замечая различий, противоречий; если же последние и отмечают, то характер их понимается недиалектически. Развивая например теорию равновесия, Бухарин говорит и о противо-

¹ В порядке обсуждения.

² XII „Ленинский сборник“, с. 323.

речиях, но они понимаются им по-дюринговски, в смысле «столкновения сил»³.

Обе эти точки зрения характерны своим недиалектическим подходом к исследованию советского хозяйства, своими рассуждениями формально-логического порядка. Их методология полностью укладывается в метафизическую формулу «или-или»: или различие или единство.

Этот способ мышления высмеял еще в 1847 г. Маркс в статье «Морализирующая критика и критицирующая мораль»: «Там,—говорит Маркс относительно К. Гейнцена,—где ему удастся заметить различия, он не видит единства, а там, где он видит единство, он не замечает различия. Когда он устанавливает различающие определения, они тотчас же окаменевают у него под руками, и он видит самую вредную схоластику в стремлении так столкнуть между собой эти отверделые понятия, чтобы они вспыхнули огнем»⁴ (разрядка подлинника—А. П. и В. Б.).

Так как и у Преображенского и у Бухарина нет правильного понимания закона единства противоположностей, то у них действительно «различающие определения» «окаменевают» под руками.

Если мы утверждаем, что у Ленина имеются все основные элементы теории переходного хозяйства, что Лениным намечен развернутый план строительства социализма, то это не значит конечно, что сейчас не нужна дальнейшая теоретическая работа по советскому хозяйству. Ясно, что задача работы по теории советского хозяйства перед нами стоит и стоит чрезвычайно остро; не приходится говорить, насколько насущна эта задача и насколько сложна. «Это труднейший материал из всех существующих,—говорил Энгельс,—потому что условия постоянно меняются»⁵. Однако, несмотря на то, что действительно «условия постоянно меняются», на всем протяжении переходного периода экономике этого периода присущи такие общие черты, которые и делают ее переходной, отличной и от капитализма и от социализма. Специфическая определенность переходной экономики заключается в том, что в ней имеются различные и противоположные элементы, в том, что в ней одновременно существуют, находясь в определенном взаимодействии, элементы прошлой и будущей экономической формации.

Именно так, как известно, и ставил вопрос Ленин⁶ разъясняя переходный характер нашего хозяйства:

«Но что же означает слово «переход»? Не означает ли оно в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички и капитализма и социализма? Всякий признает, что да»⁷.

³ Бухарин, Атака, изд. 2-е, с. 117.

⁴ Маркс, Соч., т. V, 1930, с. 296.

⁵ „Письма“, изд. 3-е, с. 337.

⁶ В отличие от этой постановки вопроса т. Раскин определяющим моментом переходной экономики считает „не наличие различных укладов“, т. е. не существование „кусочков“, „элементов“, и социализма и капитализма, как говорил Ленин, а „характер отношений между этими укладами“ (см. „Проблемы экономики“ № 4—5, 1930, с. 30). Смешное противопоставление! Как будто бы можно представить себе одновременное существование различных частей без их взаимодействия.

⁷ Ленин, Собр. соч., т. XXII, изд. 2-е, с. 513.

Дальше Ленин перечисляет эти элементы и капитализма и социализма, называет пять экономических форм, существующих в советском хозяйстве. Однако обязательно ли при теоретическом и исследовании переходной экономики брать все пять перечисленных Лениным укладов?

Для выведения основных закономерностей нашего движения к социализму нужно взять основные, определяющие типы производственных отношений, основные хозяйственные уклады.

Но вопрос об основных хозяйственных укладах есть лишь другая сторона вопроса об основных общественных группах, об основных классах в нашем обществе.

Не подлежит никакому сомнению, что основными классами в нашей стране являются пролетариат и крестьянство. «В нашей советской республике,—писал Ленин,—социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия».

Но означает ли это, что для выведения основных закономерностей движения (нашей экономики можно ограничиться, как у нас принято выражаться, «двухклассовой» или «двухсекторной» теоретической моделью (хотя бы в качестве «предельной абстракции»), абстрагируясь от капиталистических отношений? Нет. И вот почему.

Мелкий производитель, крестьянин, двойственен по своей природе: он и труженик и частный собственник, владелец средств производства⁸. Крестьянство является последним капиталистическим классом. «Почему крестьянство квалифицируется как последний капиталистический класс? Потому что из двух основных классов, из которых состоит наше общество, крестьянство является тем классом, хозяйство которого базируется на частной собственности и мелком товарном производстве. Потому что крестьянство, пока оно остается крестьянством, ведущим мелкотоварное производство, выделяет и не может не выделять из своей среды капиталистов, постоянно и непрерывно»⁹.

Вот это-то обстоятельство, что крестьянство неоднородно, что оно рождает капитализм и притом «постоянно и непрерывно», рождает «третий» класс, заставляет нас при теоретическом анализе движения переходной экономики не ограничиваться конструированием двухсекторной модели, тем более что и «третий сектор» не только непрерывно «рождается», существует не только потенциально, но и реально как сектор, имеющий определенный хозяйственный вес в нашем обществе. Даже сейчас, когда мы вступили в период социализма, этот «третий сектор» еще окончательно не уничтожен¹⁰.

⁸ Еще Маркс говорил, что при «капиталистическом способе производства независимый крестьянин или ремесленник разрезывается надвое: как владелец средств производства он является капиталистом, как рабочий—он свой собственный наемный рабочий» («Теории», т. I, с. 276).

⁹ Сталин, О правом уклоне в ВКП(б).

¹⁰ Точка зрения двухклассового общества, двухсекторной модели (при игнорировании капиталистической «дроби») была развита т. Бухариным. См. его «К вопросу о закономерностях», «Некоторые вопросы экономической политики» и др. работы.

Несомненно, что класс буржуазии является «социальной дробью», но несомненно, что капиталистическую форму хозяйства, также существующую в переходной экономике, нельзя исключить из тех трех «основных форм общественного хозяйства» переходного периода, о которых говорит Ленин: «Эти основные формы общественного хозяйства: капитализм, мелкое товарное производство, коммунизм. Эти основные силы: буржуазия, мелкая буржуазия (особенно крестьянство), пролетариат»¹¹. Как раз поэтому основное производственное отношение переходного хозяйства следует искать именно в этих трех формах, а не в абстрактной двухсекторной модели.

Иначе думает т. Гатовский. В своей статье «О предмете и методе теории советского хозяйства» он писал, что «основным производственным отношением является у нас отношение пролетариата и мелкого крестьянства»¹². Такая формулировка основного производственного отношения переходной экономики, игнорирующая капиталистические элементы в нашем хозяйстве, закрывает путь к правильному пониманию основного закона нашего развития.

Основное производственное отношение капиталистической экономики, отношение рабочего класса и буржуазии, является необходимым и достаточным условием для выведения основных закономерностей развития этого общества. В переходной же экономике двухклассовое отношение не может дать основания для выведения всех закономерностей этой экономики. Из этого отношения нельзя вывести основной закон движения переходной экономики потому, что существование «третьего» класса, «третьей» экономической формы, не может не придать специфичности этому развитию, не может не усилить противоречивости движения к социализму, от чего конечно «отвлекаться» было бы неправильно. Весь характер развития советской экономики имел бы совершенно иной вид как в своем действительном ходе, так и в своем теоретическом отражении, если бы не имелось капиталистических отношений в нашем хозяйстве.

Уничтожение капиталистических производственных отношений (в частности ликвидация кулачества как класса) имманентно переходной экономике, но исследование этой весьма важной стороны процесса было бы упущено при том теоретическом условии, которое допускает формулировка т. Гатовского об основном производственном отношении переходной экономики.

Вот почему нельзя в теоретической работе ограничиваться «двухсекторной» моделью, абстрагируясь от капиталистических отношений.

Основным производственным отношением переходной экономики является отношение пролетариата ко всем непролетарским группам, в том числе и главным образом к крестьянству. Содержанием этого отношения является руководство со стороны пролетариата превращением мелкотоварного производства в производство «ассоциированных производителей» и уничтожением капиталистического производства. Формой этого отношения является план.

¹¹ Ленин. Собр. соч., т. XVI, изд. 1-е, с. 348.

¹² „Проблемы экономики“ № 1, 1930, с. 56.

Форма, способ уничтожения частной собственности различны по отношению к разным классам собственников. Если пролетариат в процессе строительства социализма решительно и абсолютно уничтожает враждебное ему капиталистическое производство, то мелкое товарное производство он уничтожает, передулявая его. Переделывая мелкое товарное производство в социалистическое производство, мы тем самым уничтожаем и самые глубокие корни капитализма. Однако уничтожение частного производства не ограничивается только этой переделкой, оно включает в себя как свою необходимую составную часть и прямое уничтожение—через ограничение, вытеснение и ликвидацию—капиталистических производственных отношений.

Само собой разумеется, что и з о л и р о в а н и е, рассмотрение различных производственных отношений переходной экономики, ее основных хозяйственных укладов вне их взаимодействия между собой, без указания на ведущую роль социалистического сектора, может привести только к «насильственным абстракциям» (Маркс) и к неверным экономическим и политическим выводам¹³.

Итак только рассмотрение основных типов производственных отношений, причем рассмотрение их как противоречивых элементов единой системы, только рассмотрение переходной экономики, как реального единства противоположностей, дает нам возможность правильно понять характер нашего развития. Внутренние противоречия системы составляют причину ее движения. В самом существовании различных и противоположных производственных отношений заключается необходимость изменения данной системы; ведущая роль социалистического сектора обуславливает переход советского хозяйства не к чему либо вообще, а к социализму. Это-то и определяет наше хозяйство как то, что оно «есть в себе иное самого себя» (Гегель).

2. ПЛАН КАК ЗАКОН ДВИЖЕНИЯ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

Наука, изучающая экономические законы данного общества, имеет своим предметом систему производственных отношений этого общества. В «Капитале» Маркса дан анализ капиталистических производственных отношений, конечной целью коего является открытие экономического закона движения общества. Теория советского хозяйства также имеет своим предметом систему производственных отношений, составляющих экономическую структуру переходного общества.

Ленинская теория советского хозяйства, его учение о производственных отношениях переходной экономики (пять укладов), дает все необходимое и достаточное для установления закона движения нашего общества.

¹³ Рассмотрение каждого сектора в отдельности имеет смысл только тогда, когда мы его рассматриваем так, как он реально существует, находясь под влиянием других секторов и сам оказывая на них влияние. Каждый сектор должен рассматриваться не как самостоятельный сектор, а как элемент единой системы, как часть целого. Еще Гегель весьма едко высмеял бессмыслицу представления „частей“ вне и без „целого“. Так например органы и члены человеческого тела представляются частями лишь в отношении к нему. „Простыми частями становятся эти члены и органы лишь под рукой анатома, но он тогда имеет дело уже не с живыми телами, а с трупами“ (Гегель, Энциклопедия, т. I, с. 227). Если вообще понятие части нелепо вне целого, то это тем более верно по отношению к таким частям, как „части“ народного хозяйства.

Прежде чем перейти к решению последнего вопроса, следует выяснить один общий вопрос, вопрос об определении и взаимоотношении следующих трех понятий: «системы производственных отношений», «закона движения» и «регулятора».

Если раньше наблюдалось изолированное рассмотрение этих понятий или, что гораздо чаще, фиксация главного внимания на последнем вопросе, отрыв проблемы регулятора от проблемы закона движения общества, то в последнее время намечается нечто противоположное; декларирование непосредственного тождества производственных отношений, закона движения или регулятора. Эта «философия тождества» хотя и импонирует своими по внешности «ортодоксальными» формулировками, но по существу направлена против основного закона диалектики — закона единства противоположностей.

Производственные отношения, в своей совокупности образующие экономическую структуру общества, представляют массу различных общественных отношений людей по производству. Экономический закон движения общества выражает господствующее направление внутреннего движения этих отношений. Регулятор общественного производства есть подчиненный момент закона движения общества. Все эти категории неразделимы, они немислимы одна вне и без другой, но они различимы.

Маркс, исследуя капиталистические производственные отношения в их возникновении, развитии и гибели, раскрывает внутренние противоречия их движения и тем самым устанавливает содержание экономического закона развития буржуазного общества. Как же раскрывает Маркс содержание этого закона? Поскольку речь идет о законе движения товарного производства, то ясно, что содержание этого закона не может быть понято на отдельных фазах этого движения, но раскрывается во всем движении капиталистических противоречий.

От простейшей формы противоречий данного способа производства через дальнейшее развитие их к установлению неизбежности взрыва всей системы — таков путь исследования Маркса. «Я исхожу, — говорит Маркс, — вовсе не из «понятий», следовательно не из «понятий стоимости»... Я исхожу из простейшей общественной формы, в которой продукт труда представляется в современном обществе, а это и есть «товар»¹⁴. Уже в товаре потенциально содержатся все основные противоречия капитализма. Эти противоречия последовательно реализуются в деньгах, капитале, прибавочной стоимости, цене производства, в кризисах. Воспроизводство капиталистических производственных отношений, так же как и движение всех противоречий буржуазного общества, происходит на основе и форме стоимости, и поэтому стоимость является законом движения буржуазного общества. Сами производственные отношения конечно не составляют закона собственного движения, но стоимостная форма их движения и дает нам экономический закон развития общества. Содержание этого закона доказывает неизбежность гибели капитализма. «Неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое, — говорит Ленин, — Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества».

¹⁴ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. V, Гиз, 1930, с. 393.

Наиболее ярко формулирует содержание этого закона Ленин в своей статье о Марксе для словаря Граната и в своих заметках «К вопросу о диалектике»: «Конечной целью моего сочинения,—говорит Маркс в предисловии к «Капиталу»,—является открытие экономического закона движения современного общества», т. е. капиталистического, буржуазного общества. Исследование производственных отношений исторически определенного общества в их движении, развитии и упадке—таково содержание экономического учения Маркса».

«У Маркса в «Капитале»,—пишет Ленин во второй из указанных работ,—сначала анализируется самое простое, самое массовидное, самое обыденное, миллиарды раз встречающееся отношение буржуазного (товарного) общества: обмен товаров. Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) все противоречия (respective, зародыши всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества, в Σ его отдельных частей от его начала до его конца»¹⁵. Движение всех противоречий буржуазного общества—от товара до всеобщего закона капиталистического накопления—происходит в ценностной форме. Эта форма и есть закон стоимости.

Стоимость, как известно, не есть вещь, а «скрытое под вещной оболочкой отношение» (Маркс). Определяя стоимость как отношение, мы определяем стоимость не только как категорию, но и как закон, так как и «закон есть отношение» (Ленин). Стоимость есть основное, «существенное»¹⁶, отношение товара не может показывать при построении ряда от 1 до 11 лет закон этого производства.

Все категории политической экономии представляют собою «отношение, имеющее характер процесса», как выразился Маркс относительно товара в сочинении «К критике политической экономии». Основное отношение буржуазного производства—стоимость—также находится в движении, является не застывшей, неподвижной, вещью, а процессом, выражающим движение противоречий товарного производства. Стоимость так и м образом определяется как закон движения буржуазного общества. Стоимость как форма (закон) движения выражает движение противоречий буржуазного общества «в сумме его отдельных частей, от его начала до его конца».

Именно так (как закон движения) следует прежде всего понимать стоимость. Представление о стоимости как о «законе пропорциональности», как о «законе равновесия», трактовка стоимости только как «регулятора»—эти представления, пропагандировавшиеся А. Богдановым и Н. И. Бухариным, весьма далеки от марксовских определений стоимости.

Еще в «Нищете философии» Маркс дал уничтожающую критику представления о стоимости как о законе пропорциональности, как о законе равновесия. Существующие в капиталистическом обществе антагонизмы, «антагонизм накопленного труда и труда живого» (Маркс) экономически выражаются в стоимостной форме.

¹⁵ XII „Ленинский сборник“, с. 324.

¹⁶ „Закон есть существенное отношение“ („IX Ленинский сборник“, с. 151).

Противоречивая структура буржуазного общества делает невозможным установление правильной пропорциональности в общественном производстве. Последняя, говорит Маркс, «перешла в разряд древностей». Она была возможной лишь в те времена, когда средства «производства были ограничены и обмен не выходил из самых узких пределов. С появлением крупной промышленности правильная пропорциональность должна была исчезнуть, и производство принуждено роковым образом проходить через ряд беспрерывно сменяющих друг друга состояний: процветания, депрессии, кризиса, застоя, нового процветания, и т. д.»¹⁷.

Разбирая мелкобуржуазную концепцию Прудона, автора «закона пропорциональности», Маркс пишет: «Конституированного отношения пропорциональности не существует, а есть только конституирующее движение»¹⁸. «Мы увидим, — пишет Маркс дальше, — как это измерение стоимости рабочего времени, названное г-ном Прудонем «законом пропорциональности», превращается в закон «диспропорциональности».¹⁹ «Вместо отношения пропорциональности мы имеем отношение диспропорциональности, если только вообще мы еще сохраняем какие бы то ни было отношения, хорошие или плохие»²⁰.

Маркс, разбирая этот прудоновский «закон пропорциональности», показывает его мелкобуржуазную базу. Он пишет: «Что же остается от этого «отношения пропорциональности?» Ничего кроме пожелания добросовестного человека, которому хочется, чтобы товары производились в пропорциях, позволяющих продавать их по добросовестным ценам. Во все времена добрые буржуа и экономисты-филантропы любили выражать «это незинное пожелание». «Закон пропорциональности» выражает надежды и интересы разоряющихся самостоятельных производителей. В наших условиях теория «равновесия» не может не служить теоретическим выражением кулацких интересов с практическим требованием сократить темп индустриализации и коллективизации, установить «правильные» пропорции между различными отраслями производства, «правильные» (правильные с точки зрения классового врага) пропорции между производством, потреблением, и накоплением.

В противоположность Прудону Рикардо пытался ставить вопрос о действительном, а не мнимом движении буржуазного производства. Одну из заслуг Рикардо Маркс выдел в том, что он, Рикардо, пытается ставить и разрешить вопрос о законе движения буржуазного общества, о стоимости.

«Рикардо, — пишет Маркс, — показывает нам действительное движение буржуазного производства, движение, устанавливающее стоимость»²¹. Таким образом уже в «Нищете философии» в 1847 г. Маркс рассматривает стоимость как закон движения буржуазного общества.

В послемарксовской экономической литературе взгляд на стоимость как на закон движения был развит весьма слабо.

¹⁷ Маркс, Соч., т. V.

¹⁸ Там же, с. 327.

¹⁹ Там же, с. 327.

²⁰ Там же, с. 328.

²¹ Маркс, Соч., т. V, с. 314.

Гильфердинг правда отмечает, что стоимость является законом движения буржуазного общества. Он утверждает: «Закон, показывающий, как регулируется меновый оборот, есть вместе с тем закон движения общества». Но найти закон движения — такова та задача, которую Маркс выставил проблемой «теоретической экономии»²². Однако у Гильфердинга истинное отношение между законом движения и регулятором перевернуто вверх ногами: у него стоимость как закон движения выводится из значения стоимости как регулятора, в то время как в действительности стоимость, будучи законом движения, тем самым определяется и как регулятор общественного производства, так как равновесие — момент движения.

Утверждение, что стоимость является законом движения товарного производства, отнюдь не отрицает значения стоимости как регулятора. Как раз из природы стоимости, из того, что стоимость является овеществленным производственным отношением, формой (законом) движения капиталистических отношений, и вытекает значение стоимости как регулятора. Движение товарно-капиталистического производства, его воспроизводство происходит конечно не вне и не без определенного распределения общественного труда, не без известного «равновесия» в этом движении, хотя бы «приблизительного, грубого, в больших числах, à la longue» (Ленин). «Необходимость известной пропорциональности» (Ленин) не отменяется ни одной формой общественного производства.

Но при всякой экономической формации эта пропорциональность подчинена движению. Равновесие, как говорил Ленин, «всегда относительно», оно имеет какой-либо смысл только в отношении данной формы движения, оно является внутренним моментом движения.

Закон стоимости, будучи законом движения товарно-капиталистической системы хозяйства, тем самым является и специфическим законом, регулирующим, управляющим этим движением и следовательно регулирующим те производственные пропорции, в которых реализуется это движение. «Закон стоимости товаров определяет, какую часть находящегося в распоряжении общества рабочего времени оно в состоянии затратить на производство каждого товарного вида. Однако эта постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия»²³.

Так, нам кажется, должен решаться вопрос о соотношении закона движения и регулятора, а т. Гатовский в упомянутой уже статье этот вопрос решает по нашему мнению неправильно.

Он пишет: «Сплошь и рядом встречается противопоставление или раздельное изучение 1) регулятора хозяйственной системы, 2) ее закона движения и 3) производственных отношений этой системы. Производственные отношения в их динамике, закон движения хозяйственной системы и ее регулятор «тождественны»²⁴. (Последняя разрядка наша — А. П. и В. Б.).

²² Сборник „Основные проблемы политической экономии“, изд. 3-е, с. 71.

²³ „Капитал“, т. I, 1925, с. 334.

²⁴ „Проблемы экономики“ № 1, 1930, с. 48—49.

Какие же аргументы предшествуют этому утверждению? Нет ничего удивительного в том, что для доказательства данного положения аргументы отнюдь не «слетаются со всех сторон» к т. Гатовскому, а поэтому ему приходится ограничиваться собственноречиво говоря лишь постановкой вопроса, возводя ее в несоответствующий ранг доказательства. Еще Маркс отмечает в отношении одного экономиста, что постановка вопросов и их перечисление совсем еще не составляют их решения. «Тождество т. Гатовским доказывается очень просто. «Можно ли отделять от закона движения хозяйственной системы регулятор этого движения?», спрашивает т. Гатовский.—«Находится ли этот «регулятор» вне этого движения, в виде какой-то внешней силы, сообщающей хозяйственной системе движение посредством толчка извне? Достаточно поставить (!) этот вопрос, чтобы сразу выявился отрицательный ответ»²⁵.

Все остальные рассуждения т. Гатовского, не прибавляя чего-либо существенного к данному «аргументу», показывают лишь субъективное доброе желание т. Гатовского видеть неразрывность этих категорий, что регулятор вне движения немислим, что закон движения хозяйственной системы включает в себя и регулятор, что эти понятия действительно составляют единство.

Но ведь т. Гатовский утверждает нечто большее, чем позволяют его же собственные аргументы, он говорит о тождестве закона движения и регулятора, погашая в нем их различия²⁶.

По Гатовскому получается следующее: регулятор хозяйства есть производственное отношение, и производственное отношение есть регулятор. Что же является регулятором производственных отношений?..—Производственные отношения.

На чем стоит земля? На китах. А киты? На воде. А вода? На земле.

Регулятор, как мы писали выше, является внутренним моментом закона движения, не составляя тождества с последним, подобно тому как равновесие—момент движения.

Не отделимой от последнего, но и не составляющего с ним тождества. Неправильность основного методологического положения т. Гатовского вскрывается как нельзя лучше при рассмотрении этого положения со стороны объективного исторического хода развития производственных отношений товарно-капиталистического общества. Стоимость является законом движения

²⁵ „Проблемы экономики“ № 1, 1930, с. 49

²⁶ „Закон движения“ и „регулятор“ действительно составляют единство. Однако это не значит, что единство непротиворечиво. Ряд формулировок т. Гатовского дает вполне достаточное основание думать, что единство ими понимается как непротиворечивое единство. Эта мысль явно выражена им в понимании соотношений формы и содержания. Если в действительности форма и соответствует и противоречит содержанию, то по Гатовскому „форма и содержание не отделимы друг от друга, составляя единство“, а если мы имеем единство, то противоречия или несоответствия между ними быть не может. Ничего иного не может означать следующее заявление т. Гатовского, делаемое им весьма твердым тоном: „Лишь механически можно объединить форму с чуждым содержанием“ („Проблемы экономики“ № 1, 1930, с. 50). Однако полная противоречий капиталистическая действительность дает нам бесконечное число примеров „объединения“ формы с чуждым ей содержанием; например „меновое отношение между капиталистом и рабочим становится таким образом простой видимостью процесса обращения, простой формой, которая чужда своему собственному содержанию и лишь заменяет его действительный смысл“ („Капитал“, т. I, 1929, с. 459).

простого товарного хозяйства стоимость же в ее модифицированном виде есть закон движения капиталистической экономики. С точки зрения «теории отождествления» основное производственное отношение просто товарного хозяйства и основное производственное отношение капитализма, — должны тоже совпадать, поскольку закон движения их один и тот же. Однако мы знаем, что основным производственным отношением просто товарного хозяйства является отношение простых товаропроизводителей; основное же отношение капитализма есть отношение капиталиста и рабочего, есть отношение эксплуатации. Полагать, что основное производственное отношение товарного хозяйства и капитализма совпадают можно только в одном случае: смазывая различия этих двух формаций.

Так же решается это и применительно к экономике СССР. Закон движения советского хозяйства является вместе с тем и регулятором его. Регулятор включен в закон движения. Система производственных отношений целиком определяет закон движения ее. Закон движения является вместе с тем и регулятором производства, ибо последний есть внутренний момент закона движения. Таким образом мы имеем здесь диалектическое единство, единство, не исключающее, а предполагающее различия. Каждая последующая категория вытекает из предыдущей, всецело определяясь через нее и из нее, но не теряя при этом своей специфической определенности, своей ограниченности от другой.

Это не значит, что, говоря о законе движения и регуляторе данной экономической системы, мы можем противопоставить их как некие самостоятельные законы. Существует как бы какой-то «закон движения» и плюс к этому кроме того еще и «регулятор». Такая точка зрения была высказана т. А. Леонтьевым в его брошюре «Закон трудовых затрат», вскрывающей теоретические основы явного оппортунизма.

Решение вопроса о соотношении закона движения и регулятора, имеющееся у т. Леонтьева, не представляется нам достаточно удовлетворительным, несмотря на то, что его постановка вопроса заключает в себе возможность правильного решения.

«Правильная постановка заключается однако в том, — пишет т. Леонтьев, — что равновесие берется как элемент движения; соответственно этому закон равновесия — регулятор — должен рассматриваться как подчиненный элемент основного закона данной общественной формы»²⁷.

Как же фактически реализуется эта установка? «При всей внутренне противоречивой структуре советской экономики, — пишет т. Леонтьев, — закон движения к социализму является тем обобщающим, цементирующим и всеподчиняющим началом, которое как раз и обеспечивает единство этой противоречивой системы»²⁸.

Так формулируется закон движения нашей экономики без какого-либо указания на его содержание, если не считать, что этот закон называется законом движения к социализму.

Основная ошибка т. Леонтьева заключается в его неверном методологическом пути. В законе движения экономики выражаются производственные отношения ее, и потому закон движения вы-

²⁷ Леонтьев, Закон трудовых затрат, М. 1929, с. 55.

²⁸ Там же, с. 58.

водится в результате исследования производственных отношений. Тов. Леонтьев этот конечный результат исследования делает его началом, а потому его «закон движения к социализму» повисает в воздухе. Соотношение между единством системы и законом ее движения принимает обратное действительности выражение: не из действительного единства противоречивой экономики выводится закон движения ее, но само единство приобретает ее лишь благодаря некоему закону движения.

Вместе с тем (и это—вторая ошибка т. Леонтьева) понятие регулятора не выводится из «закона движения» (да и трудно что-либо вообще «вывести» из него при подобной бедности содержания), а отдельно определяется как самостоятельная категория.

«Под регулятором производства правильнее всего было бы понимать принцип, устанавливающий определенные пропорции в общественном производственном процессе»²⁹. Так определяется «из самого себя» понятие регулятора вообще. В наших условиях этим регулятором является «плановое начало»³⁰. Таким образом мы имеем сосуществование трех или по крайней мере двух самостоятельных, обособленных друг от друга, начал: «закона движения к социализму» и «регулятора», или «планового начала»! Налицо, с одной стороны, весьма неопределенный закон движения к социализму, и, с другой стороны, тоже весьма неопределенное «плановое начало». О плане впрочем нам известно от т. Леонтьева, что он есть регулятор, причем существующий обособленно от «закона движения к социализму». Следовательно значение плана всецело сводится к его значению как регулятора, к его значению как «закона равновесия» (Леонтьев). Этим самым фактически т. Леонтьев сводит на-нет свою же собственную характеристику плана как в основном директивы.

Если ошибка т. Гатовского заключается в отождествлении всех этих категорий, то ошибка т. Леонтьева прямо противоположна: он разрывает их, награждая их самостоятельным, независимым друг от друга, существованием.

План как закон движения экономики обусловлен социалистическими производственными отношениями, отсутствием частной собственности на средства производства. Переходная экономика является единством противоположностей, единством различных и противоположных социально-экономических укладов при ведущем значении одного—социалистического—уклада, в силу концентрации основных средств производства в руках пролетариата. План в переходной экономике, так же как и при социализме, является законом движения, потому что все развитие переходной экономики происходит не стихийно, не слепо, а направляется единым центральным руководством. Следовательно распределение живого и овеществленного труда устанавливается сознательно, не являясь «прихотливой игрой случая и произвола» (Маркс), как это имеет место при товарном производстве, потому что, иными словами, стоимость у нас уже лишена своего значения как закон движения и регулятор³¹.

²⁹ Леонтьев. Закон трудовых затрат, М. 1929, с. 58.

³⁰ Там же, с. 59.

³¹ Утверждение, что стоимость является регулятором переходной экономики, имеет в своей основе или полное непонимание природы стоимости, забвение тог

Но являясь законом движения нашей экономики, наш план существенно отличается от социалистического. Социалистический план осуществляет расширенное воспроизводство всей экономики в целом; у нас расширенное воспроизводство в всех типов производственных отношений невозможно, наш план является формой и орудием классовой борьбы, обеспечивая такую пропорциональность в распределении средств производства, которая в максимальной степени удовлетворяла бы потребностям социалистического строительства, в максимальной степени ускоряла бы наше продвижение к социализму. Наш план далеко не тождественен плану социалистического общества, отражая специфические черты, присущие нашей экономике как переходной в отличие от социализма.

Под хозяйственным планом пролетариата необходимо понимать систему действий, направленных к расширенному воспроизводству социалистических производственных отношений, к социалистической реконструкции общественных отношений мелкотоварного производства и к уничтожению капиталистических отношений. Понимаемый в таком смысле пролетарский план строительства социализма является законом движения переходной экономики.

Именно характер движения этих трех основных групп производственных отношений должен определять содержание закона движения переходной экономики, потому что как раз они, эти производственные отношения, составляют экономическую природу переходного общества.

Само собой разумеется, что осуществление данного типа движения производственных отношений невозможно иначе, как при соответствующих изменениях в движении производительных сил. Уничтожение капиталистических производственных отношений неизбежно обуславливает на известном этапе социалистического строительства экспроприацию средств производства капиталистических групп. Социалистическая переделка производственных отношений мелкотоварного сектора необходимо предполагает новую машинную технику, новую форму организации труда при обязательном использовании средств производства самих мелких крестьян. И наконец расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений означает гигантское промышленное строительство.

Нужно особо подчеркнуть, что движение переходной экономики к социализму, движение, выражаемое и направляемое планом, отнюдь не означает превращения всех элементов этой экономики в социализм. Всякое умалчивание на этот счет или не-

азбучного положения марксизма, что „закон стоимости является основным законом именно товарного производства“ (Энгельс), следовательно и высшей формы последнего, т. е. капиталистического производства, или абсолютное непонимание экономической природы нашего хозяйства, или, вернее, непонимание и того и другого. Подобное „счастливое“ совпадение мы встречаем в работах товарища В. Е. Мотылева (см. его „Цена и стоимость в капиталистическом хозяйстве и в хозяйстве СССР“, изд. „Буревестник“, с. 80, 84, 85, „Курс политической экономии“, т. 1, Гиз, 1925, с. 89, 137, 140, 141, 142 и др., „Дискуссионные проблемы марксистской политической экономии“, изд. 2-е, с. VII). Не приходится говорить о том, что рассмотрение советского хозяйства как формы „товарно-менового“ хозяйства, утверждение, что стоимость является регулятором переходной экономики, трактовка стоимости как натуралистической категории—есть антимарксистское, буржуазное понимание и стоимости и советского хозяйства.

точная формулировка открывает прямую дорогу к оппортунистическим теориям вставания капитализма в социализм.

Тов. Гатовский при определении содержания закона движения пытается одной стороной, стороной процесса строительства социализма, наполнить и охарактеризовать все содержание этого процесса. Поэтому одна из характерных черт нашего движения, входящих в содержание закона развития, не только совершенно исчезает, но и приобретает абсолютно чуждое ей выражение.

Тов. Гатовский пишет: «Закон построения социализма, или, вернее, система этих законов, представляет собою формы, в которых должен протекать (и реально протекает при правильной политике) процесс трансформации производственных отношений СССР, превращающий их из отношений переходного типа в отношения социалистические»³².

И еще: «Таким образом эта трансформация (какая трансформация?—А. П. и В. В.) производственных отношений (каких отношений? всех?!), иными словами (?) процесс обобществления, осуществляемого в условиях диктатуры пролетариата на основе рабоче-крестьянского союза, и составляет содержание регулятора экономики СССР»³³.

Оставляя в стороне некоторые неясности его формулировок и тавтологические утверждения, присмотримся внимательно к основному его положению, выраженному в этой цитате. Тов. Гатовский пишет, что содержание регулятора переходной экономики составляет обобществление, или, что по Гатовскому то же самое, трансформация производственных отношений СССР. Верно ли это?

Нет, дело в том, что формулировка т. Гатовского—односторонняя, она не включает в себя одного из важнейших моментов строительства, почему в целом все утверждение становится ложным. Ликвидация кулака как класса—главный лозунг современного этапа—«не укладывается» в формулировку т. Гатовского, ибо у него—«трансформация» производственных отношений, и только.³⁴

Такое определение содержания регулятора базируется на «открытии» основного производственного отношения в пределах двухсекторной экономики. Об этом говорит и сам т. Гатовский: «Наличие плана как регулятора хозяйства возможно лишь благодаря тому, что основным производственным отношением является у нас отношение пролетариата и мелкого крестьянства»⁴⁰. Отсюда становится понятным, что если мы в качестве основного производственного отношения берем отношение пролетариата и мелкого крестьянства, то движение капиталистических отноше-

³² „Проблемы экономики“ № 1, 1930, с. 50.

³³ Там же, с. 50.

³⁴ Тов. Раскин, солидаризирующийся с т. Гатовским по вопросу о регуляторе, также говорит о трансформации различных укладов в социалистическое хозяйство (См. „Проблемы экономики“ № 4—5, 1930, с. 80). Оно и понятно: регулятор есть производственное отношение; основным производственным отношением является отношение рабочего класса и крестьянства; поэтому в закон движения (он же регулятор) включаются только эти отношения. Кулак выпал. Но так как он в действительности существует, то ему кроме „трансформации“ ничего не остается. Такова немудреная схема т. Гатовского.

⁴⁰ „Проблемы экономики“ № 1, 1930, с. 56.

ний, задача их уничтожения, в частности осуществляемая сейчас ликвидация кулачества как класса, не могут и не должны входить в содержание основного закона движения переходной экономики, в содержание регулятора ее.

Экономический закон движения переходной экономики должен включить в себя и развитие социалистических отношений, и социалистическую переделку отношений мелкотоварного производства, и уничтожение капиталистических производственных отношений. Существование и движение этих отношений имманентно переходной экономике. Экономическая политика, план в действии, является формой их движения. Наш план осуществляет и выражает это движение и является следовательно формой, или законом его. Будучи законом движения советской экономики, народнохозяйственный план является вместе с тем и регулятором производства. Наш план имеет значение и регулятора, он должен несомненно включить в себя определенное сбалансирование элементов экономики, определенную систему пропорциональности. Но, как это должно быть абсолютно ясным—система пропорциональности в нашей экономике должна быть соизмеренно иной, нежели при капитализме, она сознательно устанавливается иначе, нежели в случае действия стихийного закона стоимости. Эта система пропорциональности целиком подчинена нашей целевой установке—быстрейшему продвижению к социализму. План является регулятором по той простой причине, что именно через план и планом устанавливаются определенность в распределении материальных средств и труда в общественном производстве, а равно те или иные соотношения между производством, потребителем и накоплением.

То обстоятельство, что план является законом нашего развития, не может не найти отражения в темпе этого развития. Однако разбор последнего вопроса, вопроса о темпе нашего строительства, приводит нас к одной внутренней особенности переходной экономики, на которой мы сейчас остановимся особо.

3. О РАСШИРЕННОМ ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ТЕМПОВ РАЗВИТИЯ ПЕРЕХОДНОЙ ЭКОНОМИКИ

В нашей экономической литературе существуют, правда весьма немногочисленные, попытки выяснить те колоссальные преимущества советского хозяйства перед капиталистическими, которые реализуются прежде всего в гораздо более быстром темпе развития нашего хозяйства по сравнению даже с наиболее передовыми капиталистическими странами. Среди этих попыток обращает на себя внимание брошюра т. Мотылева, специально посвященная проблеме темпа развития СССР.

Уже в самом начале главы, в которой проводится сравнение между хозяйственными условиями развития хозяйства СССР и САСШ, обнаруживается ошибочность методологического пути т. Мотылева. Исследование начинается не с анализа производственных отношений той и другой системы хозяйства, а с анализа особенностей географической среды этих хозяйств. Правда, после сопоставления географической среды того и другого хозяйства т. Мотылев переходит к анализу преимуществ переходной системы хозяйства в СССР, но выяснение преимуществ этой си-

стемы т. Мотылев начинает с решения вопроса о том, имеются ли в переходной экономике те преимущества, которые обеспечили быстрый темп капиталистического развития Америки. Он пишет: «Попытаемся прежде всего выяснить, обладает ли СССР преимуществами, которые обеспечили превосходство развития темпа САСШ над европейским, и действуют ли в СССР факторы, замедлявшие и замедляющие темпы развития в САСШ»³⁵. Это основное преимущество САСШ т. Мотылев видит в отсутствии феодализма в Америке. Совершенно неправильно начинать выяснение преимуществ нашей экономической системы над капиталистической с констатирования того факта, что в нашей стране нет феодализма, как это делает т. Мотылев. Несомненно, что национализация земли, произведенная советской властью, представляет громадную важности фактор, облегчающий поворот простых товаропроизводителей-крестьян на путь обобщественного хозяйства³⁶. И все же выяснение преимуществ советской системы хозяйства нужно начинать не с указания на отсутствие в нашем хозяйстве, как и в американском капиталистическом хозяйстве, феодализма, а с основного момента, обуславливающего все остальные преимущества, а именно, что властью рабочего класса, свергнувшего власть класса капиталистов, орудия и средства производства (в том числе и земля) экспропрированы у класса капиталистов и помещиков и «переданы в собственность рабочего класса и трудящихся масс крестьянства» (Сталин). Начинать выяснение вопроса о преимуществах советской системы хозяйства с указания на то, что у нас отсутствует феодализм,—это значит забывать или по крайней мере недооценивать основные преимущества нашей экономической системы. Анализируя причины наших более быстрых темпов развития по сравнению с капитализмом, причины наших успехов, т. Сталин на XVI съезде нашей партии говорил: «Причина—в различных экономических системах хозяйства у нас и у капиталистов. Причина в несостоятельности капиталистической системы хозяйства. Причина в преимуществах советской системы хозяйства перед системой капиталистической».

Самая постановка вопроса о преимуществах СССР у т. Мотылева неправильна и ложна. Она сводит всю работу к исследованию того, имеются ли в переходном хозяйстве СССР те преимущества, которые имелись в капиталистическом хозяйстве Америки и которые обеспечили последней более высокий темп развития по сравнению с рядом капиталистических стран. Те же особенности нашей экономической системы, которые действительно являются основными в ряду наших преимуществ перед капиталистическими странами и которые имманентны именно переходному хозяйству, анализируются Мотылевым как какие-то второстепенные, добавочные условия, как бесплатное приложение к победоносной пролетарской революции, основное значение которой сам Мотылев повидимому усматривает в том, что в результате ее в нашем хозяйстве появились те же преимущества, что и в капиталистическом хозяйстве САСШ. Об этом прямо говорят следующие итоговые строчки главы, посвященной вы-

³⁵ Мотылев, Проблема темпа развития СССР, с. 79.

³⁶ Сталин, К вопросам аграрной политики СССР.

яснению опроса о преимуществах СССР: «Те преимущества, которые обеспечивали САСШ превосходство их темпа над европейским, имеются и в хозяйстве СССР. Если однако в САСШ эти преимущества вытекали из ряда своеобразных и большей частью временных условий, то в СССР они обусловливаются особенностями переходной системы хозяйства.. Вместе с тем мы видим, что преимущества переходной системы хозяйства не ограничиваются теми преимуществами, которые были свойственны САСШ»³⁷ (разрядка наша—А. П. и В. В.).

Не ограничиваются! Ведь совершенно ясно, что САСШ даже при всех благоприятных условиях их хозяйственного развития не могли иметь, будучи страной капиталистической, в числе своих преимуществ также и преимущества, имманентно свойственные переходной экономике. Мы видим таким образом, что методологический путь автора привел его не более и не менее как к абсурду.

Выше мы останавливались на выяснении закона движения переходного хозяйства—на народнохозяйственном плане. Для выяснения вопроса об особенностях развития нашей экономики имеет большое значение теоретическая оценка такого могущественного фактора нашего строительства, как участие масс в этом строительстве.

Мы констатируем, что процесс ежегодного нарастания темпов социалистического строительства безусловно находится в самой тесной зависимости от втягивания все более и более широких слоев пролетариата в социалистическое соревнование, в самой тесной зависимости от развертывания ударничества, от все более широкого охвата трудовым энтузиазмом доподлинно миллионных масс трудящихся. Но вместе с тем не было еще дано развернутой теоретической оценки процесса нарастания, процесса расширенного воспроизводства, темпов строительства социализма в зависимости от втягивания в это строительство все более широких слоев трудящихся. Процесс вовлечения масс в строительство социализма, со всеми многообразными формами этого вовлечения и в первую очередь социалистическим соревнованием,—это процесс, имманентно присущий переходной экономике.

В «Святом семействе» Маркс, полемизируя с Б. Бауэром, выставляет такое положение: «Вместе с основательностью исторического действия будет.. расти и объем массы, делом которой оно является»³⁸.

Ленин в своей работе «От какого наследства мы отказываемся?», обращаясь к народникам и приведя это положение, говорит: «В этих словах выражено одно из самых глубоких и самых важных положений той историко-философской теории, которую никак не хотят и не могут донять наши народники. По мере расширения и углубления исторического творчества людей должен возрастать и размер той массы населения, которая является сознательным историческим деятелем»³⁹.

³⁷ Мотылев, Проблемы темпа развития СССР, с. 86.

³⁸ Маркс, Соч., т. III, с. 105.

³⁹ Ленин, Собр. соч., т. II, изд. 2-ое, с. 329. Г. В. Плеханов также подчеркивает эту мысль Маркса как одно из основных положений марксизма (см. Основные вопросы марксизма, Плеханов, Соч., т. XVIII, с. 247).

Такое историческое действие, как революция, вовлекло в кругооборот общественной жизни, сделало сознательным «историческим деятелем» широчайшие массы. Но увеличение действующей массы, возрастание ее, должно несомненно в свою очередь все более и более расширять и ускорять ход истории.

На XI съезде партии Ленин выставил следующее положение: «Сомкнуться с крестьянской массой, с рядовым и трудящимся крестьянством и начать двигаться вперед неизмеримо, бесконечно медленнее, чем мы мечтали, но зато так, что действительно будет двигаться вся масса с нами. Тогда ускорение этого движения в свое время наступит такое, о котором мы сейчас и мечтать не можем»⁴⁰.

Темп социалистического строительства, темп процессов обобществления, иначе говоря, темп истории должен в переходный период все более и более возрастать по мере стягивания в этот процесс строительства все более и более широких слоев пролетариата, бедноты, середняков. Непрерывное возрастание кадров строителей социализма ведет ко все большему ускорению исторического процесса, ко все большему и большему нарастанию темпов социалистического строительства. Каждый шаг вперед по пути социалистического строительства связан с увеличением массы строителей, выступающей «сознательным историческим деятелем», а значит тем самым и с ускорением темпа строительства социализма. Социалистическое соревнование, ударничество, встречный промфинплан, колхозное движение— вот основные формы все большего стягивания в процесс строительства социализма широчайших масс, являющихся важнейшей причиной постоянного ускорения его темпов. Отсюда постоянное явление нашего планирования—изменения первоначальных заданий в сторону их увеличения и в сторону сокращения сроков их выполнения в процессе претворения плановых заданий в жизнь. Эта зависимость темпов социалистического строительства, темпов истории, от размеров той массы, «которая является сознательным историческим деятелем», дает, как нам кажется, основание установить, что переходной экономике присущ закон расширенного воспроизводства темпов ее развития. Постоянное нарастание массы строителей обуславливает постоянное увеличение темпов исторического процесса, а широта, глубина, «основательность» этого исторического действия в свою очередь снова ведут к возрастанию массы строителей.

Революция — локомотив истории». В революционные периоды темпы истории наиболее быстры, наиболее бурны, стремительны. Октябрьская революция захватила в сферу «исторического действия» широчайшие трудящиеся массы, становящиеся сознательными историческими деятелями и все более и более возрастающие; возрастание массы сознательных исторических деятелей создает обратную зависимость—темпы истории все более и более ускоряются.

Переживаемый новый этап нэпа, как известно, есть этап развернутого социалистического наступления по всему фронту. Вопрос о темпах наступления есть самый важный вопрос наступления, ибо в наступлении главное—его темп. Тов. Сталин

⁴⁰ Там же, т. XVIII, ч. 2, изд. 1-е, с. 29—30.

говорит: «Главное в наступлении социализма при наших современных условиях состоит в усилении темпа развития нашей промышленности, в усилении темпа развития совхозов и колхозов, в усилении темпа экономического вытеснения капиталистических элементов города и деревни, в мобилизации масс вокруг социалистического строительства, в мобилизации масс против капитализма»⁴¹. Но если главное в наступлении—темп этого наступления, то один из самых важных вопросов, связанных с темпом наступления,—это вопрос о массах, развивающих темп наступления.

Чем отличается социалистическое наступление, развиваемое партией, от предложенного в свое время квази наступления троцкизма?

Развертываемое партией социалистическое наступление по всему фронту развивается на основе все большего и большего укрепления связей с широчайшими слоями трудящихся, на основе все более и более широкого вовлечения масс в социалистическое наступление, в процесс строительства социализма, вследствие чего все более и более возрастают темпы этого строительства, в свете которых еще и еще раз обнаруживается капитулянтская сущность троцкизма, капитулянтская сущность теории троцкистского наступления. Отличительной чертой троцкистского квази наступления является неизбежно получающийся в процессе осуществления наступления отрыв авангарда от широких масс, т. е. то обстоятельство, что каждый шаг такого «наступления» необходимо связан с разрывом связей класса и массы, что приводит неминуемо к срыву наступления.

Извращенное понимание существа большевистского наступления мы имеем, с другой стороны, у правых уклонистов, являющихся кулацкой агентурой внутри партии. Правый уклон, наиболее опасный уклон переживаемого этапа социалистического строительства, всей своей концепцией направлен против социалистического наступления; правый уклон характерен своей борьбой против социалистического наступления, развиваемого партией и рабочим классом, почему неминуемо правые уклонисты отстают от движения, оказываются позади масс.

«Искусство руководства есть серьезное дело: нельзя отставать от движения, ибо отстать—значит оторваться от масс. Но нельзя и забегать вперед, ибо забежать вперед—значит потерять связь с массами. Кто хочет руководить движением и сохранить вместе с тем связи с миллионными массами, тот должен вести борьбу на два фронта: и против отстающих и против забегающих вперед. Партия наша сильна и непобедима потому, что, руководя движением, она умеет сохранять и умножать связи с миллионными массами рабочих и крестьян»⁴³.

4. О НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОМ БАЛАНСЕ

Наш народнохозяйственный план, являясь законом движения переходной экономики, в то же время является и ее регулятором; это значит, что наш народнохозяйственный план необ-

⁴¹ Сталин, Политотчет ЦК ВКП(б) на XVI партсъезде.

⁴³ Сталин, Головокружение от успехов.

ходимо должен заключать в себе определенную систему пропорциональности, систему, всецело подчиненную цели нашего движения—построению социализма.

Развитие каждой экономической формации, как и всякое движение, должно заключать в себе в качестве подчиненного и необходимого момента известный элемент пропорциональности⁴⁴. Этот элемент пропорциональности, в его специфичности, всецело обусловлен особым характером, направлением, формой движения системы и имеет значимость только в отношении одной определенной общественной формации, только в отношении определенной формы движения. «Всякий покой, всякое равновесие,—говорит Энгельс,—только относительны, имеют смысл только по отношению к той или другой определенной форме движения»⁴⁵. Эта система пропорциональности в народнохозяйственном плане, будучи всецело подчиненной моментам движения экономики к социализму, в свою очередь несомненно обуславливает тот или иной темп дальнейшего ее развития. Между движением экономики к социализму и типом пропорциональности устанавливается взаимозависимость. В этой взаимозависимости между движением экономики к социализму и системой пропорциональности примат принадлежит конечно направлению, особой форме движения экономики; но система пропорциональности, целиком обусловленная движением экономики к социализму, влияет обратным порядком на темп этого движения. Энгельс говорит, обращаясь к Дюрингу: «Бесспорно, для нашего метафизика является трудной проблемой и горькой пилюлей тот факт, что мерилом движения должна служить его противоположность—покой. Для диалектического воззрения это выражение движения в его противоположности, в покое вовсе не представляет затруднения. Для него вся эта противоположность является, как мы видим, лишь чем-то относительным... Само собой понятно, что это движение может быть измеряемо своим результатом, может выражаться в нем и вновь из него получиться в той или иной форме»⁴⁶.

Та система взаимоотношений, тот тип сбалансирования отраслей производства между собой, который имеется в нашем народнохозяйственном плане, всецело обусловлен целью движения нашей экономики—социализмом. Тот новый тип пропорциональности, который складывает пролетариат, социалистически реконструируя хозяйство, является следствием той новой системы производственных отношений, которая дана переходным хозяйством. И обратно: этот новый тип пропорциональности, будучи обусловленным новой системой производственных отношений, сознательно складывается так, чтобы как можно более ускорить движение экономики к социализму. Соотношение средств, вкладываемых в тяжелую и легкую индустрию, в социалистически реконструируемое сельское хозяйство, в транспорт, в жилищное и культурное строительство, складывается так, чтобы обеспечить

⁴⁴ Понятие „пропорциональности“ в отношении развития экономики применять гораздо правильнее, чем „равновесие“, точнее, вернее, ибо объективно—первое, а второе приоткрывает дверь философским шатаниям в сторону от материализма к идеализму“ (Ленин). Нам все же зачастую приходится прибегать к термину „равновесие“, поскольку он часто встречается в литературе.

⁴⁵ Фр. Энгельс, Анти-Дюринг, с. 71.

⁴⁶ Там же, с. 74.

максимально быстрое продвижение к социализму. Система пропорциональности, сложенная в зависимости от цели движения, в свою очередь ускоряет это движение. Но в этом взаимодействии ведущая роль, примат, принадлежит безусловно цели движения экономики.

Как понимать применительно к данному кругу вопросов слова Энгельса, «что... движение может быть измеряемо своим результатом, может выражаться в нем»?

Нам кажется, что их нужно понимать следующим образом: та система пропорциональности, которая нами устанавливается в данный момент социалистического строительства, служит показателем, измерителем успехов предыдущего движения. Система пропорциональности всецело обусловлена целью нашего движения; именно потому от успехов этого движения зависит та, а не иная система пропорциональности, которая и доказывает успешность предыдущего движения; пропорциональность в распределении средств в отрасли производства обусловлена успехами социалистического строительства и в то же время отражает эти успехи.

О понимании же слов Энгельса, применительно к данному кругу вопросов, о том, что «движение может ...из него, (т. е. равновесия—А. П. и В. Б.) получиться», мы уже говорили: система пропорциональности, обусловленная целью движения, в свою очередь увеличивает темп этого движения.

Лозунг равенства на узкие места является практически выражением неправильного теоретического воззрения на соотношение движения и пропорциональности. Согласно этому воззрению система пропорциональности в переходной экономике вовсе не обусловлена всецело и не подчинена цели движения экономики к социализму; наоборот, движение целиком и полностью зависит от неких «правильных пропорций». Во взаимодействии движения и пропорциональности, согласно этому взгляду, примат принадлежит пропорциональности, движение является подчиненным моментом пропорциональности, тогда как в действительности дело обстоит наоборот.

Тип движения, его цель, требует складывания новых пропорций, требует решительного преодоления узких мест как элементов системы пропорциональности, обусловленной прежним, капиталистическим, развитием народного хозяйства России, прежним типом движения. В противоположность этому взгляд, превращающий пропорциональность (или же, как обычно принято выражаться, равновесие) в примат, требует равенства движения на «узкие места», не учитывая того факта, что эти узкие места являются наследием капиталистического развития хозяйства, что строительство социализма требует и обуславливает необходимость перестройки этой пропорциональности, требует складывания новых соотношений, обусловленных новым типом движения и в свою очередь ускоряющих это движение. Итак народнохозяйственный план, являющийся законом движения переходной экономики, должен заключать в себе систему пропорциональности, баланс, всецело подчиненную, во-первых, цели движения нашей экономики, отражающую, во-вторых, успехи всего предыдущего движения нашей экономики к социализму, и в свою очередь ускоряющую, в-третьих, это движение к социализму. Так определяется баланс

в народнохозяйственном плане, т. е. пропорциональности, которая должна быть установлена.

В нашей литературе, посвященной проблеме баланса, эта проблема ставилась как проблема выявления этого баланса за уже истекший период времени. В этой литературе имелось в виду исследование уже пройденного этапа социалистического строительства; примером такого исследования, причем примером весьма ярким по неправильности примененной методологии, является «Баланс народного хозяйства 1923/24 г. (изд. ЦСУ)». К выполнению же этой задачи приспособлены и все те схемы баланса народного хозяйства, которые мы находим в работах некоторых авторов.

Впрочем со всей определенностью нужно сказать, что подход к разрешению баланса, т. е. отражение пропорциональности, подчиненной закону нашего движения и в свою очередь ускоряющей это движение, нашей литературой не разрешен. Подход к разрешению этой задачи был или односторонен или явно неправилен. Большинство авторов видит задачу построения баланса народного хозяйства СССР в заполнении марксовых схем статистическими данными, в «статистической их реализации»; почти все авторы, писавшие на тему баланса, в качестве исходного методологического пункта берут богданово-бухаринскую теорию равновесия. Особенно выделяется в этом отношении, как уже сказано, «Баланс народного хозяйства ЦСУ за 1923/24 г.». Так, в статье, служащей методологическим введением ко всему «Балансу», редактор последнего т. Попов так определяет основную проблему теоретической экономики: «Вопрос о равновесии является важнейшим вопросом экономики. Н. И. Бухарин прав, когда говорит: найти закон этого равновесия и есть основная проблема теоретической экономики»⁴⁸

Как известно, Н. И. Бухарин, исходя из своего неверного механистического представления о взаимоотношении движения и равновесия, игнорируя прямое указание Маркса относительно того, что при капитализме «равновесие» само является случайностью⁴⁹, строит («конструирует», выражаясь одним из любимых богданово-бухаринских терминов) целую систему законов равновесия капиталистического общества.

Капиталистическая экономика оказывается со всех сторон пронизанной многочисленными законами равновесия и превращается в какого-то своеобразного Ваньку-встаньку, чисто механически обретающего все снова и снова блаженное состояние утерянтого на время равновесия.

П. И. Попов целиком и полностью принимает эту бухаринскую методологию, на основе ее подходя к анализу советской экономики, формулируя задачи, стоящие перед балансом.

Вот это место из «Экономики переходного периода» Бухарина, цитируемое Поповым и им принимаемое за образец ортодоксально-марксистской методологии:

«Кризис не выходит за пределы колебания системы. К концу исследования эта система движется, колеблется, но через все движения и колебания равновесие восстанавливается снова и снова. Закон ценности есть закон равновесия простой

⁴⁸ „Баланс... за 1923/24 г.“, изд. ЦСУ, с. 13.

⁴⁹ „Капитал“, т. II, с. 471.

товарной системы производства. Закон цен производства есть закон равновесия превращенной товарной системы, капиталистической системы. Закон рыночных цен есть закон колебаний этой системы. Закон конкуренции есть закон постоянного восстановления нарушенного равновесия. Закон кризисов есть закон необходимого периодического выведения системы из равновесия и восстановления его» (разрядка наша—А. П. и В. В.).

Эта методологическая установка реализуется Попозым в определении цели балансового исследования. «Баланс,—пишет этот редактор,—имеет целью показать, как и в какой форме в каждом данном году в процессе производства и распределения достигается равновесие или нарушение равновесия народного хозяйства»⁴⁹. Эти теоретические установки полностью реализуются в схеме «Баланса», предложенной его составителями, на которой специально мы остановиться за отсутствием места не можем. «Баланс народного хозяйства 1923/24 г., выпущенный ЦСУ, представляет собой не что иное, как реализацию богданово-бухаринской концепции о примате равновесия со всеми вытекающими отсюда выводами, касающимися нашей экономической политики. Теорию равновесия секторов, теорию самотека, вращение кулака в социализм, равнение на узкие места—все это мы имеем в этом «Балансе», т. е. весь арсенал оппортунистических и просто буржуазных теорий.

Ряд других авторов, писавших о «Балансе», придерживается той же бухаринской методологии. Так, В. И. Зейлингер и Б. А. Гухман пишут например:

«Познавательная задача—вскрыть условия этого динамического равновесия для каждого данного момента—является основной в общем синтетическом исследовании народного хозяйства и ставится перед тем его циклом, который получил название «Баланса народного хозяйства»⁴⁹. Не останавливаясь на несколько невразумительной фразе «цикл... получил название баланса», мы в этой цитате подчеркиваем то, что «равновесие» здесь выступает как основная задача исследования. В другой работе В. И. Зейлингер так представляет себе основную задачу балансового исследования: «Основная познавательная задача исследования—вскрыть условия динамического равновесия данной хозяйственной системы»⁵⁶.

Наконец т. Петров, автор, писавший особенно много о народно-хозяйственном балансе, так ответил на вопрос о том, чем обусловлена сама возможность построения баланса: «Возможность построения баланса производства базируется на так называемом законе равновесия... Отличие хозяйства неорганизованного от планового состоит... лишь в методах установления равновесия, так как последнее не зависит от формы производства, но состоит в равновесии материальных элементов производства»⁵⁷ (разрядка наша—А. П. и В. В.). Нужно сказать, что во всей, правда не особенно многочисленной, литературе о балансе народного хозяйства навряд ли найдется более четко сформули-

⁴⁹ „Баланс... за 1923/24 г“, изд. ЦСУ.

⁵⁰ „Плановое хозяйство“ № 4, 1928, с. 143.

⁵¹ Из доклада В. И. Зейлингера на коллегии ЦСУ, „Вестник статистики“ № 2, 1928.

⁵² „Вестник статистики“ № 1, 1927.

рованная точка зрения о примате пресловутого закона равновесия. Со всей определенностью А. Петров заявляет, что «равновесие» не зависит от формы производства. Некий «закон равновесия» выступает как вечный, самому себе равный закон производства; он, этот закон, и дает возможность построения баланса. Вполне понятно, что такая точка зрения ведет к неверной оценке значения схем II тома «Капитала» для переходной экономики. С этой точки зрения специфическая капиталистическая пропорциональность, выраженная этими схемами, присуща любой социально-экономической формации, в том числе и переходной экономике. Отсюда вытекает взгляд т. Петрова на возможность чисто механистического перенесения схем II тома «Капитала» в переходную экономику. «Схемы воспроизводства,—заявляет Петров,—заполненные конкретными данными, и дают нам этот баланс»⁵³.

Неверные методологические установки мы встречаем в статье Арк. Виткупа и некоторых других авторов, не говоря уже о буржуазных взглядах на проблему баланса Громана и Базарова.

Не будет преувеличением сказать, что во всей литературе, посвященной этой проблеме, имеются всего две-три формулировки, дающие более или менее правильное представление о задачах, стоящих перед балансом народного хозяйства. Так обстоит дело в отношении проблемы выявления системы пропорциональности за прошедший этап социалистического строительства.

Что касается установления системы пропорциональности на будущий период строительства социализма, то эта задача, несмотря на отсутствие теоретической разработки ее, беспрерывно выполнялась в самой практике нашего перспективного планирования и в годовых контрольных цифрах, точно так же, как и в пятилетке. Ведь если, с одной стороны, совершенно неправильно наш народнохозяйственный план приравнивать, как это делал Бухарин, к «Балансу», неправильно потому, что наш план является хозяйственной директивой, то, с другой стороны, несомненно — народнохозяйственный план должен в себе заключать в качестве внутреннего подчиненного момента известную систему пропорциональности.

То, что эта задача, задача установления пропорциональности, выполнялась и без теоретической разработки этой проблемы, т. е. непосредственно в самом процессе планирования, отнюдь не означает конечно, что и в дальнейшем всю нашу работу по выработке схем баланса мы должны подчинить задаче выявления системы пропорциональности только исключительно за прошлый период строительства.

Ведь несомненно, что задача установления наиболее целесообразной с точки зрения построения социализма системы пропорциональности в перспективном плане — задача более важная, нежели задача выявления системы пропорциональности за уже пройденный этап. Более того: выявление системы пропорциональности, складывающейся в процессе нашего строительства за прошлый этап, важно нам ведь главным образом потому, что, выявляя эту систему, выявляя ее плюсы и минусы, мы сможем с большой пользой для социалистического строительства учесть их при уста-

⁵³ „Вестник статистики“ № 1, 1927, с. 91.

новлении системы пропорциональности в перспективном плане. Вместе с тем схема баланса народного хозяйства и схема, в которой выражается установленная в плане пропорциональность, должны быть построены на основании одной и той же методологии. Различие между этими схемами—отнюдь не принципиального характера. Различия могут иметь место лишь в отношении большей детализации всех хозяйственных процессов на основании имеющегося статистического материала за прошлый период строительства, нежели на будущий. Схемы систем пропорциональности в перспективных планах социалистического строительства в свою очередь будут отличаться друг от друга большей или меньшей детализацией процессов. Так, эта детализация будет большей в «контрольных цифрах», нежели в пятилетке.

Эта схема должна быть составлена так, чтобы она прежде всего показывала пропорциональность, подчиненную цели построения социализма, или устанавливаемую в плане социалистического строительства или сложившуюся в уже пройденный этап строительства.

Задача ближайшего будущего выработать эту схему.

ПАРТИГУЛ.

ОБ ОДНОМ НЕОКАНТИАНСКОМ СБОРНИКЕ «ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТЭКОНОМИИ»

под редакцией Дволаецкого и Рубина, изд. 1922 и 1928 гг.

В рецензируемом сборнике сосредоточены основные статьи Бауэра, Гильфердинга, Каутского и ряда других теоретиков II Интернационала, посвященные общей методологии политэкономии и проблемам воспроизводства. В издании 1925 г. включен раздел, посвященный теории денег и проблеме дороговизны.

В этом сборнике с наибольшей полнотой представлено теоретическое «сredo» экономистов II Интернационала, полностью выявлен отход от позиций марксизма и переход к неокантианству. Это, разумеется, не мешает авторам статей заявлять, что они следуют марксову методу и лишь только «примиряют Маркса с новейшими теориями».

Авторам статей вторят и редакторы сборника: Дволацкий и Рубин, которые в предисловии заявляют, что «авторы исходят из основных экономических идей Маркса и оперируют в своих исследованиях его методом».

Мы попытаемся показать, что вся методологическая установка сборника ничего общего с марксизмом не имеет и представляет типичное применение неокантианских идей к политэкономии. Мы не останавливаемся на ряде вопросов, затронутых в сборнике (проблема редукции, дискуссия о причине дороговизны, проблема кризисов и воспроизводства), хотя очень многие из них трактуются неверно, с тем, чтобы по возможности подробнее разобрать основные методологические установки сборника.

В XII ленинском сборнике мы находим следующее замечание: «С принципом развития в XX веке «согласны все».—Да, но это поверхностное, непродуманное, случайное философское «согласие» есть того рода согласие, которым душат и опошляют истину. Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой всеобщий и вечный рост, увеличение (соответственно уменьшение) и т. д. Раз так, во-первых: надо точнее понять эволюцию, как возникновение и уничтожение всего взаимопереходящего. А во-вторых, если все развивается, то относится ли оно к самым общим понятиям и категориям мышления? Если нет, значит мышление не связано с бытием. Если да, значит есть диалектика понятия и диалектика познания, имеющая объективное значение» (с. 185). Следовательно Ленин подчеркивал как самое важное, во-первых, объективность диалектики, во-вторых, не просто количественный рост или уменьшение, а переходы одного в другое—качественные скачки и изменения; в-третьих, общеизвестны указания Ленина насчет того, что суть диалектики—закон единства противоположностей.

Всего этого не понимают авторы сборника. Ревизия марксизма у них проявляется прежде всего в том, что наряду со словесными

и обильными признаниями диалектики как закона движения вообще (в этом смысле к ним относится замечание Ленина о философском опoшлении истины) они 1) отрицают роль диалектического материализма как философии марксизма, определяющего марксистскую политэкономии; провозглашается своеобразная независимость политэкономии от философии марксизма; 2) отрицают объективность диалектики—сводят ее к игре понятиями, оторванными об объективной действительности; 3) дают немарксистскую трактовку первичной абстракции, выхолащивают источник «самодвижения» и таким образом вместо анализа развития противоречий капиталистической системы приходят к апологетике капитализма; 4) в связи с этим механистически трактуют проблемы качества и сведения.

«Требование независимости» политэкономии от философии диалектического материализма выдвигается Отто Бауэром в статье «К истории капитала»: «Марксистская социальная теория сама по себе так же мало нуждается в поучении со стороны философии, как например механика или астрономия, ибо не философия должна предписывать науке ее способы исследования, а на способах исследования науки покоится ее философия» (с. 46, стр. ницы всюду указаны по изданию 1922 года, если нет специальных оговорок). «Притязания философии на гегемонию над социальными науками» Бауэр объясняет партийными страстями и считает подобное положение ненормальным, ибо политэкономия сама себе—философия. Вряд ли надо доказывать, что этот тезис противоречит марксизму. Достаточно вспомнить указание Ленина в «Материализме и эмпириокритизме», что естествознание только в том случае выйдет из тупика, в котором оно оказалось, если усвоит методологию и философию диалектического материализма. Отказ от обоснования политэкономии марксистской философии не означает отказа от философии вообще, а свидетельствует только о переходе на позиции буржуазной философии; тут уместно вспомнить замечание Энгельса о том, что так как без мышления не может быть науки, то отказ от диалектического мышления лишь означает переход к метафизическому мышлению.

Не случайно поэтому Бауэр, характеризуя гегелевский метод и переработку его Марксом, сводит диалектику к методу математического естествознания. Поэтому же Экштейн в статье «О методе политической экономии» подменяет марксизм махизмом и уверяет, что политэкономия Маркса может быть обоснована тем же успехом не только диалектическим материализмом, но и законом экономии мышления и прочими махистскими благоглупостями.

Гильфердинг более тонко ревизует Маркса. Он как будто не подвергает сомнению необходимость философского обоснования марксистской политэкономии.

Но он отрицает объективность диалектики и сводит ее к безобидной игре понятиями, тем самым выхолащивая ее революционное содержание. Нельзя не вспомнить известного замечания Энгельса, что диалектика в мистифицированном виде была приемлема только для буржуазии, причем трактовалась как игра мысли, но решительно отвергается буржуазией как объективный процесс, т. е. в своем рациональном виде—при чтении следующего замечания Гильфердинга: «Это приложение метода (речь идет о приложении гегелевской диалектики к общественным наукам—И. С.) можно в первую голову найти не там, где его обыкновенно ищут; не в изображении реальных клас-

совых противоречий и в открытии противоречия между социально-исторической ограниченностью капиталистического способа производства и общественной потребностью, носителем которой является пролетариат и которая направлена к овладению производительными силами, возникшими из капиталистической организации, но все более перерастающими ее. Это приложение метода скорее выполняет свою специфически логическую роль в способе образования и изложения логических понятий» (подчеркнуто мною—С. П.) (с. 233). Яснее как будто нельзя сказать—диалектический метод вскрывает не объективный закон развития и гибели капиталистического способа производства, а лишь способ мышления, который, по Гильфердингу, относителен и который представляет лишь способ образования понятий.

Очень рельефно эту мысль выразил Адлер, который разграничил диалектику мышления (это он называет диалектикой) и противоречия бытия (это он называет антагонизмом) и считает, что «критика и преодоление Гегеля Марксом состояли в уничтожении той мистической иллюзии, в которой диалектика являлась одновременно в виде антагонизма» (с. 233). Таким образом, по Адлеру, диалектика сводится лишь к законам движения логических категорий мышления; законы мышления качественно отличны от законов бытия—метод познания не адекватен объекту познания.

Больше того, «мышление понимается как переход одних его определений в другие и происхождение их одного из другого как внутренняя закономерность—таково было зерно диалектики, от которой Маркс и Энгельс уже никогда больше не отказывались» (там же). Теория «саморазвития» понятий как нельзя более полно представлена в этом положении. С этой мыслью целиком солидаризируется Гильфердинг. Он сочувственно излагает теорию Маха о приспособлении мыслей к фактам и приспособлении мыслей друг к другу и считает, что «Мах... приходит к тем же заключениям, как и материалистическое понимание истории» (с. 183). Для самого Гильфердинга приспособление мыслей к фактам и приспособление мыслей друг к другу есть два совершенно различных процесса, подчиняющихся своим специфическим законам. Если он в конечном счете заявляет, что «приспособление мыслей к фактам—это и есть самый прогресс» (с. 186), то при этом мыслит это приспособление как внешний процесс по отношению к действительности. Вместо Гегелевского положения, целиком принятого Марксом, что метод—душа предмета, что метод должен быть адекватен объекту познания, Адлер, Бауэр, Гильфердинг последовательно проводят кантианский разрыв законов бытия и законов мышления и сводят диалектику к схоластической игре понятиями.

Обратимся к трактовке авторами сборника проблемы анализа—синтеза в системе Маркса. Исходным пунктом у Маркса являлся товар. «Анализ вскрывает в этом простейшем явлении (в этой клеточке буржуазного общества все противоречия (respective зародыш всех противоречий) современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост и движение) этих противоречий и этого общества в сумме его отдельных частей, от его начала до его конца» (писал Ленин в заметке «К вопросу о диалектике» (XII Ленинский сб. с. 324). Следовательно, и в первичной абстракции и в исходном пункте анализа заключается «источник самодвижения» данной общественной системы, который определяет развитие всех противоречий и неизбежную гибель этой системы. Но тем самым первичная абст-

рация должна заключать качественную определенность, ибо то, что образует качество, есть особая форма движения материи.

Этот основной момент марксовской методологии остался книгой за семью печатями для философов из II Интернационала. Их трактовка первичной абстракции выхолащивает революционную сторону диалектики — проблему развития противоречий капиталистической системы.

Кунов в статье «К пониманию метода Маркса» видит суть его в том, что Маркс отвлекался от всех возмущающих побочных обстоятельств и анализировал только чистый капитализм¹. Исходным пунктом Маркса, по мнению Кунова, были «доказанные всеобщие основные явления». Кунов не видит бессодержательности этих «всеобщих основных законов», не понимает, что они не выражают специфических законов капиталистического общества. У Кунова здесь проявляется забвение качества, что приводит его к бессодержательному исходному пункту — «доказанные всеобщие основные явления», пригодные для всех эпох.

Маркс издевался над теми экономистами, которые в основу своих экономических исследований полагали общие понятия — труд вообще, производство вообще. Вся вульгарная политэкономия основана на этом методологическом приеме. Политический смысл его ясен. Он сводится к тому, чтобы представить капиталистические производственные отношения как вечные отношения, вытекающие из производства, как такового.

Марк с исчерпывающей ясностью показал, что «все так называемые общие условия всякого производства суть не что иное, как эти абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной исторической ступени производства» (Введение к критике политэкономии, с. 21).

Всего этого не понимает или не хочет понять Кунов. Из «доказанных всеобщих основных явлений» нельзя вывести противоречий капиталистического строя. Развитие капитализма выступает как процесс развития производительных сил вообще без противоречий — таков логический вывод из методологии Кунова. Возмутительнее всего то, что это выдается за марксизм.

Наиболее последовательно отрицается качественная определенность в исходном пункте анализа Маркса в статье Бауэра «История капитала». Бауэр определяет метод Гегеля «как метод математического естествознания, которое хочет понять многообразные эмпирические явления природы со стороны их закономерного определения, сводя их к математическим законам движения (с. 47). Маркс же, по мнению Бауэра, воспринял метод математического естествознания и применил его к политической экономии. Основное методологическое требование Бауэр видит в «такой логической обработке исторических

¹ Замечу попутно, что и это положение неверно. «Маркс только до известной степени своего исследования отвлекается от конкретного капитализма с тем, чтобы познать законы развития капитализма, перейти к изучению реальных производственных отношений во всем их многообразии. Уже анализ земельной ренты выходит за пределы «чистого» двухклассового капитализма. Вообще противопоставление конкретного и чистого капитализма уже потому неверно, что логический метод исследования есть тот же исторический, только освобожденный от его исторической формы и нарушающих стройность изложения исторических случайностей» (Энгельс). Следовательно, логический разрез анализа капитализма нельзя противопоставлять реальному развитию капиталистического общества.

явлений, чтобы последние рассматривались как частные случаи закона движения в науке, которая устанавливает законы и по методу материалистического естествознания сводит качественные определения к количественным изменениям (с. 50).

Сведение качества к количеству Бауэр иллюстрирует рядом примеров. У него общественный труд выступает как чистое количество. Любопытно, что Бауэр ни словом не упоминает об абстрактном труде, а понятие общественного труда излагает так, что оно может относиться ко всем общественным формациям.

Точно также и все категории, характеризующие развитие экономической жизни общества, в том числе и категории развитого капитализма Бауэр сводит исключительно к количественным изменениям и из них считает возможным познать на основе математических законов движения—и закон тенденции нормы прибыли к понижению и проблемы накопления капитала и т. д. «Бесчисленные качественные изменения человеческих (?! яснее Бауэр не мог выразить своего игнорирования качественной определенности организации труда в капиталистическом хозяйстве—С. П.) производительных сил он свел к простым количественным изменениям, рассматривая их как изменения органического состава капитала» (с. 50). Итак, по Бауэру, развитие производительных сил есть лишь количественное развитие, не прерываемое качественными скачками. Проблемы социальной обусловленности развития производительных сил Бауэр и не видит. Если к категориям капиталистического хозяйства подойти с точки зрения количественного изменения производительных сил, то затушевываются противоречия капитализма. Это прямое следствие немарксистской трактовки проблемы анализа. Анализ и синтез диалектически связаны друг с другом, потому что последний пункт анализа есть исходный пункт движения от абстрактного к конкретному, рассмотрения развития «источника самодвижения» от одной формы к другой. Правильное определение первичной абстракции и исходного пункта анализа дает возможность понять развитие данного явления во всех его связях и опосредствованиях. Поскольку Бауэр, Кунов и др. лишают первичную абстракцию качественной определенности и вытравливают из нее источник противоречия всей системы¹, они неизбежно приходят к апологетике капитализма. Бауэр рассматривает закон тенденции нормы прибыли к понижению, как выражение роста производительных сил, и при этом затушевывает основное—то, что в этом законе проявляется предел капиталистического общества. Вполне последовательно поэтому Бауэр ревизует марксово учение о кризисах и видит предел капиталистической системы в том, что «накопление капитала все снова и снова приспособляется к росту населения» (статья «Накопление капитала»).

В этой же связи надо рассматривать теорию кризисов Каутского (статья «Финансовый капитал и кризисы» реценз. сб. изд. 1925 г.), который, вместо того чтобы рассматривать кризисы как выражение основного противоречия капиталистической системы — между общественным характером производства и частным характером присвоения,—объясняет их недопотреблением и приходит по существу к синмондистским выводам. Подробный разбор теории кризисов Каут-

¹ Гильфердинг по существу стоит на этой же позиции; так например, он отрицает объективный характер заключенного в товаре противоречия и считает это лишь различием способов рассмотрения.

ского выходит за пределы настоящей рецензии, но разумеется на этой теории основана его трактовка империализма — обоснование ультра-империализма и т. п.

Общий вывод—методологическая установка авторов сборника покоится на кантианском разрыве мышления и бытия, на отрицании объективности диалектики, на механистической трактовке проблемы качества, на выхолащивании источника и развития противоречий капиталистической системы. Отрицание неизбежности гибели капитализма—логический вывод из этой методологической установки.

Мы считаем целесообразным остановиться на вопросе о связи методологической установки авторов рецензируемого сборника с теоретической концепцией Рубина. В основных решающих вопросах Рубин следует методологии II Интернационала.

Отрицание объективности диалектики у Рубина сказывается в противопоставлении социологического метода диалектическому, в трактовке диалектики как части метода, вне которой допустимы и необходимы какие-то другие методологические приемы. Тем самым признается, что диалектика только способ рассмотрения, а не закон развития объективно вне нас существующего мира. Отсюда у Рубина риккертанский отрыв метода исследования от природы объекта исследования. Очень ярко отрицание Рубиным объективности диалектики сказывается в его трактовке логического и исторического, в его заявлении, что логический путь анализа совершенно не совпадает с историческим путем развития. Вообще вся рубинская концепция дающая наглядный образчик схоластической игры в понятия, представляет только конкретизацию и развитие выше цитированного положения Адлера, что суть марксова метода только в переходах одних определений и категорий мышления в другие.

В трактовке анализа и синтеза Рубин также стоит на бауэровских позициях. Его отрыв и противопоставление абстрактно-аналитического метода диалектическому извращает марксово понимание абстракции. Трактую абстракцию вне движения, без синтеза, Рубин сводит ее к чистой абстракции. В исходном пункте рубинского анализа поэтому и выхолощен источник самодвижения: двойственный характер труда не рассматривается, как единство противоположностей—конкретный труд превращается в предпосылку, а абстрактный труд рассматривается только как специфическая форма без движения; то же и в отношении потребительской стоимости. Неудивительно, что после того как из первичной абстракции оказался выхолощенным «источник самодвижения», то из всей системы Рубина исчезли противоречия капиталистического строя.

Игнорирование движения при подчеркивании Рубиным специфичности привело к тому, что сама эта специфичность оказалась извращенной и метафизической.

Рамки рецензии не позволяют нам остановиться на других сторонах рубинской концепции—роли обмена, проблемы формы и содержания и т. д., но бесспорно, что и в этих пунктах он следует теоретикам II Интернационала.

В свою очередь механистическая концепция Бухарина и примыкающих к нему Бессонова и Кона, игнорирующая проблему «самодвижения», качества—также связана глубокими корнями с теоретиками II Интернационала. «Как механистическая, так и идеалистическая концепции в вопросах теоретической экономии, несмотря на свою кажущуюся противоположность, питаются из одного источника. Они

уходят своими корнями в неокантианство — официальную идеологию международного меньшевизма: обе одинаково враждебны марксизму». («Большевик» № 2, 1930, с. 61).

В заключение отметим, что в нашей литературе не дана развернутая критика методологической установки и всей концепции II Интернационала в области теоретической экономики. Работы Каутского по вопросу о кризисах, методологические статьи и работы Гильфердинга — все они у нас имеют широкое распространение и многими трактуются как в основном марксистские работы. Между тем и социологическая концепция Гильфердинга и меновая концепция Реннера и теории кризисов Бауэра и Каутского и теории переходной экономики тех же Каутского и Бауэра, и теория ультра-империализма — все они тесно связаны между собой методологическим единством и неокантианской философией.

Подробный разбор всех этих теорий наряду с развернутой критикой всей концепции II Интернационала является одной из актуальных задач, в области которой у нас сделано очень мало.

Но надо решительно осудить попытку протащить неокантианскую методологию под видом ортодоксальной, марксистской. Такой попыткой является издание рецензируемого сборника с сочувственным предисловием.

Е. РАВИНСКИЙ

В. С. МЫШКИС. ТЕМПЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ И ОБОБЩЕСТВЛЕНИЯ НА УКРАИНЕ.

Госиздат «Хозяйство Украины», 74 с., Ц. 1 р. 50 к.

Среди экономической литературы, посвященной XVI съезду партии, немалый интерес представляет та небольшая часть ее, которая касается итогов развернувшейся в отдельных республиках нашего Союза борьбы за генеральную линию партии в период между XV и XVI съездами. Взаимоотношения отдельных республик и районов, выражающих народнохозяйственное единство нашего Союза в целом и объединенных общим союзным руководством, в основе которого лежит принцип максимального учета природных, экономических и национальных особенностей каждого района, представляют для исследователя глубокий интерес и вместе с тем требуют преодоления известных трудностей методологического порядка в процессе исследования.

Какие проблемы, в какой плоскости и в каких пределах возможно ставить и разрешить в масштабе того или иного, хотя бы крупного экономического района Союза? От правильного решения этого вопроса зависит ценность всего исследования. Нужно отметить, что автор рассматриваемой работы сумел в процессе исследования и в самом подходе к субъекту исследования соблюсти «чувство меры», и не выйти за пределы, где от исследователя требуется подход уже в общественном масштабе. «Такие задачи, — пишет автор, — как освобождение от иностранной зависимости, обеспечение страны необходимым сырьем и машинами — стоят перед Советским Союзом в целом. Определение пропорции между тяжелой и легкой индустрией устанавливается в масштабе всего Союза, а не в одной

какой-нибудь республике. В пределах одной республики нет и не может быть баланса между объемом созданного в ней накопления и производимых на ее территории капиталовложений» (с. 3).

Этот круг задач, связанных с основными проблемами нашего социалистического строительства — темпами роста в условиях реконструктивного периода и пропорциями, которые при этом соблюдаются, — рассматривается автором не в плоскости их теоретического обоснования (ибо в пределах одной республики это неразрешимая задача), а в аспекте их реализации «путем напряженной борьбы на фронте хозяйственного строительства и четкого проведения классово-линейной политики» в пределах одной республики: ...«Реализация общесоюзных темпов и народнохозяйственных пропорций отражается на хозяйстве каждой республики, особенно такой крупной, как Украина».

Таким образом, с самого начала автором поставлена была довольно интересная во всех отношениях задача выявить, как реализованы были общесоюзные темпы и народнохозяйственные пропорции, вытекавшие из директив X съезда КП(б)У и XV съезда ВКП(б), и как они отразились на народном хозяйстве Украины.

Для решения этой задачи автором был избран метод приведения всех статистических показателей к неизменным ценам, причем в качестве таковых взяты были довоенные цены. Необходимость использования, для сравнения, довоенных цен мотивируется автором тем, что «с одной стороны перевод всех элементов наших исчислений в цены 1926/1927 г. оказался значительно труднее и не мог быть выполнен за ограниченное количество дней, бывших в распоряжении участников этой работы, а с другой стороны, довоенные цены оказались более удобными для освещения основного вопроса об источниках накопления» (с. 6).

Рост показателей народного хозяйства.

(в % к предыдущему году)

Показатели	1924-	1925-	1926-	1927	1928-	1929-
	1925	1926	1927	1928	1929	1930
Население	102,5	102,4	102,5	102,1	102,0	102,2
Все фонды	102,3	107,1	106,8	106,1	104,9	111,2
в т. ч. производительные	102,5	108,5	108,0	107,9	105,3	112,5
Валовая продукция	102,9	141,2	106,3	112,7	101,5	122,6
Народный доход	105,5	136,8	102,1	109,8	96,1	131,0

Значительные колебания, замечающиеся в темпе роста народного дохода и валовой продукции, особенно в первые годы реконструктивного периода, объясняются для Украины тем, что за указанный период она пережила 2 недорода—1924 и 1928 гг., что отрицательно повлияло как на самое сельское хозяйство, так и на отрасли промышленности, перерабатывающие земледельческое сырье (с. 6—7).

Однако последние годы показывают четкую тенденцию к возрастанию темпов народного хозяйства Украины. Если 1929/1930 г. показывает темп роста: народного дохода на 31,0%, валовой продукции на 22,6% и всех фондов на 11,2%, то ориентировочно для 1930/1931 г. Укргоспан соответственно намечает рост на 34,8% (нар. доход), 29,0% (вал. прод.) и 20,0% (все фонды).

При общей возрастающей динамике народного хозяйства Украины находит свое яркое выражение осуществление генеральной линии партии на индустриализацию. Об этом свидетельствуют такие показатели, как удельный вес промышленности в народном хозяйстве Украины. Если в 1923/1924 г. производительные фонды промышленности в народном хозяйстве достигали 20,0%, валовая продукция—29,1% и народный доход—11,4%, то в 1929/1930 г. удельный вес промышленности по перечисленным показателям соответственно возрастает до 33,7%, 46,7%, 32,1%. От приостановки проедания фондов промышленности в 1923/1924 г. к увеличению их к 1929/1930 г. в 2,5 раза (за 6-летний период) — таков этап индустриализации на Украине. При этом вполне естественно возрастал удельный вес группы А.

Автору удалось для характеристики индустриального процесса на Украине разработать довольно интересный и ценный материал, показывающий, что «капиталовложения и накопления во всем народном хозяйстве, в том числе и в сельском хозяйстве, в возрастающей доле выражаются в натуральной форме промышленной продукции вместо свойственного отсталой аграрной стране преимущественного накопления сельскохозяйственных продуктов (хлебные запасы)» (с. 11).

Распределение капиталовложений в народном хозяйстве по натуральной форме, принимая все капиталовложения за 100, показывает для каждого года такую структуру:

	1923/1924	1925/1926	1926/1927	1927/1928
Капиталовложения	100	100	100	100
в том числе:				
Продукция промышленности . . .	17,0	30,8	34,5	32,1
„ сельского хозяйства	23,8	15,2	9,7	8,1
„ строительства	59,2	54,0	55,8	59,7

Рост промышленной продукции заметен также и во всем производительном потреблении народного хозяйства. Доля продуктов промышленности увеличилась с 24,5% в 1923/1924 до 50,2% в 1928/1929 г. В самом сельском хозяйстве удельный вес продуктов промышленности в производительном потреблении возрос с 18,6% в 1923/24 до 21,9% в 1927/1928. Нет сомнения, что за последние 3 года этот рост был довольно значительным. То же отмечает автор и в отношении непродовольственного потребления, где удельный вес промышленности поднялся с 48,1% в 1923/1924 г. до 57,3% в 1927/1928г. «Растущая доля сельскохозяйственных продуктов попадает к потребителю после промышленной переработки (мясо, овощи, фрукты). Промышленная переработка охватывает дальнейшие стадии подготовки к потреблению (выпечка хлеба, переработка мяса, консервы и т. д.)» (с. 13).

Автор далее показывает в ряде статистических таблиц, как в противоположность быстро растущей промышленности сельское хозяйство развивалось весьма медленным темпом. В результате подробного анализа приведенных данных автор приходит к выводу, что вздорными были утверждения правых о деградации сельского хозяй-

ства. «Была не деградация, а отсталость сельского хозяйства. 1929/1930 год. дает уже рост продукции земледелия в результате плановых мероприятий и несмотря на сокращение продукции животноводства» (с. 19). Значительный интерес представляет глава о темпе обобществления на Украине, где дается подробный анализ процесса обобществления во всех областях народного хозяйства Украины.

Мы несколько подробнее обычного коснулись конспективного изложения наиболее важных данных, имея в виду, что процессы, совершающиеся в одной республике Союза, представляют интерес для желающих ознакомиться с ними и находящихся в других местностях Союза.

Однако, брошюра представляет интерес не только с этой стороны. Автор в последующих главах поставил ряд проблем, представляющих, на наш взгляд, огромный интерес и ценность для исследования их в общесоюзном, а не только в районном масштабе.

1. ИСТОЧНИКИ НАКОПЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ПЕРЕКАЧКИ

Касаясь факторов, обуславливающих повышение темпа развития народного хозяйства, автор исчисляет погодно долю накопления в народном доходе. Если в 1923/1924 г. эта доля равнялась 7,5% ко всему народному доходу Украины, то в 1929/1930 г. она поднимается до 22,5%. Вполне естественно, что при таком огромном возрастании доли накопления возникает вопрос об источниках. Откуда мы черпаем такие огромные средства для индустриализации? Автор приводит решения XV всесоюзной конференции об источниках накопления и те части решения XV съезда партии, где резко осуждается как троцкистская точка зрения, выставлявшая требование максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, так и правая, по существу сводящаяся к отказу от привлечения средств деревни к строительству. — Ссылаясь на эти пункты резолюции, автор ставит следующий вопрос: «В какой мере выполняются эти директивы? В какой мере прирост фондов государственного хозяйства происходит за счет внутреннего накопления и в какой мере за счет изъятий из крестьянского хозяйства и не являются ли изъятия фактором, тормозящим развитие сельского хозяйства?» (с. 31.)

Не касаясь в данной рецензии методологии исчисления, которой автор пользовался, включая и некоторые элементы исчислений конструктивного характера, чрезвычайно важно отметить результаты, к которым автор приходит. Все накопление государственного сектора в 1926/1927 г. равнялось 150,1 млн. (в довоенных рублях), в 1929/1930 г. оно поднимается до 630,9 млн., причем на долю внутреннего накопления падает соответственно 87,6 млн. (1926/1927 г.) и 466,6 млн. (1929/1930 г.).

Доля во всем накоплении частного и государственного секторов представляется по годам в следующем виде:

	1926/1927	1927/1928	1928/1929	1929/1930
1. Изъятия из частного сектора .	41,6	74,8	11,1	26,0
а) из крестьянского хозяйства.	31,1	58,8	1,5	14,1
б) из прочих источников частного сектора	10,5	16,0	12,6	11,9
2. Внутреннее накопление	58,4	25,2	88,9	74,0

Таким образом, при всей условности этих цифр, автор приходит к выводу, что «расширение фондов государственного хозяйства

происходит как за счет внутреннего накопления, так и за счет изъятия из частного хозяйства. Усиление темпа прироста фондов в первые годы пятилетки происходит главным образом за счет роста внутреннего накопления, доля которого в народном доходе, созданном государственным сектором, систематически повышается» (с. 39).

Нет сомнения, что в случае подтверждения этих выводов в общесоюзном масштабе, это бы имело огромное значение для плановых органов при построении планов на ближайшие годы в смысле максимального приближения к выполнению решений XV съезда, подчеркивавшего необходимость избегать как максимальной перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, так и отказа от привлечения средств деревни к строительству.

Поворот, совершенный основной массой бедняцко-средняцких масс к коллективизации при условии, когда производительность труда социалистического сектора на селе значительно выше, чем в частном, создает все условия к значительному возрастанию доли сельского хозяйства в народном доходе и, как правильно указывает автор, — «создает предпосылки для приобщения сельского хозяйства к высоким темпам развития, свойственным социалистической промышленности» (с. 44).

2. ПРОБЛЕМА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ

Взаимоотношения накопления и потребления являются актуальной проблемой эпохи реконструкции. Еще XV всесоюзная конференция отметила наличие относительной противоречивости, взаимодействия и связанности существующих между производством (накопление) и потреблением, причем так как «с точки зрения развития на длительный срок интересы эти в общем совпадают, необходимо исходить из оптимального сочетания обоих этих моментов» (из резолюции XV всесоюзной конференции). Марксизм в отличие от метода буржуазных экономистов типа Туган Барановского никогда не отрывал потребления от производства. Потребление есть элемент производства. Но производство («примат») в свою очередь определяет данный уровень потребления. Наличие на данном этапе относительного противоречия между потреблением и производством определяется наличием ряда диспропорций, усугубленных на начальном этапе социалистической реконструкции. Ликвидации этих диспропорций (между городом и деревней, тяжелой индустрией и легкой и пр.) возможны только на пути быстрых темпов индустриализации и создания пропорций, свойственных индустриально развитому социалистическому хозяйству. Следует подчеркнуть, что наличие относительного противоречия между накоплением и потреблением происходит на базе растущего потребления рабочего класса, трудящихся масс города и деревни.

В подтверждение указанных положений автор приводит данные о доле непроизводительного потребления в народном доходе Украины. В 1926/1927 г. доля потребления равнялась 78,3% всего народного дохода, в 1927/1928—79%, в 1928/1929—83,7%, в 1929/1930—71,0%. «Выделение из народного дохода 1929/1930 г. в 3,5 млрд. рублей 800 млн. для накопления—есть существенное ущемление интересов потребления сегодняшнего во имя расширенного воспроизводства и интересов завтрашнего дня (с. 45).

Однако без того, чтобы усиленным накоплением сегодня не обеспечить интересы потребления завтрашнего дня на основе быст-

рых темпов индустриализации—немыслимо решение задачи ликвидации диспропорций внутри страны, коренного ее социалистического преобразования и осуществления задачи «догнать и перегнать» в техническом отношении передовые капиталистические страны. Автор, ясно подчеркивая связь и взаимодействия накопления и потребления, подтверждает это ярким примером. «Запроектированное пятилеткой повышение роста потребления в общем на 75%, является следствием накопления первых лет пятилетки. Мы будем есть в 1932/1933 г. хлеб, обработанный тракторами Харьковского тракторного завода, и пользоваться продуктами, производимыми при помощи энергии Днепростроя» (с. 46).

Исследуемый автором период показывает, что ряд диспропорций в народном хозяйстве, в частности Украины, уже показывает явную тенденцию к изживанию (диспропорция между количеством рабочих рук в деревне и реальной возможностью их использования, что совершается (изживание) на базе роста промышленности и коллективизации).

Изучение закономерностей в соотношении между накоплением, потреблением и народным доходом в целом должно привести к постановке и изучению проблемы о норме социалистического накопления, обеспечивающей процесс расширенного воспроизводства советского хозяйства на принципиально иных основах, чем в капиталистическом хозяйстве. К сожалению, автор не занялся этой проблемой.

Не касаясь других моментов, затрагиваемых автором в его работе, отметим только, что чрезвычайный интерес представляет изучение закономерностей социалистического темпа в реконструктивный период. Автор, видимо, не располагал достаточными данными и поэтому сделал только общий вывод, что «основным фактором темпа, основной причиной быстрого развития государственного хозяйства и прежде всего государственной промышленности являются внутренние преимущества социалистического хозяйства, более высокий тип производственных отношений, созданный Октябрьской революцией» (с. 42).

В ответ на поставленный в начале исследования вопрос, как реализованы были общесоюзные темпы и народнохозяйственные пропорции, вытекавшие из директив X съезда КП (б) У и XV съезда ВКП(б), и как они отразились на народном хозяйстве Украины,— автор приходит к следующим выводам: 1) «директивы XV съезда ВКП(б) и X съезда КП (б) У твердо и четко проводились по Украине под руководством ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б) У; 2) благодаря росту накопления социалистического сектора, улучшению использования народнохозяйственных фондов и широкому развитию социалистического соревнования, мы имеем уже к моменту XI съезда КП(б)У и XVI съезда ВКП(б) ускорение темпа развития промышленности и всего народного хозяйства; 3) осуществляемый сейчас на основе успехов социалистической промышленности и правильной политики взаимоотношений с крестьянством поворот широких бедняцких и середняцких масс от мелкого индивидуального к крупному социалистическому хозяйству — ликвидирует основную причину отсталости сельского хозяйства и приобщает сельское хозяйство к высоким темпам развития, свойственным социалистической промышленности; 4) соблюдение пропорций, указанных XV съездом ВКП(б), использование преимущества, созданного Октябрьской революцией, более вы-

сокий тип производственных отношений, расширение базы социалистических производственных отношений и на сельское хозяйство обеспечивают действительно наиболее быстрый темп развития (XV съезд).

Мы вступаем в эпоху гигантского ускорения темпов развития, о котором говорил Ленин» (с. 48.)

Можно отнести к разряду спорных некоторые методологические подходы автора к разрешению поставленных им проблем. Но одно бесспорно — проблемы поставлены актуальные и разрешены в духе решений XVI съезда партии.

А. В. ГИРШФЕЛЬД

С. М. ВИШНЕВ.—ВОЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ.

Гиз, отдел военной литературы, М.-Л. 1930, 150 стр.

Книга т. Вишнева представляет собою ряд очерков, дающих характеристику современного состояния военной промышленности по отдельным странам; анализу современного состояния военной промышленности в каждой отдельной стране предшествует сжатый очерк развертывания военной промышленности во время мировой войны.

Военная промышленность призвана обеспечивать непосредственные нужды вооруженного столкновения производством предметов вооружения — стрелковое и артиллерийское оружие, танки, бронемашин, химические средства борьбы, снаряды, патроны, порох и взрывчатые вещества, военно-морские и воздушные суда. Давая очерк военной промышленности, автор не считает необходимым расширить понятие «военная промышленность» введением ряда новых номенклатур и новых предприятий, которые во время мировой войны, в связи с широким развертыванием мобилизации промышленности для нужд фронта, перешли на обслуживание вооруженных сил. Исходя из того, что военное производство мирного времени является кадром для изготовления предметов вооружения в расширенных масштабах во время войны, автор характеризует кадровую военную промышленность.

На кадровые предприятия военной промышленности ложатся весьма ответственные задачи, которые в основном сводятся к следующему:

1. Выполнение заказов армии для текущих потребностей мирного времени и накопления запасов.
2. Совершенствование военных изделий и техники их массового производства.
3. Инструктирование гражданских заводов в их подготовке к установке военных производств, а также форсированное, с объявлением мобилизации, развертывание производства для питания армии до того момента, как развернется подача предметов боевого снабжения на гражданских заводах.

Военная промышленность может быть разбита на несколько групп, из которых каждая имеет специфические черты по своим свойствам и степени близости к общим гражданским производствам.

Наиболее специфичным представляется производство винтовко-пулеметов, дистанционных трубок, артиллерийских орудий и т. д.

От этих изделий более, чем от других продуктов военной промышленности требуется особая точность (для взаимной заменяемости частей) и исключительная прочность материалов в виду высоких напряжений при работе и требований подвижности:

Следующая таблица характеризует сложность производственного процесса:

Показатели	Производство						
	Вин-товка	Револь-вер	Пуле-мет	Пулем. станок	Патр. б/поро-ха	Дистанц.-трубка	
Число отд. частей	106	54	282	126	4	46	
Число обмер.	812	562	1,054	361	120	814	
Требуемая точность в мм. .	от .	0,125	0,125	0,05	0,125	0,125	0,125
	до .	0,025	0,05	0,01	0,05	0,05	0,05

Эта точность производства не мешает однако привлечению во время войны 1914-1918 гг. к выработке предметов вооружения самых чуждых, казалось бы, военной промышленности предприятий.

Например для выработки отдельных частей винтовки (сборка производилась на госоружейных заводах—«матках») были привлечены предприятия, ранее изготовлявшие счетные, пишущие и швейные машины, велосипеды и т. д. Эта система (проф. Romberg'a) специализации предприятий на производство отдельных частей дала блестящие результаты в Германии: в течение 6 месяцев производство винтовок с 25 тыс. штук в месяц достигло 250 тыс. штук.

Кроме артиллерийских орудий, многочисленная группа предметов артиллерийского снабжения (лафеты, снаряды, тракторы, обоз, оптические приборы и т. д.) имеет в гражданской промышленности вполне родственные производства.

Что касается военно-технического имущества (автотранспорт, жел. дор. имущество, инженерный обоз, средства связи и т. д.), то оно в основном никаких специфических особенностей не имеет. Впрочем, нужно отметить, что этой отрасли военного производства, точно так же, как и военно-санитарного и военно-хозяйственного автор не касается, и мы не ставим ему этого в вину, т. к. орудиями непосредственного столкновения они не являются.

Но когда автор исключает из рассмотрения химическую промышленность, то мы протестуем самым категорическим образом.

Химические заводы т. Вишневым не включаются в состав военной промышленности, так как «большая часть этих предприятий снова перешла на производство химических продуктов не военного типа». Между тем сам же автор, характеризуя военную промышленность Англии, упоминает о вновь построенных военно-химических заводах; в очерке же о военной промышленности США имеется характеристика Эджвудского арсенала (группа заводов, расположенных близ Эбердина), являющегося величайшим центром военно-химического производства.

«К концу войны арсенал в Эджвуде состоял из следующих заводов:

1. Снаряжательный завод с пропускной способностью до 4 тыс. тонн отравляющих веществ в месяц. Это количество отравляющих веществ соответствует приблизительно 1 млн. химических снарядов.

2. Фосгенный завод, рассчитанный на выпуск 2 тыс. тонн фосгена в месяц.

3. Завод для выработки хлорпикрина с производительностью до 1 тыс. тонн в месяц.

4. Хлорный завод с производительной способностью в 3 тыс. тонн ежемесячно.

5. Ипритный завод с расчетной производительностью в 3 тыс. тонн ежемесячно.

Таким образом, арсенал в Эджвуде имел возможность изготовлять ежемесячно 7-8 тыс. тонн отравляющих веществ. Значение этой цифры нетрудно определить, если вспомнить, что за все время войны 1914-1918 гг. Франция изготовила около 49 тыс. тонн отравляющих веществ» (с. 92.).

Химическое производство для целей войны не содержит в себе такого рода специфических моментов, которые препятствовали бы быстрому переводу обще-химических предприятий на обслуживание войны.

Производство искусственного шелка, целлулоида и т. д. легко может быть переведено на производство порохов; в течение суток или даже быстрее можно современную красочную промышленность перевести на производство отравляющих веществ и т. л.

Производство порохов и взрывчатых веществ базируется на азотной промышленности и производстве нитроцеллюлозных продуктов.

Потенциальные возможности в области производства взрывчатых веществ могут быть выявлены только на основе анализа перспектив развертывания производства азотных соединений.

До империалистической войны мировое производство связанного азота составляло 300 тыс. тонн в год, в 1928 г. — 1,3—1,4 млн. тонн; производство же синтетического азота возросло с 1913 по 1925 г. в 10 раз.

В ряде стран (Германия Англия, США (National Dyestoff Corporation) и т. д.) идет строительство новых азотных заводов.

Между тем, в условиях глубокого кризиса сельского хозяйства капиталистических государств, производство азотных удобрений не может являться рентабельным. По этому поводу английский журнал «Engineering Chemistry» (25/XI 1928) указывает, что «соотношение спроса и предложения совершенно не принимается во внимание в новых строительных программах азотной промышленности.

Отношение продажной цены к стоимости продукции также не имеет ничего общего с производством многих из этих предприятий.

Военная готовность — вот формула, преодолевающая все препятствия» (разрядка моя—А. Г.)¹.

Каковы сравнительные коэффициенты потребления армией порохов и взрывчатых веществ в период мира и во время войны, показывают следующие данные: в Германии армия в мирное время потребляла

¹ Цитирую из книги М. Рубинштейна «Империалистические войны будущего», изд. Комакад., с. 157.

200 тонн порохов в месяц, в декабре 1914 г. уже 4 500 тонн, в феврале 1915 г. — 6 тыс. тонн, в декабре 1915 г. — 8 тыс. тонн, в июле 1915 г. — 10 тыс. тонн ².

На 10 тыс. тонн пороха приходилось примерно 23 тыс. тонн взрывчатых веществ (для снаряжения снарядов), 10 тыс. тонн пороха соответствовали 100 поездом стрелковых и 30 поездом артиллерийских огнеприпасов.

Для производства 10 тыс. тонн пороха и 23 тыс. тонн взрывчатых веществ требовалось 34 тыс. тонн азотной кислоты (HNO_3), 6 тыс. азотнокислого аммония, 9 200 тонн 60%-го раствора серной кислоты, 26 900 тонн 20%-го раствора серной кислоты, 27 200 тонн концентрированной серной кислоты (H_2SO_4), $8\frac{1}{2}$ млн. литров спирта.

Такова значимость химического производства в военном снабжении. Отмахнуться от химической промышленности нельзя. Заводы, изготовляющие в мирное время порох, взрывчатые вещества и отравляющие вещества, должны считаться, естественно, кадровыми военно-промышленными предприятиями, а показатели потенциальных возможностей государства выводятся из анализа состояния и перспектив развития химической промышленности страны в целом.

Касаясь вопроса о планировании военного спроса (заявки вооруженных сил), нельзя обойти пресловутую «программу Гинденбурга», явившуюся выражением запоздалой попытки регулирования значительной части народного хозяйства Германии в целях ведения войны.

Можно сказать без преувеличения, что осуществление этой «программы» ускорило приближение конца Германской империи.

Резкое увеличение заявок на боевое снабжение выразилось в требовании срочного удвоения производства снарядов и минометов и утроения изготовления пулеметов и орудий, после наступления «союзников» в Шампани и на Сомме.

Таким образом месячная «программа Гинденбурга» выражалась в следующих цифрах (в тоннах): тяжелых орудий—400, легких орудий—3 000, пулеметов—7 000, пороха—12 000. Что приблизительно соответствует 10 млн. снарядов и 200 млн. патронов (с. 75).

Выполнение программы ярко характеризует то обстоятельство, что требования командования в империалистическую войну не только не увязывались с народнохозяйственными возможностями, но входили в разрыв с потребностями самой боевой деятельности, сильным преувеличением емкости поглощения фронтом предметов боевого снабжения. От недоучета—до 1914 г.—потребностей будущей войны, вследствие близорукости и буржуазной кастовой ограниченности,—к преувеличенным требованиям к народному хозяйству—таков был путь всех генеральных штабов и ставок воевавших государств.

Инерция развернувшегося при «программе Гинденбурга» производства была огромна. Производство пулеметов с 2 300 штук месячной подачи достигло к весне 1917 г. величины задания (7 тыс.) и к осени того же года давало уже свыше 14 400 пулеметов в месяц.

Производство винтовок достигло 25 млн. в месяц, когда германское командование уже к самому концу войны убедилось, что его

² «Der grosse Krieg 1914—18» in Zehn Banden, herausgegeben von M. Schwarte. Die organisation der Kriegsführung, Erster Teil. Die für den Kampf arbeitenden Organisationen, S. 83, 84. На русском языке см. предисловие А. Бурова к краткому извлечению из сборника «Die Technik im Weltkriege». Гиз 1927.

требования напрасно истощают народное хозяйство, а фронт потребляет лишь часть подаваемого боевого снабжения; в мае 1918 г. (командованием) было выражено желание получать лишь 6 тыс. пулеметов и 75 тыс. винтовок в месяц.

«Die Fertigung liess sich so rasch nicht zurückschrauben. Ein gewaltiger Überschuss war also zu verzeichnen»...³

Современная военная промышленность стоит сейчас перед дилеммой: в интересах мобилизационной готовности надо иметь мощную военную промышленность; слабая же загруженность военных заводов в мирное время, их нерентабельность,—все это заставляет прибегать: а) к консервации военных предприятий, б) к нагрузке военных заводов мирной продукцией, в) давать мобилизационные задания гражданским заводам (ассимиляция военных производств).

Интересно отметить, что чем мощнее индустриальная база, тем больше упор делается на широкую ассимиляцию военных производств.

Это объясняется тем, что опыт мировой войны, как мы отмечали выше, показал возможности, при наличии некоторого кадра военпрома, на мощной индустриальной базе широко развернуть военные производства (Франция, США, Англия).

В странах же индустриально слабых (Польша, Румыния и т. д.) ставка неминуемо должна ставиться на кадровую военную промышленность.

В результате гипертрофического развития военной промышленности слабая хозяйственная база Польши, например, колеблется под тяжестью относительно громадной военной надстройки.

Нужно предостеречь однако от недооценки военной промышленности Польши и производственных ее возможностей на военное время.

В военной промышленности занято 45 тыс. рабочих, дающих на 60—70 млн. руб. продукции.

Мы вполне присоединяемся к общей оценке т. Вишнева: «за 10 лет своего существования Польша создала сильную военную промышленность, недооценивать которую было бы ошибочно и опасно.

Не надо забывать, что 10 лет тому назад никакого военного производства в Польше не существовало, теперь же Польша не только покрывает свои потребности мирного времени, но и организует экспорт изделий своей военной промышленности за границу—в Румынию, Югославию, Турцию, прибалтийские страны» (с. 112).

Очень большое значение в деле снабжения изделиями военного производства Польши и Румынии может иметь Чехо-Словакия, производственные месячные возможности которой таковы (с. 119):

Арт. орудия	1 000 тонн	Патроны	50 000 000 шт.
Винтовки	60 000 »	Снаряды	800 000 »
Пулеметы станковые	2 000 »	Самолеты (с моторами)	300 »
Пулеметы ручные	4 000 »		

В общем, анализируя состояние и перспективы развития военной промышленности капиталистических государств, мы приходим к выводу, что производственные возможности ее в военное время (в будущую войну) будут выше, чем в войну 1914/1918 гг.

1. В среднем, против времени до войны 1914/1918 гг. кадровая военная промышленность возросла.

³ Schwarte. Der Grosse Krieg, S. 131.